

Министерство образования Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

**ПРОБЛЕМЫ
НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 4

Ярославль 2002

ББК Т 3(0)5+Т 3(0)6
П 76

Проблемы новой и новейшей истории: Сб. науч. тр. Вып. 4 / Под ред. проф. М.Е. Ерина, проф. Г.Н. Канинской; Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2002. 136 с.

Сборник статей охватывает различные аспекты новой и новейшей истории Европы и США, Азии и Африки, а также историографические проблемы. Посвящен актуальным проблемам и базируется на малоизученных архивных документах.

Сборник может быть полезен преподавателям, научным работникам, студентам, всем интересующимся всеобщей историей.

Редакционная коллегия: д-р ист. наук, проф. М.Е. Ерин (отв. ред.), д-р ист. наук, проф. Г.Н. Канинская (отв. ред.), канд. ист. наук, доц. С.Ю. Торопова, канд. ист. наук, доц. Е.Г. Михайловский, Е. Миловидова (отв. секретарь).

Рецензенты: кафедра всеобщей истории Ярославского педагогического университета им. К.Д. Ушинского; доктор исторических наук В.С. Павлов

© Ярославский
государственный
университет,
2002

Российские и немецкие историки о судьбе военнопленных в СССР

В 2000 и 2001 гг. в России и ФРГ появился ряд солидных трудов по истории иностранных, в основном немецких, военнопленных в Советском Союзе и других странах. Речь идет о работах немецких историков А. Хильгера “Немецкие военнопленные в Советском Союзе, 1941 - 1956”¹ и Р. Оверманса “Солдаты за колючей проволокой. Немецкие военнопленные второй мировой войны”², книгах С.Г. Сидорова, В.Б. Конасова и А.Л. Кузьминых и сборнике документов “Военнопленные в СССР. 1939 - 1956: Документы и материалы”³. Работа Оверманса помимо авторского текста включает также воспоминания некоторых бывших солдат и офицеров вермахта, которые были в плену в СССР, США, Великобритании и Франции. Таким образом, труды создают общую картину плена солдат вермахта, которые находились в лагерях всех континентов: от Канады до Сибири и Дальнего Востока, от Норвегии до Южной Африки. Они были в Австралии и на Ямайке, в Алжире, Марокко и на Мадагаскаре, в Кении и Судане, в СССР, начиная от западных границ и до Курильских островов, и, естественно почти повсюду в Европе. Если посмотреть на карту США 40-х годов, то ее территория была буквально усыпана лагерями немецких военнопленных. За исключением штата Невада, все остальные штаты имели лагеря пленных. Особенно много их находилось на востоке и в центральной части США.

Прежде всего хотелось бы сказать о сборнике документов. К этой превосходно изданной книге многократно применима характеристика “впервые”. Коллектив авторов во главе с проф. М.М. Загорулько впервые осуществил издание уникальных архивных материалов о военнопленных в СССР. Такие материалы еще сравнительно недавно были недоступны исследователю. Это первая в отечественном источниковедении публикация документов по масштабу, новизне и оригинальности, которая охватывает все аспекты военного плена: систему УПВ-ГУПВИ НКВД-МВД, учет и содержание, обеспечение, нормы

питания, физическое состояние, медицинское обслуживание, смертность и захоронение, побеги, трудовое использование, производственный травматизм, оперативную работу в лагерях, численность лагерей, выявление и наказание военных преступников, антифашистскую работу, перевоспитание, репатриацию. Впервые читательской аудитории представлен огромный материал о судьбе японских военнопленных, а также о польских, венгерских, итальянских, румынских и австрийских пленных. Структура сборника хорошо продумана, и каждый раздел документально раскрывает суть той или иной проблемы. В сборнике широко использованы статистические данные, отраженные в многочисленных таблицах и графиках. Помимо документов нормативного характера в сборник включены сопроводительные письма, докладные записки, сводки, справки и многие другие информационно-аналитические материалы на имя И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.П. Берии, Н.С. Хрущева, А.А. Жданова, что позволяет полнее раскрыть политические и экономические мотивы решений, принимавшихся в отношении военнопленных. Сборник содержит обширный научный и справочный аппарат, интересные приложения и комментарии к документам. Все это помогает в работе с текстом документов и служит в качестве дополнительного материала. Сборник сопровождается обстоятельным введением, написанным канд. ист. наук, доц. С.Г. Сидоровым.

В результате получился отличный сборник документов, ставший крупным научным достижением и внесший существенные коррективы в сложившиеся стереотипы. Его появление служит доказательством того, что в последние годы российской наукой делается многое, чтобы окончательно снять фигуру умолчания с судьбы иностранных военнопленных на территории бывшего Советского Союза и достоверно показать весь их многострадальный путь по советским исправительно-трудовым лагерям. История советского плена по опубликованным документам предстает перед глазами внимательного читателя во всем сложном многообразии сторон жизни, труда и смерти военнопленных. Читатель, таким образом, сам может убедиться в достоверности тех или иных фактов и событий. Кстати, работа Хильгера во многом опирается на те же документы из рассекреченных фондов отечественных архивов, которые теперь благодаря сборнику стали доступны российской и зарубежной общественности.

Правда, Хильгер существенно дополнил свое исследование материалами из немецких архивов Фрайбурга, Берлина, Бонна, Кобленца, Мюнхена и Мюнстера, воспоминаниями пленных и жанром “устной истории”. Не случайно его труд написан в рамках проекта федерального правительства ФРГ по сбору и обработке сообщений бывших военнопленных вермахта в Советском Союзе. Им было взято 299 интервью у бывших военнопленных, использована 131 статья о Сталинградских лагерях и сборник материалов о Бекетовском лагере № 108. Автором основательно изучены материалы Государственного архива Волгоградской области и фотографии музея-панорамы г. Волгограда. В оценке мемуарной литературы он достаточно критичен. Работа Хильгера выгодно отличается от трудов его предшественников, поскольку он хорошо знаком и тщательно изучил огромный материал российских архивов. При этом автор хорошо знаком с российской исследовательской литературой. В книге дан обстоятельный анализ германской историографии. Казалось бы, исследование Хильгера посвящено немецким военнопленным в Сталинграде и Сталинградской области, однако оно далеко выходит за географические и административные рамки одной области и касается общей судьбы немецких военнопленных в СССР. Работа Хильгера проникнута искренностью и, что особенно важно, лишена односторонних трактовок, а ее автор попытался объективно воссоздать драматическую картину событий. В ФРГ она нашла широкий отклик и получила большое признание, а Хильгер – главную премию Э. Имельмана Кельнского университета. Почему выбор пал на Сталинград и область? По признанию самого автора, при выборе темы исследования лагерей военнопленных в Сталинграде и области решающую роль сыграл ряд факторов, но не в последнюю очередь соображения кооперации двух университетов: Кельна и Волгограда. Оба города во время войны были разрушены, а сейчас между ними и университетами установлены партнерские связи. Кроме того, в конце 1942 г. в Сталинградской области был оборудован первый фронтовой лагерь и созданы фронтовые органы НКВД. В 1943 г. организованы трудовые лагеря, лагерь отдыха, режимный лагерь, тюрьма, спецгоспиталь и особые рабочие батальоны Министерства обороны. В 1956 г. из Сталинграда был репатриирован последний осужденный военнопленный. На протяжении почти 15 лет в области находились все типы лагерей. Поэтому система лагерей Сталинграда и области послужила как бы примером для последующей

политики верхов и советских учреждений в отношении военнопленных. Важен и следующий аргумент. Хильгер верно пишет, что для немцев Сталинград остается самым трагичным событием второй мировой войны. В результате обороны и контрнаступления Красной Армии была разгромлена одна из отборных армий Германии. С поражением вермахта на берегах Волги произошла первая массовая капитуляция немцев в войне. Впервые такое большое число солдат, офицеров и генералов попало в плен. По утверждению автора, всего в ходе Сталинградского сражения в плену оказалось 120 000 солдат вермахта и его союзников, из них 110 000 одних только немцев⁴. Плен означал для них новые страдания и жестокие испытания. Он потребовал от бывших солдат и офицеров вермахта огромных жертв. Только 6 тыс. человек из 110 000 вернулись домой. Плен, по словам Хильгера, это универсальное последствие войны. Он является чаще всего массовым и коллективным лишением свободы во вражеском плену. Именно после Сталинградского сражения началось становление системы лагерей и госпиталей для массы военнопленных. Уже в середине февраля 1943 г. в Сталинградской области существовало 5 лагерей (Бекетовский № 108, Фроловский № 50, Астраханский № 60, Капустин-Ярский № 98, Урюпинский № 123) и 7 спецгоспиталей.

Книга Хильгера касается практически всех сторон рассматриваемой проблемы: детальный анализ правового статуса военнопленных, условия их жизни (проживание, питание, одежда, продовольствие, медицинское обслуживание, почтовые отправления и т.п.), отношение гражданского населения, труд, политическая учеба, перевоспитание, антифашистская работа среди пленных, оперативно-чекистские мероприятия, судебные процессы 1949/1950 гг., репатриация. Есть даже параграфы, посвященные психологической атмосфере до плена (“Ожидания от сдачи в плен”) и в лагере (“Голод и тоска по родине”), поднимаются проблемы сексуальных отношений, алкоголизма и гомосексуальности в лагерях. Все свои выводы автор подкрепляет в обширном приложении множеством таблиц (уровень смертности в спецгоспиталях и лагерях города и области, нормы питания в сравнении с солдатами Красной Армии, гражданским населением и пленными западных союзников, результаты труда, данные о репатриации и т.д.).

Действительно, Хильгер - один из немногих историков, который правдиво описывает психологию немецких солдат, а затем военно-

пленных. Он пишет, что мысли о плене у солдат и офицеров ассоциировались со смертью. Плен пугал их не меньше, чем страх смерти или страх перед смертью. Страх плена был господствующим настроением среди всех военнослужащих. Об ощущении скорой смерти или страшного конца писали в своих письмах многие солдаты и офицеры Сталинградского сражения. Часть солдат говорила, что “лучше покончить с собой, чем попасть в руки к этим бестиям”. “То, что нам сулит плен, всем ясно: мучение и смерть”. Конечно, не все солдаты были готовы покончить жизнь самоубийством от ожидания плена. Чаще всего об этом говорили раненые, высшие чины или служащие определенных служебных инстанций и подразделений, преимущественно эсэсовцы. Как указывается в книге, солдаты все же предпочитали самоубийству плен. Страх смерти оказывался сильнее страха плена. Солдаты не считали, что плен - это “наихудшее”, верили в жизнь после плена или не хотели по меньшей мере терять эту последнюю надежду⁵. И только незначительная часть солдат рассматривали плен как шанс окончательно порвать с нацистским режимом или убежать от опасности войны.

Важный объект исследования – голод и его психо-физиологические последствия. Вся жизнь пленных сводилась к проблеме голода, все действия были направлены на добычу пропитания, все разговоры велись исключительно на эту тему. Хильгер не скрывает того факта, что среди пленных были нередки случаи каннибализма, мародерства. Главный девиз – выжить любым путем. Шла беспощадная борьба за собственное выживание. Один из военнопленных сказал: “Мы вели себя как звери”. Это была борьба каждого против каждого⁶. Румыны, например, продавали части умершего товарища, выдавая за верблюжье мясо. Наконец, отмечает Хильгер, в плену сразу же распался союз немецких солдат с румынскими, венгерскими и итальянскими “боевыми товарищами”. Между ними наметились враждебные отношения. Военнопленные группировались только по национальной принадлежности⁷.

Межличностные отношения определялись условиями, угрожающими жизни: утайки, обман, воровство на всех уровнях, доноительство. “Голый инстинкт самосохранения” побуждал пленных занять любой пост в Управлении лагеря. Наряду с волей выжить существовало сильное стремление вернуться на родину. Эта вера в лучшее будущее была мощным стимулом и важнейшим жизненным фактором⁸.

Надежда вернуться домой жила все годы плена. Мысли и настроения о возвращении доводили порой до состояния неконтролируемого поведения, толкали на непредсказуемые поступки. Хильгер пишет о том, что военнопленных охватывал страх, что может не сбыться их мечта об освобождении, о возвращении на родину⁹. “Страх этот заглушал старое товарищество”. Таким образом, стремление вернуться домой было прямо связано с борьбой за выживание.

Ирония судьбы заключалась в том, что немцы, разрушив Сталинград до основания, с 1943 г. руками военнопленных стали его восстанавливать. Только в феврале 1943 г. по указанию Берии на восстановительные работы было направлено 20 000 пленных¹⁰. В июне 1945 г. по указанию ГКО, учитывая большой масштаб работ в Сталинградской области, была выделена 51 тыс. военнопленных всех национальностей. Приоритет отдавался восстановлению промышленности и проезжим дорогам: 33% пленных направлялись на строительство дорог, 20% - на восстановление металлургического и тракторного заводов, 16% – на жилищное строительство, 14,4% – на военную и авиационную промышленность¹¹. Военнопленные лагеря № 362 работали преимущественно на предприятиях сталелитейной и черной металлургии. Они трудились везде и повсюду: в Камышине, например, на стекольном заводе и хлопчатобумажной фабрике, в самом Сталинграде на строительстве химического и нефтеперерабатывающего заводов (“второй Баку”), завода сельскохозяйственных машин и т.д. В мае 1947 г. в Сталинградской области находилось 25 222 военнопленных, из них 17 216 немцев, 1 206 румын, 5 253 венгры и 1 566 австрийцев¹².

В этой связи в книге Хильгера немалое внимание уделяется, с одной стороны, вопросу об отношении гражданского населения к военнопленным, а с другой стороны, мнению немецких пленных об особенностях русского характера. Парадокс заключался в том, что немецким солдатам, призванным на борьбу с “еврейским большевизмом”, вскоре самим пришлось оказаться и жить долгие годы в “еврейско-большевистской России” среди “славянских недочеловеков”. Контакты между пленными и местным населением были достаточно интенсивными, особенно на рабочих местах. Отношение к немецким военнопленным у гражданского населения менялось. Одно дело - сразу после Сталинградской битвы, когда в глазах русских “военнопленные расценивались как фашистские звери, которые под-

лежат уничтожению”¹³. Особенно сильны эти чувства были у тех, кто непосредственно пережил ужасы сражения. Они “долгое время видели в каждом немце военного преступника и злого нациста”. Хильгер верно пишет, что СССР не преследовал целей мести или физического уничтожения пленных¹⁴. Дисциплинарные и штрафные предписания были, правда, крайне жесткими, но они не основывались на дискриминации военнопленных. При всех отклонениях от норм содержания пленных их лагеря не были включены в систему ГУЛАГа, а прямые убийства были исключением¹⁵.

Но постепенно злоба и ненависть проходили. В конце 40-х годов отношение к пленным стало иным. Быстро исчез психоз ненависти у простых людей. Верно было замечено самими военнопленными, что “ненависть в течение продолжительного времени не в русском характере”. В их воспоминаниях отмечается, что в массе своей русское население вело себя в отношении военнопленных безупречно и не было настроено враждебно¹⁶. Правда, есть и другие мнения и оценки: “Русский есть вор и обманщик с утробы матери. Он врет, обманывает и ворует”. У части пленных возникли смешанные чувства, и в своих мемуарах они отмечают такие черты русского характера, как “поразительная нетребовательность”, “бесчувственность в отношении собственных и чужих страданий”, “примитивность”, “славянская самобытность”, “азиатский менталитет”, “лень русских”. Но при этом, “если попросишь у русского закурить, он, не задумываясь, дает”. Хильгер, обобщая воспоминания военнопленных, констатирует, что большинство пленных Сталинграда и области вынесло негативное впечатление о СССР¹⁷.

Хильгер учитывает ментальные особенности солдат вермахта, пришедших в Россию в 1941 г., их уверенность в том, что они ведут борьбу с “еврейско-большевистским господством”, со “славянскими недочеловеками” и несут “культурный прогресс в оккупированные страны”. Солдат и офицеров переполняло чувство превосходства и презрения к другим народам. Общим знаменателем был антикоммунизм. Оказалось, что эти стереотипы никуда не исчезли и в плену. Они продолжали определять негативное восприятие немецкими солдатами Советского Союза и советской системы. СССР рассматривался главным образом как насильственная власть, враждебность к нему не была преодолена. Отсюда же частые антиславянские и отдельные антисемитские высказывания солдат, а также характерное для них

после освобождения выражение – “русскими я сыт по горло”¹⁸. Различие в воинских званиях и в социальном статусе пленных играло в оценке России большую, но не главную роль. Любопытно, что часть вернувшихся домой претендовала на точное знание страны, людей, а “долгое пребывание в плену было ключом к пониманию Советского Союза, русских и других народов СССР – в добре и зле”. Есть и другие суждения. Пытавшиеся из опыта плена сконструировать “русский национальный характер” потерпели неудачу, говоря о “типичной русской непредсказуемости” или “непроницаемой странности”. По мнению Хильгера, менее убедительным является утверждение тех вернувшихся на родину пленных, которые подчеркивают, что они в целом делают “большое различие” между “русским населением и советским режимом”, позитивно оценивая гражданское население, которое помогало им чем могло, и негативно относясь к большевистской системе и ее жестоким функционерам¹⁹. Из всего сказанного автор делает вывод о том, что отрицательная оценка СССР, его политики, руководства и населения бывшими пленными, а также враждебный образ коммунизма, славян или евреев связаны с довоенной социализацией и навязанными стереотипами, а не с пленом. Антикоммунистических позиций придерживались все вернувшиеся в ФРГ военнопленные. Так, несмотря на солдатскую службу и пребывание в плену, у многих пленных сохранились старые предрассудки, враждебность и негативные суждения о СССР²⁰.

Книга С.Г. Сидорова является крупным научным достижением и серьезным вкладом в исследование проблем военного плена. Впервые читательской аудитории представлен огромный материал о судьбе польских, немецких, венгерских, итальянских, румынских, австрийских и японских военнопленных. Кроме того, материал монографии существенно расширяет и дополняет наши знания по истории Великой Отечественной войны, и особенно по истории СССР в послевоенный период. Изучая судьбу иностранных пленных, исследователь неизбежно соприкасается со сталинизмом и его лагерной системой. Не случайно многие зарубежные историки печальную судьбу военнопленных связывают с политической системой Сталина.

Книга С.Г. Сидорова – это фундаментальный труд, который воссоздает целостную картину использования военнопленных в качестве рабочей силы в народном хозяйстве Советского Союза. В ней автор поднимает целый комплекс вопросов, проанализированных им на вы-

соком научном уровне. Для этой цели ему удалось привлечь и тщательно изучить огромный архивный материал.

Автором справедливо подвергнуты критике работы немецких и советских историков, изданные в 70 - 80-е гг., за их субъективные оценки, излишнюю идеологизированность, односторонний и поверхностный подход, а порой и грубое искажение фактов. Известно, что тогда замалчивались негативные стороны содержания пленных в лагерях, а о их смертности и местах захоронений старались вообще не писать и не говорить. Конечно, отсутствие доступа к архивным материалам приводило к подобным выводам. Нам представляется удачным изложение материала о применении труда военнопленных в СССР по периодам и этапам и выяснение особенностей каждого периода и этапа. При этом показывается, что стратегия советского государства в вопросах привлечения военнопленных в народное хозяйство страны претерпела эволюцию от использования их труда на отдельных объектах до массового применения практически во всех отраслях народного хозяйства. Конечно, вся система организации труда и быта пленных была направлена на скорейшее восстановление народного хозяйства СССР, преодоление материальных и духовных последствий войны. Первый период (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.) - использование труда бывших солдат польской армии. В руках НКВД СССР в качестве военнопленных оказалось 130 242 чел.²¹ По постановлению ЦК ВКП (б) в марте – мае 1940 г. было расстреляно 21 857 чел. Многие пленные были распущены по домам, часть других передана немецкой стороне. Трудились они на строительстве дорог, на предприятиях черной металлургии, в шахтах. При этом автор отмечает, что их труд был малоэффективен и плохо организован, а нормативной базой служило внутренне законодательство. Более того, НКВД СССР оказался не готовым к приему польских военнопленных. Отсюда возникли серьезные проблемы с размещением, питанием, обеспечением работ, массовыми побегами, низкой трудовой дисциплиной. Общее число работающих составляло примерно 20% всех пленных, это 25 - 30 тыс. человек. С.Г. Сидоров объясняет и причины низкой производительности труда, а в целом он считает, что для первого периода было характерно незаконное удержание в лагерях НКВД военнослужащих польской армии.

Второй период (июнь 1941 г. – май 1945 г.), по мнению Сидорова делится на три этапа. Первый этап (июнь 1941 г. – март 1943 г.) ха-

рактизуется становлением системы организации труда военнопленных. Их использование в народном хозяйстве СССР началось с января 1942 г. и завершилось весной следующего года. Итоги производственной деятельности лагерей УПВИ на этом этапе оказались самыми низкими за все военные и послевоенные годы их существования. По утверждению автора, причинами этого были высокая смертность среди военнопленных, плохое имущественное обеспечение, низкий уровень медицинского обслуживания, в организации труда было очень много недостатков. На этом этапе произошло массовое пленение вражеских солдат в результате обороны и контрнаступления Красной Армии в районе Сталинграда. В плен попало 151 246 человек, из которых в самом городе было сосредоточено свыше 90 тыс.²² В работе С.Г. Сидорова со всей ясностью показано трагическое положение военнопленных и установление причины массовой смертности: плохие условия размещения, питания и медицинского обслуживания. Умирали десятками тысяч человек. Например, в феврале 1943 г. в Бекетовском лагере 108 умерло 4 592 чел., в марте - 11 777 чел. Смертность в спецгоспиталях была еще выше²³. Весной 1943 г. начался второй этап трудового использования пленных в СССР, прежде всего планомерное использование труда военнопленных немецкой армии. К концу 1944 г. применение труда военнопленных в народном хозяйстве СССР становится массовым. Производственные лагеря УПВИ появились во всех экономических районах европейской части СССР, в Западной Сибири. Хотя и на этом этапе, по оценке автора, итоги производственной деятельности лагерей 1943 - 1944 гг. оказались низкими. И, наконец, на третьем этапе (январь - май 1945 г.) произошло коренное изменение в организации лагерной жизни и труда военнопленных. Этот этап связан с преобразованием УПВИ в ГУПВИ, улучшением организации лечебного дела и питания, в результате заболеваемость и смертность в лагерях пленных стали снижаться и эффективность производственной деятельности лагерей усилилась. Численность военнопленных в производственных лагерях выросла до 555,3 тыс. чел.²⁴

Огромный интерес представляет характеристика особенностей третьего периода (июнь 1945 – 1956 гг.) в использовании труда военнопленных. Он оказался самым долгим, более 11 лет. В конце нового 1957 г. завершилось пребывание пленных в Советском Союзе. Последними его покинули японские военнопленные. Третий, послево-

енный период имеет свои особенности. Прежде всего применение труда пленных приобрело наибольший размах, обозначился переход к массовой организации производственных лагерей ГУПВИ. Труд военнопленных стал использоваться во всех отраслях народного хозяйства и экономических районах СССР. Огромный дефицит рабочих кадров во многом покрывался за счет бывших военнослужащих вражеских армий. По утверждению С.Г. Сидорова, на 1 февраля 1946 г. за стройками и предприятиями 50 союзных наркоматов было закреплено около 2 млн. пленных²⁵. Конечно, применение их труда не могло не оказать влияние на экономическое развитие страны.

На наш взгляд, оправдано рассмотрение использования труда пленных после войны по годам: 1945 г., 1946 г., 1947 г., 1948 г., 1949 г., 1950 - 1956 гг., поскольку каждый год имел свои особенности. На каждый год ставились определенные задачи, исходя из оценки внутренней ситуации в стране. Каждый год имел и разные итоги производственной деятельности лагерей. Например, 1946 г. стал первым годом, когда большинство лагерей ГУПВИ стало рентабельными. Правда, голод 1946 г. отрицательно сказался на их производственной деятельности, на продовольственном обеспечении военнопленных и их физическом состоянии. Период 1950 - 1956 гг. тоже имел свою особенность, когда в основном использовался труд осужденных военнопленных. Причем использовался наиболее эффективно. Все трудоспособные военные преступники привлекались к труду. Не остались в сторон даже инвалиды. И последнее. Выполненная осужденными работа уже не оказывала существенного влияния на развитие экономики СССР, как это было в предыдущие годы.

В этой связи С.Г. Сидоров справедливо заостряет внимание на вопросе о реальном вкладе военнопленных в развитие и восстановление народного хозяйства СССР. Автор нисколько не умаляет этого вклада и считает, что он был весьма существенным. Самый большой вклад пленные внесли в строительную индустрию, затем в топливно-энергетическую отрасль, оборонную, металлургическую, лесную промышленности. Верно отмечается, что эффективность трудового использования пленных в различных отраслях была разной. В целом, конечно, ими выполнен огромный и разнообразный комплекс работ. Интересно другое наблюдение автора. Наибольший объем работ в абсолютных показателях приходится на РСФСР, а наибольший вклад пленными был внесен в возрождение и развитие экономики других

союзных республик. Что касается экономических районов, то наибольший вклад внесен в восстановление Южного, Центрального и Западного районов. Труд японских военнопленных имел большое значение для развития Дальневосточного экономического района. И, наконец, автор справедливо пишет, что нельзя не учитывать труд многих инженеров и научных работников из числа военнопленных. Их вклад в дело развития советской науки и передовых технологий был значительным. Итогом пребывания военнопленных в СССР стали возрожденные города, фабрики и заводы, в военное время разрушенные ими же, дороги и каналы, миллионы тонн добытой руды, угля, камня, миллионы кубометров леса и многое другое²⁶.

В 2002 г. в Вологде была опубликована интересная работа В.Б. Конасова и А.Л. Кузьминых. В ней впервые дается подробный и критический анализ отечественной и зарубежной литературы по истории немецких военнопленных в СССР в период 1941 - 1956 гг. Авторы выделяют три периода в исследовании данной проблемы: первый - 1941 – 1956 гг., второй – 1957 – 1989 гг. и третий – с 1990 г. по настоящее время²⁷. При этом справедливо отмечается, что каждый период характеризуется своими особенностями и обстоятельствами. Однако только во втором периоде происходит становление официальной историографии, а в третьем периоде происходит “прорыв в проблему”²⁸. Впервые российские и зарубежные историки объединяют свои усилия в исследовании проблем военного плена, результатом чего являются труды гораздо более глубокого и объективного освещения событий прошлого. Причем сама тематика исследуется все-сторонне. Важно, что авторы наметили в своей книге проблемы и перспективы дальнейшего изучения этой актуальной темы.

Заслуживает внимания обстоятельный библиографический список работ по вопросу о немецких военнопленных второй мировой войны. В каждом тематическом разделе указывается литература на русском и иностранных языках. Будущему исследователю это, конечно, хорошее и полезное подспорье. По оценке авторов, библиография насчитывает более 830 наименований в области военного плена. Это свидетельствует о том, что трагедия миллионов людей, оказавшихся в плену, продолжает волновать многих и не может быть снята с повестки дня. Книгу завершает справочный аппарат, в котором дается развернутое толкование основных понятий и терминов, связанных с

историей пребывания бывших солдат и офицеров вермахта в лагерях и тюрьмах Советского Союза.

Исследования С.Г. Сидорова, А. Хильгера, Р. Оверманса, В.Б. Конасова, А.Л. Кузьминых и сборник документов показывают, что до сих пор весьма спорным остается вопрос об общей цифре военнопленных в СССР и о количестве умерших в плену. Оверманс в своей книге приводит разные цифры и, как нам кажется, обращается с ними достаточно вольно. Так, на с. 274 он пишет, что в СССР было 3 155 000 пленных, США – 3 800 000, Англии – 3 700 000, во Франции – 245 000, Югославии – 194 000. Всего получается 11 094 000 пленных. На других страницах своей работы Оверманс дает уже другие данные: в СССР было 3 000 000, США – 3 100 000, Англии – 3 600 000, Франции – 1 000 000, Югославии – 200 000, Польше – 70 000, Бельгии – 60 000, Чехословакии – 25 000, Голландии – 7 000, Люксембурге – 5 000. Итого по его подсчетам – 11 000 000²⁹, хотя реальная цифра – 11 067 000. И, наконец, на с. 2275 указываются следующие данные: в СССР было 3 060 000, США – 3 097 000, Англии – 3 635 000, Франции – 937 000, Югославии – 194 000, Бельгии – 64 000, в Польше, Чехословакии, Голландии и Люксембурге цифры пленных остаются неизменными во всех таблицах. Автор дважды упоминает цифру 11 094 000 и один раз 11 000 000. Причем количество пленных в СССР, США, Англии и Франции каждый раз разное. Подсчитано, что в ходе второй мировой войны всего в плен попало 35 млн. солдат и офицеров, из них 11 млн., т.е. почти 1/3, немецких.

Цифры военнопленных, которые приводит Оверманс, расходятся не только с данными рецензируемого сборника документов, но и с ранее опубликованными в работах немецких исследователей. В справке начальника 2 отдела ГУПВИ НКВД СССР А.Н. Бронникова от 27 июня 1945 г. указывается, что всего военнопленных за время Отечественной войны принято – 31 209 444 человека, только в 1945 г. поступило 2 179 749 чел., из них после 9 мая 1945 г. – 1 390 516 чел.³⁰ Всего на 26 июня 1945 г. содержалось военнопленных – 2 658 469 чел., из них немцев – 1 836 315, в том числе генералов – 175, офицеров – 33 492³¹. По официальным данным, доложенным правительству СССР 12 октября 1959 г., даются следующие цифры военнопленных немецкой национальности, заключенных в плен с 22 июня 1941 г. по 1 июля 1945 г.: генералы – 376, офицеры – 69 469, унтер-офицеры и рядовые – 2 319 715. Итого: 2 389 560 чел.³² Профессор М.М. За-

горулько придерживается того мнения, что с 22 июня 1941 г. по 8 мая 1945 г. частями Советской Армии было пленено 4377300 вражеских военнослужащих. После разгрома Квантунской армии число военнопленных увеличилось на 639 635 человек³³. Итоговая цифра получается – 5 016 935 человек. Это уже новый подход к оценке общего числа пленных в СССР. Загорулько пишет о 639 635 японских пленных, но в док. № 3.46 говорится, что взято 594 000 японских военнопленных, а в СССР было вывезено 499 807 человек³⁴. Серьезные расхождения имеются по поступлению военнопленных по годам. Оверманс считает, что в 1941 г. в СССР было – 26 000 военнопленных, в 1942 г. – 100 000, 1943 г. – 200 000, 1944 г. – 560 000, во втором квартале 1945 г. – 2 000 000³⁵. В справке Бронникова указывается совершенно иное поступление пленных по годам: в 1941 г. – 9 147, 1942 г. – 46 047, 1943 г. – 181 148, 1944 г. – 704 853, 1945 г. – 2 179 749 чел.³⁶

Вопрос о том, какова была реальная смертность пленных немцев в СССР, остается до сих пор спорным. Оверманс придерживается утвердившейся в германской историографии цифры – в русском плену погибло не менее 1,1 млн. солдат и офицеров вермахта, или около 33%, в то время как в лагерях западных стран смертность составила лишь более 9%. Да и количество пленных там было в два с лишним раза больше³⁷. Хотя в некоторых работах российских историков цифра 1,1. млн. умерших считается явно завышенной³⁸. По официальным данным государственных архивов Российской Федерации всего умерло 356 687 немецких военнопленных³⁹. Однако считается, что эта цифра занижена и немецких пленных умерло гораздо больше. Для сравнения Оверманс приводит данные о смертности в лагерях других стран: в США умерло 5 000 - 10 000 (1%), Англии – 2 000 (1%), Франции – более 22 000 (более 2,2%), Югославии – 80 000 (40%), Польше – 10 000 (14%), Бельгии – 500 (1%), Чехословакии – 2 000 (10%), Голландии – 200 (3%), Люксембурге – 15 (1%)⁴⁰. Самая высокая квота смертности немецких пленных была в советских лагерях.

В этой связи Оверманс пишет, что материальное положение в американском и английском плену было намного лучше, чем где-либо. Пленных хорошо обслуживали, они имели возможность дальнейшего образования и культурного развития. Многие военнопленные в США не работали. При этом они при желании сами могли выбрать место работы: или в сельском хозяйстве, или в американской

армии в качестве вспомогательной силы⁴¹. В повседневной жизни военнопленные меньше были изолированы от американцев и таким образом могли лучше познакомиться с общественной и политической ситуацией в США. Не случайно, что многие пленные пожелали остаться в Америке. Летом 1946 г. американская общественность потребовала от стран-победительниц освобождения немецких пленным из всех лагерей и тюрем. Осенью того же года правительство США приняло решение об окончательной репатриации военнопленных. В четвертом квартале 1947 г. в США уже не было ни одного пленного, в Англии - в четвертом квартале 1948 г. Франция также в конце 1948 г. освободила последние 24 000 военнопленных, страны Бенилюкса – в четвертом квартале 1947 г.⁴² Хотелось бы отметить, что осенью 1945 г. во Франции разгорелась жаркая дискуссия по вопросу о военнопленных. Ни в одной другой стране инспекторы Международного Красного Креста не трудились так много, как во Франции. Французы не хотели ранней репатриации и были заинтересованы в рабочей силе немецких пленным, которые трудились во многих областях французской экономики. Оверманс отмечает такой факт, что больше всего побегов пленным было из французских лагерей. Они составляли 5% по сравнению с другими странами. Знание многими военнопленными французского языка и близость своей родины давали шанс успешного побега. Отношение французов к немецким пленным было плохое. Автор констатирует, что даже в СССР к ним относились лучше, чем во Франции⁴³.

Анализ опубликованных источников и книг свидетельствует о стремлении авторов добиться объективного изображения плена, трагических последствий войны. Разнообразие архивного материала, дискуссия историков, различные точки зрения, сопоставление судеб немецких пленным в СССР и других странах больше сближают ученых, чем разъединяют. При этом исследователи помогают друг другу лучше понять и совместно решать сложную задачу изучения военного плена.

➤ Примечания

¹ Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion 1941-1956: Kriegsgefangenenpolitik. Lageralltag und Erinnerung. Klartext Verlag. Essen 2000. 300 S.

² Overmans R. Soldaten hinter Stacheldraht. Deutsche Kriegsgefangene des Zweiten Weltkrieg. Propylaen Verlag Berlin Munchen. 2000. 486 S.

³ Военнопленные в СССР. 1939-1956: Документы и материалы / Сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; Под ред. М.М. Загорулько. М.: Логос, 2000. 1120 с.; Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР. 1939-1956. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001; Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда, 2002.

⁴ Hilger A. Op. cit. S. 100. По мнению немецкого историка П. Штейнбаха, после долгой и тяжелой Сталинградской битвы в плену оказалось предположительно 93 000 простых солдат и большое количество офицеров (Steinbach P. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Ein Beitrag zur deutsch - sowjetunion Beziehungsgeschihte // Aus Politik und Zeitgeschichte. B. 24. 1991, 7. Juni 1991. S. 41).

⁵ Hilger A. Op. cit. S. 78.

⁶ Ibid. S.111.

⁷ Ibid. S. 112.

⁸ Ibid. S. 310.

⁹ Ibid. S. 313.

¹⁰ Ibid. S. 114

¹¹ Ibid. S. 199.

¹² Ibid. S. 203.

¹³ Ibid. S. 214

¹⁴ Ibid. S. 370.

¹⁵ Ibid. S. 371.

¹⁶ Ibid. S. 116.

¹⁷ Ibid. S. 373

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibid. S. 374.

²⁰ Ibid. S. 376.

²¹ Сидоров С.Г. Указ. соч. С . 33.

²² Там же. С. 30.

²³ Там же. С. 84.

²⁴ Там же. С. 156.

²⁵ Там же. С. 207.

²⁶ Там же. С. 415.

²⁷ Конасов В.Б. , Кузьминых А.Л. Указ. соч. С. 4-5.

²⁸ Там же. С. 30, 67.

²⁹ Overmans R. Op. cit. S. 246.

³⁰ Документы и материалы. Док. № 3.33. С. 217.

³¹ Там же. С. 218.

³² Военно-исторический журнал. 1995. №1. С. 20.

³³ Документы и материалы. Предисловие. С. 12.

³⁴ Там же. Док. №3. 46. С. 240.

³⁵ Overmans R. Op. cit. S. 272-273.

³⁶ Документы и материалы. Док. №3.33. С. 217.

³⁷ Overmans R. Op. cit. S. 247.

³⁸ Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы: Очерки и документы. Вологда, 1996. С. 163.

³⁹ Родина, 1995. №7. С. 72-73.

⁴⁰ Overmans R. Op. cit. S. 246

⁴¹ Ibid.S. 236.

⁴² Ibid.S. 273.

⁴³ Ibid.S. 243.

Г.Н. Канинская

Французские Зеленые: в поисках единства (середина 70 – 80-х гг. XX в.)

**Статья выполнена благодаря финансовой поддержке РГНФ.
Проект № ГФ-263**

Бурный рост численности и политической активности организаций защитников окружающей среды – экологов, или Зеленых, – один из интереснейших феноменов в числе массовых движений конца XX в. Экология в качестве научной дисциплины появилась в 60-х гг. XIX в. Ее предмет – взаимосвязи растительных и животных организмов между собой и окружающей средой. Сто лет спустя термин прочно вошел в политический словарь, а экологическое движение стало представлять собой пеструю картину. В наши дни, когда в условиях развернувшейся интернационализации в мире задача защитить окружающую среду от загрязнения выдвинулась в первый ряд среди глобальных проблем современности и не утихают споры между глобалистами и антиглобалистами, экологи составляют прочный костяк среди последних. Более того, экологическое движение как часть антиглобалистского выглядит в нем одним из самых оформленных и организованных с политической точки зрения.

В 2004 г. французские экологи, которых в этой стране принято называть «Зеленые», будут отмечать 20 лет со дня своей политической институционализации. Это, конечно, небольшой срок, и, говоря словами одного из их зачинателей А. Вештера, произнесенными по случаю десятилетнего юбилея Зеленых в 1994 г., «для истории это мизерный срок»¹. Во французском обществе еще живуч стереотип об экологах как о «немного мечтателях, несколько тщедушных, с бородами, длинными шевелюрами волос на голове, похожих на бойскаутов, ловящих бабочек на природе»². Тем не менее можно утверждать, что движение Зеленых уже закрепилось в политическом

пейзаже Франции. К тому же после тяжелого поражения социалистов и коммунистов на президентских и парламентских выборах 2002 г. и на фоне поиска французскими левыми новых путей и подходов к обновлению демократии перед Зелеными могут открыться новые горизонты и возможности.

В российской исторической науке до сих пор не уделялось особого внимания французским Зеленым. Самые общие сведения об их деятельности, впрочем, довольно давнего характера, содержатся лишь в аналитических обзорах экологического движения в Западной Европе в целом, подготовленных Институтом Мировой Экономики и Международных отношений³. Во Франции до начала 90-х гг. Зеленые тоже не становились объектом специального исследования, «за исключением нескольких работ юмористического характера и свидетельств самих участников»⁴. В 90-е гг. ситуация несколько изменилась и начали публиковаться как работы программно-теоретического характера лидеров Зеленой⁵, так и работы историков и политологов⁶. В 1995 г. в университете г. Лилля по специальности «Политические науки» была защищена первая диссертация, посвященная идентификации Зеленой⁷. Наконец, в 1991 г. в широко известной во Франции научно-популярной серии «Что я знаю?» («Que sais-je ?») вышла посвященная им книга⁸. Однако появление фундаментального исследования об экологическом движении во Франции еще ожидает своего часа.

Задача настоящей статьи – в надежде на дальнейшую перспективу подготовки такого фундаментального труда показать, как зарождалось и оформлялось организационно движение Зеленой в 70 - 80-е гг. Автор намеренно уклоняется от представления анализа идеологии Зеленой, о которой можно говорить вполне определенно, оставляя это для своих последующих трудов.

* * *

Первое десятилетие для французских Зеленой прошло в попытках решить триединую задачу: объединить разрозненные экологические течения; создать прочную политическую организацию и завоевать автономию в политическом пространстве. Для реализации намеченной цели уже сложились необходимые предпосылки. Во-первых, с начала 60-х гг. под влиянием экономического роста и усиления веса в обществе “экспертов и технократов” в стране заговорили о кризисе идеологий и деполитизации. По мнению социологов,

“наступил процесс открытости идеологии”⁹. В этих условиях отсутствие ярко выраженных философских и идеологических пристрастий, как и почитаемых кумиров, позволило Зеленым слиться воедино, несмотря на различные идеологические корни. Во-вторых, сильным детонатором послужили события Мая 1968 г. Французский политолог Э. Китшель пишет об их последствиях так: “В большинстве европейских стран политические структуры, сложившиеся после первой мировой войны и сохранявшиеся в период восстановления после второй мировой войны, с конца 60-х и на протяжении 70-х гг. начали размыться. Наметившийся процесс повлек за собой ослабление electoralной поддержки существовавших политических партий. Следствием этого явилось возникновение новых партий, что привело к сокращению числа голосующих за партии традиционные и изменению структуры межпартийной конкуренции”¹⁰. Новые партии он классифицирует по трем группам: этнолингвистические; новые правые; новые левые и экологи¹¹.

Политический экологизм начал выступать тоже в трех формах. В ряде стран экологическую тематику просто заимствовали либо социалистические, либо другие левые партии. Например, социалистическая партия Дании, социалистическая пацифистская партия и партия радикалов Голландии. Иногда акценты на тему защиты окружающей среды делали либеральные, аграрные партии, как это было в Швеции со стороны партии центра. Но помимо этого возникали новые партии, сформированные на базе экологической теории. Причем сразу выделились экологические консервативные партии, в частности в Австрии, и прогрессистские, которых, видимо, для отличия начали называть «Зеленые». Последние в конце концов стали превалировать над консерваторами в экологическом движении. Хотя «растаскивание» экологической тематики по трем направлениям часто препятствовало возникновению чисто экологических партий.

Главные течения, на базе которых зародился французский экологизм, – это «ассоциации защиты природы, группы защиты окружающей среды и условий жизни, борьбы против загрязнения воздуха, движения в защиту прав потребителей, альтернативные движения (в защиту местных сообществ, биологически чистых продуктов, щадящей медицины, энергии...), антиядерной борьбы, движений левых экстремистов и альтернативных левых», возникшие вскоре после Мая 1968¹². Наиболее влиятельными из них были такие, как Ассоциация

писателей и журналистов по защите природы и окружающей среды (французская аббревиатура -AEJPNE), научное критическое общество под названием сначала, в 1970, «Выживание», затем – «Выживание и жизнь», превратившееся в 1971 г. в филиал международной организации «Друзья Земли» (Friends of Earth) под аналогичным названием по-французски: “Les Amis de la Terre – RAT”.

Особым организующим моментом послужило антиядерное движение, благодаря которому сблизилась различные группы и произошла радикализация экологов. Так, 12 апреля 1971 г. в Париже состоялась первая антиядерная манифестация, собравшая 1 300 участников. Через год, 8 мая, под ее знаменами собралось уже 10 тыс. человек. В 1975 г. в подобной акции, организованной по призыву «Друзей Земли» и Автономной социалистической партии (АСП), выступало около 15 тыс. активистов. В начале 70-х гг. проходили и другие выступления явно экологической окраски, но все же у движения пока еще не было никакой структуры. Функции координатора играла пресса. В то время существовало несколько изданий, близких по духу экологами. Среди них – орган AEJPNE «Хроника от кита» (Le Courrier de la baleine), переименованная впоследствии в «Кит» (La Baleine), «Борьба за природу», «Пресс-служба экологического восстановления» (с 1975 г. – «Экология») и др.

С марта 1973 г. экологи начали завоевывать электорат. На муниципальных выборах в этом году у них появилось два кандидата: в департаментах Эльзас и Эн. В следующем году, во время президентских выборов, экологи выставили в первом туре собственную кандидатуру – Рене Дюмона, заявившего о себе как о «социалисте, противнике бюрократии и стороннике самоуправления»¹³. Как отмечали журналисты, «в своей красной футболке-поло и со своим стаканом воды»¹⁴ он собрал 1,34% голосов. Во втором туре Р. Дюмон от себя лично призвал голосовать за социалиста Ф. Миттерана. После этих выборов экологи заявляли о себе на всех выборах: местных, национальных, европейских. Хотя положение их оставалось неустойчивым, в начале 70-х гг. складывалось несколько благоприятных обстоятельств для активизации деятельности. С одной стороны, в обстановке энергетического кризиса, развернувшегося в мире в те годы, экологическая тематика стала очень актуальной и к тому же сильно популяризировалась средствами массовой информации. С другой стороны, локальная тематика, на которой строили свою пропаганду

экологи́сты, все в большей степени приобретала глобальный характер. Иными словами, в 70-е гг. зарождалось новое поколение политических партий, «объединенных общим стилем нонконформистской деятельности, не бюрократизированной и не иерархизированной структурой участия, практикой прямой демократии и коллективных решений, однородной социальной базой (молодежь, высокообразованные граждане преимущественно из средних слоев), тематикой, нацеленной на защиту автономии, гражданских прав, в том числе этнических меньшинств, окружающей среды, стран третьего мира, разоружения, критику как рынка, так и государства»¹⁵. 70-е гг. были отмечены для экологического движения во Франции «разрывом и конфликтом: разрывом с практикой деятельности через ассоциации и конфликтом по отношению к институционализированным противникам (например, государству)»¹⁶.

Датой рождения движения экологов можно назвать июнь 1974 г., когда состоялось их общее собрание в местечке Монтажи, на котором, впрочем, между ними выявились глубокие разногласия. Следует подчеркнуть, что этот год нельзя считать годом возникновения партии, так как экологи́сты намеренно до 1979 г. отказывались от создания собственной структуры в национальном масштабе и, более того, рассматривали понятия «партия и экологизм как антиномии»¹⁷. Большинство их абсолютно не принимало «концепцию партии», считало ее устаревшей, не соответствующей реалиям 70-х гг. Само слово «партия» отождествлялось ими тогда с «тоталитаризмом, озабоченностью лишь вопросом о власти»¹⁸.

В период с 1974 по 1984 гг. Зеленые искали оптимальный вариант для реализации трех главных направлений деятельности: участие в выборах, в повседневной политической жизни, наметка принципов структурализации. Процесс поиска распадается на три этапа. На первом, в 1974 - 1979 гг., Зеленые отказывались вообще от какого-либо объединения в национальном масштабе. Второй этап - 1979 - 1982 гг. - ознаменовался созданием постоянной структуры движения, но не партии. Наконец, в течение 1982 - 1984 гг. возникла партия Зеленых. Подчеркнем, однако, что хотя на третьем этапе Зеленые и приняли принцип создания партии, они всячески акцентировали внимание на том, что их партия - это не партия власти. Поэтому во время проходивших в то время в стране выборов представителей Зеленых можно

было встретить под различными политическими вывесками как левого, так и правого толка.

В 1975 - 1976 гг. экологисты провели еще два общих собрания, завершившихся принятием «Хартии», представлявшей собой программу действий экологистов на муниципальном уровне, но без каких-либо намеков на необходимость структурирования в национальном масштабе. Во время муниципальных выборов 1977 г. экологистам удалось избрать тридцать муниципальных советников. В 1978 г., на парламентских выборах, они группировались по двум коалициям: одни выступали вместе с «Фронтом самоуправления», объединившим тех, кто мечтал вписаться в политический пейзаж страны; другие создали автономный союз – «Экология 78». Последний создавался как независимая от других партий организация, а антиядерная борьба составляла его главный лозунг. По сути «Экология 78» стала первой заявкой Зеленых на ведение кампании под чисто экологическими лозунгами. Немаловажную роль сыграла она и в выдвижении на политическую арену собственных лидеров. Так, от имени Межрегионального комитета экологических движений (*Comité interrégional des mouvements écologistes – CIME*), оформившегося на ее базе, вошел в политику Антуан Вештер, инженер-эколог по профессии, с юных лет приобщившийся к антиядерной и пацифистской борьбе.

Важным событием в организационной жизни Зеленых послужило общее собрание в Дижоне, проходившее 24 - 25 ноября 1979 г., вскоре после их относительного успеха на выборах в Европейский парламент, во время которых они действовали автономно, под собственной вывеской, названной «Европа-экология»¹⁹. Отметим, что автономия экологистов резюмировалась в то время лозунгом «ни левые, ни правые»²⁰. В Дижоне возникло «Движение политической экологии» (*Mouvement d'écologie politique – MEP*). Решение о его организации прошло с трудом: из 129 голосовавших 55 высказались «за» и 45 – «против». К тому же к нему отказались присоединиться члены РАТ, оставались “независимые” экологисты, которых называли общим словом “Различные” (*Diversitaires*). Все же через год, на собрании в Версале 16 - 17 июня, состоялось юридическое оформление национальной организации Зеленых, так как там был принят “статут” (или устав) движения, разработанный временным бюро. Но РАТ по-прежнему активно противодействовала возникновению партии, поэтому в декабре 1981 г. сложилась лишь «Экологическая конфедера-

ция» (La Confédération écologiste – CE), провозгласившая своей целью создание собственной базы на региональном уровне, причем без учреждения каких-либо исполнительных органов. Инициаторами конфедерации были: RAT, Экологическая конфедерация Центра (Fédération écologiste du Midi) и Экология сегодня (Aujourd'hui l'écologie). Отказ от конституирования экологов в партию в 1981-1982 гг. во многом объясняется соперничеством между RAT и MER за лидерство в этом процессе. MER уже с 1981 г. настаивало на необходимости партии. RAT возражала в связи с тем, что фактически до июня 1983 г. занималась собственной реорганизацией.

Так или иначе, но, «как показывала эволюция выступлений и практики»²¹ экологов, идея консолидации в партию охватила их умы к 1982 г. Дату 1 ноября этого года можно считать датой возникновения «настоящей первой партии экологов во Франции»²² под названием «Зеленые – экологическая партия» (Les Verts-parti écologiste – VER). Она сложилась после преобразования MER в ходе Генеральной ассамблеи в Сан-Пери. Структура VER была гораздо более четкой, чем у ее предшественниц, хотя, как следует из программных заявлений, недоверие к идее партии еще не исчезло окончательно. Например, слово “партия” употреблялось только в названии, а в уставе она определяется как “ассоциация”. Наряду с этим не предусматривались по уставу посты председателя и генерального секретаря, сохранялась сильная автономия региональных отделений. Руководили VER Национальный совет, состоящий на три четверти из представителей регионов, и на равных полномочиях четыре «спикера». Партийные решения проходили в случае согласия трех последних. Кроме того, в документах провозглашалось, что Зеленые будут «конкурировать с большими партиями» (то есть партиями власти), но не «давить» на них. Параллельно с VER поменяла название Экологическая конфедерация, превратившись вначале в: «Зеленые - Экологическая конфедерация» (Les Verts-Confédération écologiste), а с 1983 г. и вовсе в «Зеленые». В том же году у экологов сложилась смешанная объединительная комиссия, благодаря усилиям которой в январе 1984 г., на съезде в Клиши, VER и «Зеленые» слились, оставив за собой имя «Зеленые». Но можно ли было говорить о появлении партии Зеленых?

В середине 80-х гг. «организация, деятельность и стратегия Зеленых не отвечали классическим критериям определения партии» по

ряду показателей²³. Об этом говорит уже тот факт, что слово «партия» стояло только в подзаголовке программы и вовсе не употреблялось в уставе. Местные и региональные организации по-прежнему имели большую автономию. Сохранялся коллегиальный принцип руководства со стороны четырех лидеров, наряду с которыми существовали теперь Национальный межрегиональный совет и Исполнительная коллегия. Решения о внутреннем референдуме можно было добиться 10% голосов. Помимо перечисленных выше аспектов организационного характера существовало множество таких проявлений в действиях Зеленых, которые позволяют весьма условно рассматривать их как партию классического типа²⁴. Назовем в их числе: туманность представлений о принципе политической принадлежности; отсутствие четко выработанной стратегии власти; чрезмерная внутренняя демократия, исключая всякую иерархию, в том числе создание сильного руководящего органа. Подобная организация не позволяла ожидать большого притока сторонников. «По совместительству», то есть одновременно с принадлежностью к другим партиям, в движении Зеленых насчитывалось 17 тыс. человек, но тех, кто состоял только у них, насчитывалось всего 164 человека²⁵. Добавим также, что вне орбиты Зеленых оставались «Друзья Земли».

В результате, представляется вполне логичным, что и после создания в 1984 г. движения Зеленых в нем не сложилось органического единства. Две тенденции – автономистская и за союз с левыми или даже крайне левыми – не исчезли, что наглядно проявилось во время выборов в Европейский парламент в июне того же года. Кандидатуры Зеленых разделились тогда по трем спискам. Список Зеленых возглавлял А. Вештер, ему противостояло объединение «Радикально-экологическое единство» (*Entente radicale écologiste – ERE*), часть экологистов поддерживала либертаристов.

Подчеркнем, однако, что в 1984 г. европейские списки зеленых получили более 4 млн. голосов, а избранные по этим спискам депутаты создали в Страсбурге парламентскую фракцию под названием «Радуга». Что касается французских Зеленых, то для них с этого момента начинается новый этап деятельности, отмеченный не только постоянным присутствием на политической арене, но и осознанием необходимости превращения в партию власти, завершившийся их вхождением в правительство «множественной левой» Л. Жоспена в 1997 г.

➤ Примечания

¹ Waechter, A. Un instant, une étape... // Vert-Contact (lettre d'information des Verts), 325, février 1994.

² J.Julliard. Ecologie ou barbarie // Le Nouvel Observateur. 13-19 avril 1989. P. 18.

³ См., например: Скороходов В. Движение экологов во Франции // Мировая экономика и международные отношения. 1985, № 6. С.99-103.

⁴ Цит. по: Sainteney G. Les Verts. P., 1991, P. 9; Dumont R. L'écologie ou la mort. La campagne de René Dumont. P., 1974; Samuel P. Les écologistes par eux-mêmes. P., 1977.

⁵ Dumont R. Mes combats. P. 1989; Waechter A. Dessine-moi une planète; l'écologie maintenant ou jamais. P.1990; Lipietz A. Vert espérance, l'avenir de l'écologie politique. P., 1993; Voynet D. Oser l'écologie et la solidarité. P., 1995.

⁶ Brodhag C. Objectif Terre. Les Verts, de l'écologie à la politique. P., 1990; Kitschelt H. La gauche libertaire et les écologistes français // Revue française de science politique. 1990; Vol. 40. № 3. Ferry L. Le nouvel ordre écologique. L'arbre, l'animal et l'homme. P., 1992; Abélès M.(dir.). Le défi écologiste. P., 1993; Villalba B. La genèse inachevée des Verts // Vingtième siècle. Revue d'histoire. 1997, № 53 et aut.

⁷ Villalba B. De l'identité des Verts. Essai sur la constitution d'un nouvel acteur politique. Thèse de science politique. Université de Lille II, 1995.

⁸ Sainteney G. Op. cit.

⁹ Boudon R., Bourricaud F. Dictionnaire critique de la sociologie. P., 1983. P. 300.

¹⁰ Kitschelt H. Op. cit. P. 339.

¹¹ Ibid.

¹² Sainteney G. Op. cit. P. 11.

¹³ Le Monde. Dossiers et Documents. L'élection présidentielle de 1974. P., 1974. P.69.

¹⁴ Цит. по: Villalba B. Op. cit. P. 91.

¹⁵ Sainteney G. Op. cit. P.5.

¹⁶ Villalba B. Op. cit. P. 90.

¹⁷ Ibid. P.91.

¹⁸ Sainteney G. Op. cit. P. 13.

¹⁹ На выборах в Европейский парламент 1979 г. Зеленые получили 4,4%, то есть немного недобрали до необходимых для получения четырех депутатских мест 5%.

²⁰ Villalba B. Op. cit. P. 95.

²¹ Sainteney G. Op. cit. P. 22.

²² Ibid.

²³ Ibid. P. 29.

²⁴ Определение партий классического типа см., например: Weber M. Economie et société. P. 1971; Duverget M. Les partis politiques. P. 1976.

²⁵ Villalba B. Op. cit. P. 96.

Политические взгляды Луи-Наполеона Бонапарта

Принц Луи-Наполеон Бонапарт, будущий император Франции Наполеон III – видный политический деятель середины – второй половины XIX в., в гораздо меньшей степени известен как публицист, оставивший значительное и весьма разнообразное литературное наследие, в котором он изложил свои политические воззрения. Основной темой его литературного творчества является апология бонапартистской монархии.

Часто утверждается, что наиболее полно политическая доктрина Луи-Наполеона Бонапарта изложена в публицистической брошюре “Искоренение пауперизма”, опубликованной в 1844 г. Однако еще задолго до выхода этой работы принц сформулировал свои основные политические идеалы в ряде сочинений, из которых, по меньшей мере, два заслуживают особого внимания.

Свои литературные труды Луи – Наполеон начал с вышедшей в 1832 г. брошюры “Политические мечты”. Речь идет о проекте конституции, в которой молодой принц (ему тогда исполнилось всего лишь 24 года) попытался разрешить узловые проблемы бонапартизма: соединить принципы свободы и демократии с государственной властью, республику с монархией, народный суверенитет с правом наследования и т.д. Текст изобилует многочисленными славословиями в адрес Наполеона I. Так, автор считает, что целью I Империи “было упрочить трон на принципах революции, излечить все раны Франции, призвать народы к новой жизни, ее страстями были любовь к отечеству, славе и чести”¹. Луи-Наполеон пытается снять со своего дяди обвинения в создании диктаторского режима. “Французы! – продолжает он далее. – Не будем несправедливы и воздадим благодарность тому, кто, выйдя из рядов народа, сделал все для его благоденствия, который распространил просвещение и обеспечил независимость отечества. Если некогда народы сделаются свободными, то этим они будут обязаны Наполеону. Он приучал народ к добродетели, этой единственной основе республики. Не ставьте ему упрека в его дикта-

туре: она вела нас к свободе подобно тому, как железный сошник, проводящий борозду, подготавливает плодородие нивы...»².

По мнению принца, оптимальный вариант государственной системы должен объединить в себе выгоды монархии (сила) и республики (свобода), отбрасывая такие их недостатки, как деспотизм и анархия. «Я полагал, – говорит он, – что этой цели можно достигнуть не иначе, как соединив оба народных дела – дело Наполеона с делом республики»³. Только представитель династии Бонапартов, имя которого покрыто славой ее основателя, считает Луи-Наполеон, может, если народ этого захочет, осуществить этот синтез: «Наследник великого человека есть единственный представитель величайшей славы, подобно тому, как республика есть единая представительница величайшей свободы. С именем Наполеона нельзя более опасаться возрождения террора; с именем республики – возвращения абсолютизма»⁴.

Автор часто обращается к идее суверенитета народа как основы династических притязаний Бонапартов, которые лишь кандидаты и только, а народ – суверен выбирает и провозглашает «открыто и свободно свою высшую волю»⁵. Таким образом, бонапартизм становится в один ряд с демократией и прогрессом. Луи-Наполеон открыл, наконец, средство примирить суверенитет народа и право наследования: санкция народного плебисцита будет необходима в каждом случае передачи власти по наследству: «Восшествие императора на престол будет санкционировано народом...»⁶.

В брошюре можно найти такую традиционную бонапартистскую тему, как национальное единение, стоящее над политическими партиями, но вместе с тем в ней появляются новые социальные приоритеты. Так Луи-Наполеон обращается к 21 статье Декларации прав человека и гражданина 1793 г., которая провозгласила право на труд и общественную помощь «обездоленным гражданам» – во Франции должна быть создана не только императорская, но и социальная республика. В статье XI его конституционного проекта читаем: «Общественная помощь есть дом священный. Общество обязано помогать обездоленным гражданам, предоставляя им работу или обеспечивая средства существования тем, кто не в состоянии работать»⁷.

За этим следует ряд постановлений о праве гражданства, формах управления, призванных подчеркнуть либеральный, демократический, республиканский тон данного проекта: законодательный корпус, сенат, трибуналы, избираемые народом; министры, ответственные

перед представительными органами; судебная власть, вверенная судьям, избранными народом; вооруженная сила; отношение к другим государствам и т.п. Что касается императора, то это простой президент республики, ее чиновник: “он издает нужные указы для исполнения законов, но никогда не может ни покуситься на их неприкосновенность, ни отказаться от их исполнения. Особа его неприкосновенна до тех пор, пока он не нарушил своей присяги. Его министры ответственны за всякое преступление, совершенное ими против национальной безопасности и конституции, за всякое покушение на собственность и свободу гражданина”⁸.

В целом в планах Луи-Наполеона вырисовывается создание некой цезаристской, авторитарной, республиканско-монархической, имперской демократии. Его конституционный проект имеет весьма противоречивый, непоследовательный, двойственный смысл. Это попытка соединить несоединимое – впрячь в одну повозку “коня и трепетную лань”. Во многих случаях его построения и схемы носят абстрактный, умозрительный и идеалистически-утопический характер. При столкновении с реальностью они с неизбежностью должны были рассыпаться в прах, что в действительности и произошло. Придя к власти и став императором, Луи-Наполеон предал забвению все “благие” порывы молодости. И в этом плане любопытно сравнить его конституционный проект 1832 г. с конституцией II Империи, принятой 20 лет спустя, благодаря которой Наполеон III присвоил по сути дела себе неограниченную власть в стране.

Апологетика бонапартистской монархии в наиболее концентрированном виде представлена в главном публицистическом труде Луи-Наполеона “Наполеоновские идеи”. По сути дела – это изложение основ его политической доктрины, отмеченное относительной новизной бонапартистских концепций середины XIX в. по сравнению с бонапартизмом периода I Империи. Работа “Наполеоновские идеи” была написана в 1839 г. накануне булонской экспедиции, организованной принцем с целью осуществления государственного переворота во Франции. Поводом для ее публикации послужили попытки Луи-Наполеона защитить память и оправдать деятельность своего дяди, результатом чего и явилось появление этого пропагандистского произведения, в значительной степени заимствованного из идей и концепций, изложенных в знаменитом “Мемориале Святой Елены” – памятных записках Наполеона I, сделанных им на о. Св. Елены.

В центре философии Луи-Наполеона – идея прогресса человечества, в котором он видит двигатель цивилизации. Направление прогресса определяли великие личности, имена которых были связаны с идеей Империи. По его мнению, ряд цивилизующих гениев идет “от Александра Великого к Цезарю, от Цезаря к Константину, от Константина к Карлу Великому, от Карла Великого к Наполеону I”⁹.

Что касается форм государственного правления, то автор не видит в них существенной разницы и считает их все одинаково хорошими: разница состоит только лишь в сроках их долголетия. “Разницы нет, – считает Луи-Наполеон, – между республикой и монархией. Все эти правления хороши, только те формы были лучше для такого-то народа, если они продолжались далее”¹⁰.

Конечная цель прогресса – свобода, которая сама является основой для дальнейшего развития человечества. Развитие прогресса неизбежно ведет к появлению государства. Наилучшая форма государства – это та, которая обладает подлинной властью, моральной силой, принципами и добродетелью и сохраняется длительное время. Общественный прогресс, по мысли Луи-Наполеона, развивается гораздо быстрее, когда он стоит во главе общества, т.е. опирается на единоличное правление, монархию: когда прогресс “находится во главе общества, он идет смело, потому что ведет за собой общество; когда же он сосредоточен в массе, он идет медленными шагами, потому что борется с ней”¹¹. Отдавая предпочтение монархическому принципу правления, Луи-Наполеон стремится доказать, что революции, являющиеся неотъемлемой частью прогресса, всегда приводят к установлению власти одного человека. И если революция разрушает власть аристократии, т.е. власть определенной группы людей (как это было во французской революции 1789 г.), то оставшееся свободным властное место с неизбежностью должно быть занято одним человеком – “природа демократии персонифицируется в личности”¹². Правда, для того, чтобы оправдать имперскую монархию Наполеона I, автор прибегает к не очень убедительному доводу, квалифицируя ее как “Республику, основанную на выборах”¹³. Не отрицая историческую роль Провидения, которое порождает выдающиеся личности, Луи-Наполеон тем не менее не пытается оправдать право имперского наследования божественным правом. Здесь он вновь возвращается к идеям, высказанным ранее в “Политических мечтах”: могущество личности и династии полностью покоятся на “демократическом духе

нации”, народном суверенитете, которые являются политическим обоснованием притязаний на власть¹⁴. Однако, сделав очередной реверанс в сторону “народного суверенитета”, принц с неизбежностью вступает в конфликт с идеалами первоначального бонапартизма, заключающегося в противоречии между народными чаяниями и правом династического наследования. Тем не менее в традиционные для бонапартизма темы, явно заимствованные из “Мемориала Св. Елены” (“Наполеон – сын революции”, “Наполеон – слуга будущей свободы” и т.д.), Луи-Наполеон не вносит никаких изменений.

На словах Луи-Наполеон позитивно относился к демократическим принципам 1789 г.: равенству, уважению к закону, свободомыслию, порядку и справедливости, отказу от политических крайностей, национальному согласию, стабильности во всем при условии признания примата личной власти. Как и прежде, он считал, что Франция нуждается в режиме, который сочетает лучшие качества монархии и республики, отсекая их недостатки – прежде всего парламентаризм. На смену последнему с его бесполезными, бесконечными дискуссиями должно прийти достаточно властное, но популярное правительство, имеющее целью практические результаты в экономическом развитии, улучшение материального положения трудящихся классов, охрану общественной нравственности¹⁵. Таким образом, бонапартизм как бы приобретает демократическую окраску: общественные институты, предназначенные прежде всего для Империи, под пером Луи-Наполеона превращается в институты гуманистические.

Анализ “Наполеоновских идей” показывает, что к середине XIX в. бонапартизм практически не изменил своей природы и сохранил верность политическому и духовному наследию Наполеона I, довольствуясь лишь подчеркиванием демократического характера цезаризма и используя для этого различные гуманистические и филантропические доводы. Эти поправки были необходимы для того, чтобы приспособить бонапартистские концепции к широко распространенным в то время республиканским, демократическим и, возможно, социалистическим идеалам. Благодаря возрождению наполеоновской легенды вновь явленный бонапартизм сумел интегрироваться в общественно-политическую жизнь Июльской монархии в последние годы ее существования. Политические концепции Луи-Наполеона дают наглядную возможность сопоставить предвидения автора с политической практикой революции 1848 – 1849 гг. и II Империи. Не

случайно, констатируя кризис Реставрации и режима Луи-Филлипа, Луи-Наполеон был убежден, что придет время и “простой здравый смысл” приведет к восстановлению наполеоновской системы¹⁶.

Вместе с тем большинство политических идей Луи-Наполеона не несут в себе чего-то нового и принципиального. В подавляющем большинстве они являлись прямыми заимствованиями, прежде всего у Наполеона I, а также у Кондорсэ, Монтескье, Боссюэ, Сен-Симона, Фурье, Луи Блана и других представителей французской общественной мысли XVIII – XIX вв. Что касается его политической риторики, то, по всей очевидности, Луи-Наполеоном руководило два стремления: во-первых, по возможности приспособить традиционную бонапартистскую доктрину к потребностям политической ситуации, связанной с кризисом Июльской монархии; во-вторых, нажить себе политический капитал среди демократических и республиканских кругов Франции. Эту характерную черту политических взглядов Луи-Наполеона отмечает французский историк Ж. Прадалье в своей работе “II Империя”: “По своим идеям Наполеон III (речь идет о Луи-Наполеоне – *Е.М.*) первоначально сблизился с представителями левого лагеря, впитав, как и они, гуманистический идеализм, который был характерен для духа 1848 г. Но, когда он перешел от мечтаний к действительности, он разошелся с ними”¹⁷. В пользу этого говорит и тот факт, что Луи-Наполеон, став императором в 1852 г., начисто забыл о своих прегрешениях молодости.

➤ Примечания

¹ Карл-Людвик-Наполеон Бонапарт. Его жизнь и сочинения. СПб., 1871. С. 191.

² Там же. С. 192.

³ Там же. С. 191.

⁴ Там же. С. 192.

⁵ Цит. по: Bluche F. Le bonapartisme. P., 1981. P. 62.

⁶ Ibidem.

⁷ Карл-Людвик-Наполеон Бонапарт. Его жизнь и сочинения. С. 195.

⁸ Там же. С. 196.

⁹ Там же. С. 207.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Bluche F. Op. cit. p. 63.

¹³ Ibid. P. 64.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Pradalite G. Le Second Empire. P., 1992. P. 14.

**Основные тенденции развития
британской партийно-политической системы
в поздневикторианский период
и эпоху правления Эдуарда VII (1880 – 1900-е гг.)**

«Партийное чувство в этой стране преобладает над чувствами патриотизма и личной выгоды», – справедливо подчеркнул Д. Чемберлен в разговоре с Р. Черчиллем в декабре 1886 г.¹ Заметим, что известный деятель либеральной партии Великобритании, лидер ее радикального крыла, имел в виду не только и даже не столько «высокую политику», творимую в стенах Вестминстера, сколько атмосферу на местах, в первичных партийных организациях. Спустя десятилетие он же писал старшему сыну Остину: «Никто из работавших с избирателями не сомневается, насколько сильны партийные предрассудки. Человек может сердцем поддерживать юниониста, но ничто не сможет заставить его голосовать за кандидата тори»².

Эти слова свидетельствуют о той значительной эволюции, которую претерпело партийно-политическое развитие за девятнадцатое столетие. В первой половине века связи между партиями были аморфными, практически отсутствовало понятие «партийная дисциплина». Поэтому члены парламента, независимо от того, к какой партии – тори или вигов – они принадлежали, могли голосовать по своему собственному убеждению, зачастую не совпадавшему с партийным курсом. Ситуация кардинальным образом изменилась к концу столетия. После введения института партийных организаторов, или уиппов, строго следивших за дисциплиной в стенах нижней палаты, а также в результате оформления в середине XIX столетия двухпартийной системы, члены партии были обязаны поддерживать ее программные установки, что было хорошо известно либеральному политику Д. Чемберлену. Данные изменения приобрели и терминологическую законченность: существовавшее в первой половине – середине XIX столетия «парламентское правительство» сменяется в последней трети века «партийным».

К постулату о том, что двухпартийная система стала неотъемлемой частью политической жизни страны в викторианскую эпоху, на-

до добавить одну существенную оговорку: необходимые условия для функционирования двух партий сложились не ранее середины 1880-х гг. Важным рубежом на этом пути стал 1886 год, связанный с политическим кризисом по вопросу о самоуправлении Ирландии (гомруль). В результате раскола британской либеральной партии и выхода из нее правого крыла вигов во главе с маркизом Хартингтоном, а также части радикалов под руководством Д. Чемберлена (оба течения составили группировку либерал-юнионистов, выступая за сохранение унии с Ирландией 1801 г.), либералы в течение последующих 20 лет подверглись процессу радикализации. Сдвиг влево усилился на рубеже XIX – XX столетий под влиянием так называемого «социалистического возрождения» – процесса активной институционализации социалистического и рабочего движения в 1880 – 1890-е гг., а также формирования «новых тред-юнионов», более восприимчивых, чем прежние, к идеям социализма. На рубеже XIX - XX вв. либералы, ирландские националисты и лейбористы, создавшие свою партию в 1900 г., оформились в так называемый прогрессивный союз и стали проводить активную социальную политику. А после победы на выборах 1906 г. прогрессисты стали ведущей силой партийно-политической жизни страны.

Любопытным феноменом является то, что в результате событий 1886 г. не только в либеральной, но и консервативной партии проходили аналогичные процессы эволюции влево. Основа этих изменений была заложена известным лидером консерваторов 1870-х гг. Б. Дизраэли, автором концепции «торийской демократии», провозглашавшей патерналистские отношения аристократии и рабочего класса. Данная тенденция была усилена сближением консерваторов с либерал-юнионистами; происходивший в течение десятилетия процесс завершился вступлением юнионистских лидеров в 1895 г. в правительство тори, а затем и полным объединением консервативно-юнионистских сил. Новый лидер консерваторов Р. Солсбери стал одной из центральных фигур партийно-политической жизни страны в период так называемой «консервативной волны» – преобладания тори на политической арене в последней трети XIX века. Новый юнионистский союз стал защищать социальный порядок и все формы собственности, составив тем самым оппозицию прогрессивным силам, выступавшим за введение дифференцированного налогообложения,

активизацию роли государства и распространение его функций на социально-экономическую сферу.

Политическая жизнь и социальные проблемы. Курс юнионистских и прогрессивных сил выработывался в соответствии с новыми политическими приоритетами. С 1880-х гг. в центр общественно-политической жизни выдвинулись проблемы бедности. Традиционно они решались в британском обществе посредством благотворительности. Образованное в 1869 г. Общество благотворительности придерживалось классических либеральных установок, в частности идеи индивидуализма и ограниченных функций государства. Среди его членов было широко распространено мнение, что только усилия отдельных индивидов (самоконтроль, ответственность, упорный труд, ограниченное потребление спиртного) помогут побороть бедность; влиянию социально-экономических условий они не придавали особого значения³. Данная организация демонстрировала индивидуалистический подход к решению социального вопроса в британском обществе. Другой подход отличался коллективистской направленностью и был связан с переосмыслением в последней трети XIX столетия традиционной либеральной идеи минимального государства. Расширение его функций активно обсуждалось на страницах общественно – политической и философской литературы⁴.

С начала 1880-х гг. британские общественно-политические деятели приходят к пониманию того, что бедность связана со структурной несбалансированностью экономической системы. В 1881 г. в Британии была опубликована работа американского радикала Генри Джорджа «Прогресс и бедность», который утверждал, что бедность не является атрибутом организованного общества и, пока не будет создано идеальное общество, она всегда будет сопутствовать прогрессу⁵. Она произвела первый удар по либеральной идеологии, основанной на оптимистической вере в промышленный прогресс, поэтому стала чрезвычайно популярной.

В конце 1880-х гг. появилась книга основателя Армии спасения Вильяма Бута «В мрачной Англии, или Путь из тупика», продолжившая серию социальных романов 1830 – 1840-х гг. Ч. Диккенса, Б. Дизраэли, Ч. Кингсли, Э. Гаскел. Наиболее значительными в последующее десятилетие стали социальные исследования Чарльза Бута и Сибома Роунтри. Ливерпульский торговец Ч. Бут с 1886 по 1902 г. провел анализ условий жизни лондонских бедняков, результатом чего

стала многотомная работа «Жизнь и труд лондонских рабочих». По поводу выхода первого тома (1889 г.) «Манчестер Гардиан» писала: «Исследование м-ра Ч. Бута знаменовало целую эпоху... Оно повысило уровень дискуссии по социальной реформе»⁶. Социальный реформатор С. Роунтри в 1901 г. опубликовал исследование о рабочих районах Йорка «Бедность: исследование городской жизни». Посетив 12 тыс. рабочих поселений, Роунтри выявил уровень доходов и расходов рабочих семей, определил черту бедности и пришел к заключению, что «процент населения, страдающего от бедности, гораздо выше, чем предполагалось ранее»⁷.

Активизация роли государства в социальной области привлекла внимание ведущих государственных политических деятелей: В. Гладстона, У. Черчилля, Д. Ллойд Джорджа и др.; это нашло отражение в политических документах того времени: «Радикальной программе» Дж. Чемберлена, публикациях Фабианского общества и др. Деятельность социалистических группировок – Социал-демократической федерации и Фабианского общества, образованных в 1884 г., выступления лондонских безработных в 1886 г., стачка лондонских докеров в 1889 г. вызвали создание ряда Королевских комиссий по изучению условий жизни рабочего населения столицы. Дискуссии по проблемам бедности привлекли внимание даже королевы Виктории.

Важный шаг к признанию активной роли государства в социальном вопросе был сделан под влиянием «новых либералов». Не вдаваясь в историографические дискуссии по поводу термина «новый либерализм», считаем справедливым согласиться с мнением влиятельного британского политического историка М. Фридена, который относил к нему как теоретические новшества, введенные либеральными интеллектуалами в доктрину классического либерализма в последней трети XIX века (обновлению подверглись идеи жесткого индивидуализма, минимального государства, лессефера), так и социально-экономическую политику либеральных кабинетов 1906 – 1914 гг.⁸ Новый либерализм объединил интеллектуальную элиту британского общества (по партийной принадлежности левых либералов (радикалов) и правых лейбористов), которая признала, что именно государство и правительство должно заниматься социальными вопросами.

По мнению историка П. Вейлера, наибольший вклад в распространение новолиберальных идей внесли четыре фигуры: экономист

Д. Гобсон; философ Л. Хобхауз; издатель газеты «Дэйли Кроникл» и прогрессивного журнала «Нэйшн» Г. Мэссингем и издатель «Гардиан» Ч. Скотт. Ведущие теоретики нового либерализма Дж. Гобсон, Л. Хобхауз полагали, что, проводя справедливую социальную политику, государство обеспечивает равенство возможностей в обществе. Это расширило горизонты либеральной идеологии, доказало жизнеспособность либеральной традиции, показало пути решения важнейших общественно-политических проблем.

С начала 1890-х гг. идея социальных реформ, проводимых государством, стала центральной темой дискуссий прогрессивных организаций страны, в которых участвовали представители либерально-лейбористской интеллигенции. Наиболее известным дискуссионным «клубом» прогрессистов явился «Кружок радуги», основанный в 1893 г.⁹ Цель организации – «проведение открытых дискуссий для формирования рационального взгляда на политический и социальный прогресс и ... выработка программы действий для социальных реформаторов» – не оставляла сомнений в социальной ориентированности ее заседаний.

Прогрессисты тесно сотрудничали с этическим движением, в рамках которого активно обсуждались социальные вопросы¹⁰. В наиболее передовых обществах левой ориентации, среди которых выделялось Южное этическое общество и Общество этических пропагандистов, был популярен принцип «позитивной свободы» философа-идеалиста Т.Х. Грина, в соответствии с которым государство должно было предоставить социальные гарантии индивидам, не имеющим возможности самостоятельно достичь достойного существования. На основе этой идеи Гобсон и Хобхауз разработали концепцию «органического общества», которое должно заботиться о благе всех своих членов¹¹.

К концу XIX века необходимость расширения функций государства была осмыслена как в теоретической, так и в практической областях. Британские политики осознали, что первоочередной задачей является не забота о бедных, а поиски эффективных средств борьбы с бедностью; на это и была направлена политика либерального реформизма Г. Асквита, Д. Ллойд Джорджа и У. Черчилля. В результате деятельности либеральных кабинетов 1906 – 1914 гг. идея о ведущей роли государства получила практическое воплощение.

Демократизация избирательной системы. На протяжении второй половины XIX в. происходили активные процессы демократизации общественно-политической жизни. В результате реформ 1832 и 1867 гг. электорат был расширен за счет буржуазных и городских рабочих слоев; уничтожение «гнилых местечек» и перераспределение избирательных округов привело к изменению парламентской карты страны: она стала более равномерной и демократичной. Но и после 1867 г. диспропорции в представительстве графств и городов в парламенте сохранялись. В частности, на одного члена парламента в графствах Англии и Уэльса приходилось 73 тыс. населения, а в городах – только 41 тыс. В результате к середине 1880-х гг. две трети парламентариев представляли лишь четвертую часть электората. Срочно требовалось дальнейшее перераспределение.

Важным, кульминационным моментом в процессе демократизации стала парламентская реформа 1884 – 1885 гг. При ее подготовке тори заняли более радикальную позицию, нежели либералы, поскольку были заинтересованы в улучшении своего избирательного положения среди таких социальных категорий, как ремесленники, проживающие в сельской местности, шахтеры, сельские рабочие, фермеры, арендаторы. Лидер тори Р. Солсбери, проанализировав статистические данные, использовал принцип перераспределения с максимальной выгодой для своей партии, заложив тем самым основу электоральной гегемонии на последующие два десятилетия¹².

Закон о перераспределении 1885 г. упразднил избирательные округа с двойным членством (после реформы их сохранилось только 23) и ввел принцип «Один человек – один голос». Округа стали более однородны в количественном и социальном отношении¹³. Основой для формирования избирательного округа, обладающего одним парламентским местом, стало количество населения в размере 15 - 50 тыс. человек. Социальный принцип перераспределения был заимствован у Э. Берка, который полагал, что округа должны быть социально гомогенными, формироваться по «интересам» социальных групп, и предлагал отделить население, занимающееся сельскохозяйственным трудом, от занятого в промышленности, и отдельно выделить пригороды, с преимущественным проживанием среднего класса.

В результате процесса преобразования избирательных округов, а также увеличения размера нижней палаты освободилось 182 места, которые были перераспределены следующим образом: 142 отданы

Англии и Уэльсу, 14 – Шотландии и 21 – Ирландии. Ирландских мест в Вестминстере стало насчитываться 103 (это количество депутатов представляло интересы 6,7 тыс. избирателей), а ирландская парламентская партия стала обладать балансом власти в парламенте и оказывать значительное влияние на британскую политику¹⁴. Этот дисбаланс при отсутствии механизма для проведения периодического перераспределения постоянно увеличивался в результате миграции населения для работы в новых отраслях промышленности и передвижения среднего класса из городов в пригороды. Поэтому в 1885 г. округа с населением более 100 тыс. жителей не получили новых мест, в 1901 г. им было отдано 50 мест, а в 1911 – 100 мест. Реформа 1885 г. положила начало созданию одномандатных, количественно и социально однородных избирательных округов, хотя отлаженный механизм сложился не ранее начала второй мировой войны. Перераспределение ликвидировало множественное голосование и небольшие сельские города, переместив их места в графства, сделала более однородными избирательные округа графств¹⁵.

Другая острая проблема, обозначившаяся к началу 1880-х гг., – коррупция во время избирательных кампаний. Вплоть до середины XIX столетия существующее законодательство лишь подтверждало веру избирателей в право на взятку, причем последняя никоим образом не влияла на репутацию кандидатов. В 1854 г. был принят закон о борьбе с коррупцией, в соответствии с которым она квалифицировалась как серьезное правонарушение; вводились жесткие меры наказания¹⁶. Но предусматриваемая оценка предвыборных расходов не производилась, широко распространилась тайная коррупция.

Помимо этого избирательная система страны страдала от жестокостей предвыборной борьбы: прямого давления на избирателей, атмосферы запугиваний, которые приобретали различные формы (организация предвыборных беспорядков, кража детей, угроза оружием, террор, разрыв арендных соглашений, шантаж и т.д.). Не случайно такое большое значение для демократизации парламентской системы имел Закон 1872 г., вводивший тайное голосование¹⁷, но и он не решил всех проблем.

Выборы 1880 г. наглядно обнажили все негативные моменты британской избирательной системы. Не случайно, в 1883 г. был принят более действенный, чем в 1854 г., закон, включавший в себя три раздела: наказания, классификация новой нелегальной практики и

введение строгих правил, ограничивающих предвыборные расходы. Последний, наиболее важный как средство борьбы с коррупцией, предполагал, что предвыборные расходы в небольших городах (с наличием менее 2 тыс. избирателей) не должны превышать 350 ф. ст. для каждой партии, в избирательных округах небольших городов (избирателей более 2 тыс. чел.) – 380 ф. ст.; и для каждой дополнительной тысячи избирателей эта сумма увеличивалась на 30 ф. ст. В графствах сумма расходов равнялась соответственно 650 и 710 ф. ст., а также выделялись дополнительные 60 ф. ст. на каждую последующую тысячу избирателей. Установленные цифры предполагали двойное сокращение расходов по сравнению с выборами 1868 и 1880 гг.¹⁸. Существенным было и то, что Закон 1883 г. четко прописывал суммы, которые можно было потратить на специальные нужды: личные расходы кандидатов, оплату предвыборных агентов, экспедиторов. Для искоренения прежней практики покупки голосов под предлогом найма на работу музыкантов оркестра, изготовителей рекламной печатной продукции запрещалось оплачивать данные виды предвыборной активности. В результате проведения в жизнь этого закона расходы на одного избирателя значительно сократились¹⁹.

Акт 1885 г. лишил 25 наиболее коррумпированных округов избирательного права и 29 преобразовывал в одномандатные. И хотя на выборах 1908 гг. коррупция давала о себе знать еще в двух десятках избирательных округов, главным образом на Юге страны²⁰, с ее массовыми проявлениями было покончено.

Середина 1880-х гг. была своеобразным водоразделом, отделявшим прежнюю избирательную систему от ее современного образца. В 1895 г. лейбористский лидер Кейр Гарди оптимистично заявлял, что «битва за избирательное право выиграна, и осталось уточнить только детали»²¹. Оценки современников были восприняты британскими политическими историками, долгое время полагавшими, что Акт 1884 г. ввел «почти всеобщее избирательное право для мужчин» и в «стране с середины 1880-х гг. наступила демократия»²². Современные исследователи стали более осторожны в оценках, полагая, что после третьей избирательной реформы только 68% мужского населения обладали избирательным правом²³. Отсутствие четких критериев обладания правом голоса для отдельных групп населения, нестабильность процесса регистрации приводили к тому что 2 из каждых 5 мужчин были исключены из процесса голосования.

Надо признать, что в конце XIX века принцип всеобщности избирательного права еще не был реализован. Во-первых, оно отсутствовало у женщин, что исключало из списков голосующих 50% взрослого населения. Во-вторых, в результате 3-х парламентских реформ размер собственности как критерий обладания правом голоса был значительно снижен, но до конца не отменен. Наконец, не имел избирательных прав ряд категорий населения: лунатики, иностранные граждане, уголовные и коррумпированные элементы, пауперы, а также домашняя прислуга, сыновья, проживающие с родителями, солдаты, размещающиеся в бараках, что составляло еще 12% от общего количества населения. 3,75 тыс. взрослых мужчин были лишены права голоса из-за сложностей регистрационного механизма, который на рубеже XIX - XX вв. основывался на 118 парламентских законах, 650 юридических решениях, 60 официальных регистрационных формах²⁴. Ежегодная процедура регистрации протекала с апреля до конца декабря. В целом требовалось 18 месяцев для того, чтобы выборщик был зарегистрирован. Если за это время избиратель переместился в другой округ или другую социальную категорию (например, вместо владельца дома он становился квартиросъемщиком), он лишался права голоса²⁵. В наибольшей степени от этого страдали самые мобильные категории – священники, учителя, государственные служащие, рабочие²⁶. Процедура регистрации приводила ежегодно к лишению 1 млн. избирателей (в основном рабочих) права голоса²⁷.

В последней трети XIX – начале XX в. сохранялся еще один рудимент избирательной системы – множественное голосование (наличие собственности в различных избирательных округах давало право ее владельцам иметь несколько голосов), которое было более распространено в рядах консервативной партии. Британский историк Блэуэтт подсчитал, что на выборах в декабре 1910 г. либералы по этой причине потеряли от 21 до 30 мест²⁸. В целом отсутствие у целого ряда категорий населения избирательных прав, потеря голосов, а также множественность голосования приводили к тому, что 89% населения были недовольны существующей избирательной системой²⁹. Поэтому тезис о существовании «полной демократии» в Великобритании к концу Первой мировой войны вряд ли соответствует действительности. Тем не менее, три реформы избирательного права, проведенные в рамках XIX столетия, дали мощный импульс развитию современной партийной структуры Великобритании.

Организационное развитие партий. Еще одной важной тенденцией партийно-политического развития в указанный период стало формирование организационных структур партий современного типа. С конца 1860-х гг. наблюдалось резкое увеличение количества избирателей: с 2,445 млн. в 1868 г. до 5,7 млн. в 1885 г. и 7,9 млн. в 1911 г. Это вынудило ведущих политиков заняться поисками более экономических и эффективных способов мобилизации голосов на поддержку своих партий, что стимулировало появление организационных структур и новых форм пропаганды. В последней трети XIX столетия произошла эволюция партийных организаций: из парламентских партий с индивидуальным членством и спорадическими секциями на местах они превратились в массовые организации с мощными внутренними социальными связями. Если раньше партии повышали активность во время избирательных кампаний, находились под постоянным контролем землевладельцев, то теперь они перестали ограничиваться чисто политической сферой деятельности и стали контролировать все уровни жизни избирателей³⁰. В целом можно обозначить следующие признаки развития партийной организации в последней трети XIX - начале XX в.: участие низовых организаций на местах в избирательной борьбе, подбор кандидатов на выборы; на национальном уровне объединение конституционных клубов и ассоциаций в федерацию, участвующую в разработке политики; наличие влиятельной партийной бюрократии, которая налаживала связи между избирательным округом и руководством партии в Вестминстере; существование не парламентского, а партийного правительства, члены которого, а также рядовые заднескамеечники должны были придерживаться строгой партийной дисциплины и проводить политику своей партии, голосовать за выдвигаемые ею законопроекты³¹.

Наряду с формальными элементами партийных структур, с последней трети XIX века стало появляться большое количество всевозможных клубов, дискуссионных обществ, которые в ряде мест были вообще единственными ячейками партий. Их деятельность заключалась в социальной мобилизации масс посредством организации игр, танцев, музыкальных концертов, пикников, других массовых развлечений, зачастую сопровождавшихся выступлением партийных политиков. Постепенно партийные организации стали вовлекаться в повседневную жизнь избирателей, прежде всего рабочих, оказывая поддержку в случае болезни, организации похорон и т.д.³² Наиболее

известной и популярной из подобных организаций была консервативная Лига подснежника, образованная после смерти лидера тори Б. Дизраэли³³ и названная в честь его любимого цветка. Именно она, преодолев узость партийных воззваний, способствовала получению консерваторами статуса национальной партии. Руководство Лиги использовало своеобразные ритуалы (напоминающие масонские) и консервативные идеи для социального единения масс на местах. Любопытно, что первоначальное название «Консервативная лига подснежника» преобразовалось в «Лигу подснежника» что позволило данной организации обращаться к более широкой аудитории. В результате к 1910 г. она насчитывала 2,645 тыс. местных ячеек и 2 млн. членов.

Таким образом, с середины 1880-х гг. до Первой мировой войны партийно-политическое развитие характеризовалось следующими основными моментами: внимание политиков ведущих партий к социальным проблемам; расширение функций государства, которое должно было заботиться о благе своих граждан; демократизация избирательной системы, выразившаяся в распространении избирательного права на все новые категории населения, ликвидация диспропорций в избирательных округах и оформление более равномерной избирательной карты страны, ликвидация множественного голосования и борьба с коррупцией на выборах; наконец, формирование новых организационных структур партий, что в совокупности приближало политическую систему страны к ее современному варианту.

➤ Примечания

¹ Цит. по: Searle G.R. Country Before the party: Coalition and the Idea of “National Government” in Modern Britain, 1885-1987. L., 1995. P. 1.

² С 1895 г. термины «юнионист» и «тори» являлись синонимами. Цит. по: Fraser P. Joseph Chamberlain. L., 1966. P. 166-167.

³ Layborn K. The Evolution of British Social Policy and the Welfare State. L., 1995. P. 139. О неоднозначности деятельности общества см.: Vincent A.W. The Poor Law Reports of 1909 and the Social Theory of the Charity Organisation Society // Before Beveridge: Welfare Before the Welfare State. L., 1999. P. 64; Jones S. G. Outcast London: A Study of the Relationship between Classes in Victorian Society. Harmondsworth, 1976. P. 256-257.

⁴ Jevons W.S. The State in Relation to Labour. L., 1882; Elliot A. The State and the Church. L., 1882; Farrer T.H. The State in its Relation to Trade. L., 1883; Craik H. The State and its Relation to Education. L., 1884.

⁵ George H. Progress and Poverty. L., 1881. P. 341.

- ⁶ Manchester Guardian. Apr. 16. 1897. P. 4.
- ⁷ Briggs A. A Study of the Work of Seeborn Rowntree. 1871-1954. L., 1961. Ch. II.
- ⁸ Freedman M. The New Liberalism and Its Aftermath // Victorian Liberalism: Nineteenth-Century Political Thought and Practice. L.; N.Y., 1990. P. 176.
- ⁹ Minutes of the Rainbow Circle, 1894-1924. Freedman M. (ed.). L., 1989.
- ¹⁰ Spiller G. The Ethical Movement in Great Britain. A Documental History. L., 1934.
- ¹¹ Подр. о философии Д.Гобсона и Л.Хобхауза см: Collini S. Liberalism and Sociology: L.T. Hobhouse and Political Argument in England 1880-1914. CUP, 1979; Freedman M. The New Liberalism: An Ideology of Social Reform. Oxford, 1978.
- ¹² Jones A. The politics of Reform. 1884. Cambridge, 1972. P.201-211; Chadwick M. The Role of Redistribution in the making of the Third Reform Act // Historical Journal. No. 19. 1976.
- ¹³ Подр. см.: Pelling H. Social Geography of British Elections, 1885-1910. L., 1967. P. 6-9; Seymour C. Electoral Reform in England and Wales: the Development and Operation of the parliamentary Franchise, 1832-1885. New Haven, 1915. P.287-295.
- ¹⁴ Pugh M. The Making of Modern British politics, 1867-1939. Oxford, 1993. P. 9-10.
- ¹⁵ Later Victorian England, 1867-1900. Gourvish, O'Day (eds.). L., 1988. P. 108.
- ¹⁶ Seymour C. Electoral Reform... P. 231, 358, 410-412.
- ¹⁷ Clarke P. Lancashire and the New Liberalism. L., 1973. P. 251.
- ¹⁸ Hanham H.J. Elections and Party Management: Politics in the Time of Disraeli and Gladstone. Hassock, 1978. P. 251, 274-275.
- ¹⁹ O'Leary C. The Elimination of Corrupt Practice in British Elections, 1868-1911. Oxford, 1962. P. 206-207; Gwyn W.B. Democracy and the Cost of Politics in Britain. L., 1962. P. 55.
- ²⁰ Hanham Elections and party Management. P. 281-283; Lowell A.L. The Government of England. V. 1. P. 238.
- ²¹ Matthew H.C.G., McRibbin R.I., Kay J.A. The Franchise Factor in the Rise of the Labour Party // English Historical Review. No 91. 1976. P. 724-725.
- ²² Butler D.E. The Electoral System in Britain 1918- 1951. Oxford, 1953. P. 5.
- ²³ Blewett H. The Franchise ...
- ²⁴ Marsh P. The Discipline of Popular Government: Lord Salisbury's Domestic Statecraft 1881-1902. Hassocks, 1978. P. 194.
- ²⁵ Blewett H. The Franchise ... P. 38-39.
- ²⁶ Thompson P. Socialists, Liberals and Labour: the Struggle for London, 1885-1914. L., 1967. P. 69-70.
- ²⁷ Ibid. P.70-71.
- ²⁸ Blewett H. The Franchise ... P. 44-47; Tanner D. Political Change and the Labour Party. P. 450.
- ²⁹ Russel A.K. Liberal Landslide: the General Election of 1906. Newton Abbot, 1973. P. 19-20.
- ³⁰ Garrard J. Parties, Members and Votes after 1867 // Gourvish, O'Day (eds.) Later Victorian Britain. 1867- 1900. L., 1988. P. 8.
- ³¹ Более подр. о процессе становления и развития партийных структур см.: Узаров И.М. Политические партии Великобритании и рабочие избиратели. Ростов н/Д., 1995.
- ³² Garrard Parties, Members and Votes after 1867 // Gourvish, O'Day (eds.) Later Victorian Britain. 1867-1900. P. 127-150.

Т.А. Федорова

Политическая позиция Федерации индийских торгово-промышленных палат и конференция «круглого стола» в 1931 г.

В 30-е гг. XX в. в Британской Индии нарастало освободительное движение. Оно активизировало огромные массы населения, участвовавшие в кампаниях гражданского неповиновения – сатьяграхах¹. Руководство кампаниями осуществлял Индийский национальный конгресс – авангард борьбы за независимость – и его лидер М.К. Ганди, а финансовую поддержку оказывали националистически настроенные деловые круги. Лишенные государственной поддержки, в жестких условиях конкуренции с представителями метрополии, предприниматели осознавали необходимость достижения самоуправления и независимости. Вместе с тем деловые круги, в отличие от деятелей Конгресса, предпочитали конституционные методы борьбы с колониальным правительством, поэтому любая инициатива администрации по достижению компромисса с оппозицией вызывала интерес и оптимизм со стороны буржуазии. Особенно наглядно это показывает работа Федерации индийских торгово-промышленных палат (ФИТПП), корпоративной представительской организации национального бизнеса Индии, в период подготовки и проведения конференции «круглого стола» в Лондоне в начале 30-х гг.

Конференция проводилась в три этапа: в ноябре 1930, сентябре 1931 и октябре 1932 гг. Формально ее целью было собрать за столом переговоров представителей различных политических партий Индии и сформулировать предложения по новому конституционному устройству страны. На деле она была призвана принять проект законодательства, предложенный англичанами и не учитывавший мнение крупнейшей оппозиционной режиму партии – ИНК. В предложенном колониальной администрацией проекте конституции, составленном на основе рекомендаций комиссии Саймона², не говорилось о возможности предоставления Индии независимости, так же как не пре-

дусматривалось мер для поддержки национального индийского предпринимательства. Поэтому в апреле 1930 г. в Индии развернулась кампания гражданского неповиновения под руководством ИНК и М.К. Ганди, получившая неофициальное одобрение лидеров национального делового сообщества.

Лидеры Индийского национального конгресса, среди которых были М.К. Ганди, М. Неру, С.В. Патель, С. Найду и другие, возглавившие сатьяграху, были арестованы вскоре после ее начала и не принимали участия в работе конференции. Они осудили этот форум и не верили в его способность приблизить наступление независимости. Однако предприниматели придерживались противоположного мнения и убеждали конгрессистов, а в особенности М.К. Ганди, что участие представителей ИНК в работе конференции может способствовать улучшению ситуации в стране. Один из наиболее могущественных лидеров национального бизнеса и основатель ФИТПП, Г.Д. Бирла, еще до начала сатьяграхи советовал М.К. Ганди поехать в Лондон и принять участие в обсуждении новой конституции. Однако тот отказался, заявив, что все парламентские методы достижения свараджа³ были ИНК исчерпаны и британцы потеряли доверие индийской нации⁴. Несмотря на различное отношение к парламентским методам борьбы, ФИТПП, также как и Конгресс, отказалась участвовать в работе конференции «круглого стола» в 1930 г., так как лидеры Федерации не получили от правительства четких разъяснений о том, каковы «функции и возможности» данного форума, а также «уверений в предоставлении стране статуса доминиона с введением необходимых гарантий на время переходного периода»⁵.

В связи с отсутствием представителей ИНК и ФИТПП на первой сессии конференции делегации представляли разнонаправленные и порой взаимоисключающие интересы. Их объединяла лишь лояльность к колониальному правительству и неприязнь к движению гражданского неповиновения, которое было невозможно остановить без участия представителей Конгресса. Поэтому колониальная администрация, возглавлявшаяся лордом Ирвином⁶, была вынуждена начать переговоры с находившимся в тюрьме М.К. Ганди. В январе 1931 года было достигнуто соглашение, вошедшее в историю как Пакт Ганди - Ирвина. М.К. Ганди освободили, и кампания гражданского неповиновения была приостановлена. Английская сторона обязывалась прекратить репрессии и освободить арестованных, которых

не обвиняли в насильственных действиях. М.К. Ганди от имени Конгресса соглашался принять участие во второй сессии конференции «круглого стола». Рабочий комитет Конгресса в январе 1931 года принял «непримиримую резолюцию», в которой настаивал на предоставлении Индии независимости⁷, а М.К. Ганди взял на себя ответственность добиваться этого в Лондоне.

Патриотически настроенные деловые круги с энтузиазмом восприняли предложение участвовать в работе форума. Они одобительно отнеслись к тому, что Конгресс будет представлен в лице М.К. Ганди, о чем свидетельствует приглашение лидера ИНК на открытие 4-го ежегодного съезда ФИТПП, состоявшегося в марте 1931г. Во вступительной речи президент Федерации Л. Шри Рам выразил надежду, что поскольку представители Индийского национального конгресса будут участвовать в работе конференции «круглого стола», то все увидят в недалеком будущем «плоды совместных усилий народных представителей и Британского правительства, заключенные в конституции, которая удовлетворит законные устремления индийцев и предотвратит возобновление борьбы, благородно остановленной соглашением Ганди - Ирвина»⁸. Л. Шри Рам от имени собравшихся делегатов, обращаясь к присутствовавшим представителям колониального правительства, определил политическую позицию организации: «Мы не хотим ничего большего, чем доминион, но ничто меньшее нас не удовлетворит»⁹. Выступивший за ним М.К. Ганди поблагодарил собравшихся бизнесменов за финансовую помощь, оказанную Конгрессу и национально-освободительному движению в целом. Он призывал их активнее участвовать в движении и даже возглавить его. Правда, для этого, по мнению лидера ИНК, бизнесменам необходимо было стать «опекунами и слугами бедных», от имени которых выступал ИНК¹⁰.

На этом съезде было принято решение о назначении Г.Д. Бирлы, П. Тхакурдаса и Д.М. Сахиба в качестве делегатов от ФИТПП на вторую сессию конференции «круглого стола» в Лондоне. Представители деловых кругов надеялись, что правительство в новом Акте об управлении подарит им если не финансовую независимость, то, по крайней мере, значительные уступки в данном направлении – например, снижение курса рупии и контроль над тарифной политикой внутри страны, присутствие представителей Федерации, так же как и участие М.К. Ганди, будет этому способствовать.

Работа второй сессии Конференции «круглого стола» показала, однако, что эти надежды были по большей части напрасны. Представители ФИТПП действовали совместно с М.К. Ганди во время обсуждения принципиально важных вопросов: о курсе рупии по отношению к стерлингу, проблемах коммерческой дискриминации, тарифной политике, «индийском долге» и финансовых гарантиях англичан в Индии. Г.Д. Бирла и П. Тхакурдас убедительно доказывали несправедливость политики метрополии в области финансов и промышленности. Г.Д. Бирла отметил, что результаты первой сессии конференции, так же как и второй, были «совсем неудовлетворительны»: в итоговом постановлении по-прежнему значительные преимущества в области коммерции сохранялись у англичан¹¹. Там не содержалось и намека на желаемый контроль будущего правительства Индии над финансами¹² и валютной политикой, несмотря на предложение ФИТПП создать специальный Резервный банк для контроля повседневных финансовых операций внутри колонии¹³.

Оба представителя Федерации приводили убедительные аргументы в пользу необходимости предоставления Индии самоуправления и статуса доминиона. Так, Г.Д. Бирла детально изложил свои соображения по поводу общего бюджета. Из общей суммы 900 млн. рупий метрополия оставляла за собой право распоряжаться 720 млн., включая такие статьи, как содержание армии, выплаты по государственному долгу и социальному обеспечению. В таких условиях, пояснил Г.Д. Бирла, страна даже при максимальных гарантиях не может полностью контролировать свои финансы¹⁴. Однако предприниматель предложил выход из создавшейся ситуации. В частности, он проанализировал причины роста военного бюджета и пришел к выводу, что не было никаких оснований тратить на нужды армии 470 млн. рупий. Вполне достаточно, по его мнению, вернуться к уровню 1913 года, когда они составляли 330 млн. рупий. Г.Д. Бирла отметил, что, в отличие от других владений метрополии, рост военных расходов в Индии составил около 100%, в доминионах он не превышал 33%, а в самой Великобритании – 48%¹⁵. Г.Д. Бирла заметил, что в интересах колонии, как и в интересах метрополии, была бы выработка конструктивного решения по поводу способа экономии средств на этом направлении.

В вопросе, связанном с долговыми обязательствами Индии перед Англией, представитель национальной индийской буржуазии выра-

зил сомнение в справедливости приписывания некоторых расходов Индии. В частности, он ссылаясь на отчет ИНК, в котором отрицалась заинтересованность Индии в колониальных войнах Англии в Египте, Судане и Абиссинии. Следовательно, заключал Г.Д. Бирла, траты следовало записать в расход Великобритании, а не Индии.

Таким образом, по мнению предпринимателя, путем уменьшения военного бюджета и списания части индийского долга можно было бы снизить процент закладной собственности Индии с 80% до 50% и даже больше. Тогда правительство не препятствовало бы смягчению финансовых гарантий¹⁶. П. Тхакурдас не выразил желания обсуждать причины задолженности Индии, но впредь просил Англию не давать Индии в долг, так как не хотел, чтобы стране отказали в самоуправлении или независимости под предлогом задолженности. На момент конференции он мог с уверенностью говорить о том, что одна из названных англичанами причин отказа Индии в предоставлении независимости заключалась именно в огромном долге и, следовательно, в неспособности этот долг оплатить. Поэтому и призывал метрополию не увеличивать этот долг.

Г.Д. Бирла предположил, что ситуация, в которой окажется будущий министр финансов правительства Индии, будет сложной. Ему пришлось бы изыскивать средства экономии бюджета лишь из 20%, которые ему оставляло предлагаемое законодательство. Он был бы вынужден навязать стране новые виды налогообложения. Г.Д. Бирла отметил, что такой способ финансового контроля не устраивал индийских бизнесменов и крупных землевладельцев. Существовавшую ситуацию он образно сравнил с владением казной, в которой ничего не осталось¹⁷. П. Тхакурдас выразил озабоченность, что в дальнейшем у индийской администрации могут возникнуть проблемы с управлением страной, если не решится вопрос с налогами и внешним долгом.

Рассуждая по вопросу о финансовых гарантиях, которые, согласно постановлению, предоставлялись Индией Англии, оба делегата от ФИТПП предупреждали представителей британской делегации, что в их интересах не потерять доверие индийских инвесторов. Они, по мнению предпринимателя, видели в таких гарантиях защиту интересов Сити, а не своих собственных. Поэтому существовала опасность потерять доверие индийских инвесторов, без которого ни одно правительство в Индии не может успешно функционировать.

Г.Д. Бирла на конференции показал себя не только как предприниматель, но и как политик. Он явно пытался давить на представителей метрополии, апеллируя к методам ИНК¹⁸. Лидер ФИТПП объяснял, что он, как и любой индийский предприниматель, не заинтересован в массовых акциях гражданского неповиновения. Однако, по его мнению, политика доводов и убеждений, пропагандируемая правительством, не дала положительных результатов. Он предлагал воздержаться от очередного вызова Конгрессу, поскольку возобновление кампании гражданского неповиновения вызвало бы резкое сокращение доходов бюджета, что было невыгодно ни индийской, ни британской стороне¹⁹. Предприниматель призвал британскую сторону не делать величайшей ошибки и найти возможность «дружеского урегулирования». В противном случае, по его мнению, через несколько лет англичанам уже придется иметь дело не с таким человеком, как М.К. Ганди, на их стороне уже не будет князей и лояльных капиталистов, как сам Г.Д. Бирла, а через несколько лет ИНК возглавят новые люди, с более радикальными взглядами и амбициями. Он посоветовал остерегаться этого²⁰.

Таким образом, Г.Д. Бирла, выступая в роли представителя национальных промышленных предпринимателей, подверг резкой критике резолюции конференции по финансовым вопросам. Формально он сохранял лояльность и вежливое отношение к английским коллегам, однако фактически он поддержал требования Конгресса и М.К. Ганди. В случае принятия неудовлетворительного решения он грозил возобновлением кампании под руководством М.К. Ганди.

Из выступлений Г.Д. Бирлы и П. Тхакурдаса можно заключить, что оба они стояли на позициях предоставления Индии экономической самостоятельности. Представители делового мира готовы были поступиться независимостью политической, однако настаивали на том, чтобы финансовые вопросы решало национальное, а не колониальное правительство. Обоим было понятно, что английская сторона не готова идти на уступки. Сравнивая результаты работы второй и первой сессий конференции, Г.Д. Бирла и П. Тхакурдас отмечали регресс, что свидетельствовало о нежелании метрополии идти на компромисс с деловыми кругами Индии.

М.К. Ганди оказался в аналогичной представителям ФИТПП ситуации и также был не в состоянии убедить собравшихся в важности предлагаемых им политических преобразований. Из писем, отправ-

ленных из Лондона М. Десаи, личным секретарем председателя ИНК, крупному предпринимателю и конгрессисту Дж. Баджаджу, становится ясно, что М.К. Ганди был одинок в своем противостоянии общей тенденции. Например, по вопросу о курсе рупии представители индийской стороны не решились поддержать Махатму²¹ из-за давления со стороны англичан²².

Таким образом, вторая сессия конференции «круглого стола» в Лондоне не принесла положительных результатов ни национально-освободительному движению, ни деловым кругам Индии, но все же была значима. Ее результаты оправдывали возобновление кампании гражданского неповиновения и вызвали усиление левого крыла ИНК, как и предупреждал Г.Д. Бирла. Такие радикально настроенные лидеры, как Дж. Неру и С.Ч. Бос, еще раз получили подтверждение тому, что единственной дорогой к свараджу являются массовые выступления народа и классовая борьба. Колониальное правительство, со своей стороны, получило возможность обвинить Конгресс в том, что соглашение не было достигнуто в очередной раз.

Работа второй сессии конференции «круглого стола» не удовлетворила надежд индийских предпринимателей. Согласно резолюции, принятой на заседании ФИТПП по окончании конференции, организация отказывалась поддерживать принятые в Лондоне решения. Представители Федерации, сохраняя внешнюю лояльность по отношению к колониальному режиму и будучи готовы к сотрудничеству с правительством при условии выполнения им ряда требований²³, придерживались линии Конгресса в вопросах экономической и политической стратегии.

➤ Примечания

¹ «Сатьяграха» в буквальном переводе означает «упорство в истине». В данном случае означала массовые акции ненасильственного сопротивления.

² Конституционная комиссия под руководством Д. Саймона была создана в 1927 г. из представителей английских политических партий и призвана выработать рекомендации к составлению нового Акта об управлении Индией. Поскольку представители индийских политических партий не были включены в состав комиссии, индийским населением она была встречена бойкотом и лозунгами «Саймон, вон из Индии».

³ «Свое правление», т.е. самоуправление.

⁴ Birla G.D. in the shadow of the Mahatma. London. 1953. P. 44.

⁵ FICCI. Proceedings of the Fourth annual session. Calcutta: Star Printing Works. 1931. P. 4.

⁶ Э.Галифакс, барон Ирвин с 1925г. Вице-король Индии с 1926 по 1931 гг.

⁷ Неру Дж. Указ. соч. С. 265.

⁸ FICCI. Proceedings of the Fourth annual session. Op. cit. P. 4.

⁹ Ibid. P. 12.

¹⁰ Ibid. P. 16.

¹¹ Indian Round Table Conference. London. 1931. P. 362.

¹² Ibid. P. 363.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 364.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. P. 366.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. P. 369.

¹⁹ Ibid. P. 370.

²⁰ Ibid.

²¹ «Махатма» означает «великая душа». Так называли М.К. Ганди все индийцы за его самоотверженный вклад в дело национально-освободительного движения.

²² Bajaj J., Gandhi M.K. To a Gandhian Capitalist.. Correspondence between Mahatma Gandhi and Jamnalal Bajaj and members of his family. Bangalore. 1951. P. 68.

²³ G.D. Birla. Op. cit. P. 54.

О.Д. Куликова

Антиамериканские настроения во Франции в начале холодной войны

Франция – страна, в которой очень сильно влияние общественного мнения на политическую жизнь. Особенно это чувствовалось в конце 1940-х – начале 1950-х гг., когда широкое распространение во французском обществе получила теория ангажированности, провозгласившая личную ответственность каждого человека за все, что происходит в мире. Английский журналист А. Верт, долгое время живший и работавший во Франции, писал: «практическое значение имели не речи, произносимые Кэем или Шуманом^{*}, а постоянное давление, оказываемое на правительство *общественным мнением*»¹. В этой связи интересен вопрос о распространении в то время во Франции антиамериканских настроений, которые оказали определенное влияние на внешнюю политику страны в начале холодной войны.

Причин неприязни к стране, которая способствовала освобождению Франции от оккупации, было несколько. И в качестве первой из

^{*} Премьер-министры Франции.

них можно назвать мировоззренческие, культурные различия двух народов. Среди части французов бытовало мнение о презрительном отношении американцев к европейцам. С другой стороны, сами французы свысока смотрели на «малокультурных» американцев. Историк И. Валль отмечал, что «простые» французы воспринимали Америку как «цивилизацию однообразия, где индивидуализм не имеет места», как страну без культуры, которая, конечно, достигла определенных технических высот, но зато не способна абстрактно мыслить; американцы убеждены в собственном превосходстве и «равнодушны к мудрости старого света, накопленного за его долгую историю»². Известный французский философ Жан-Поль Сартр осуждал «конформизм американцев, их шкалу ценностей, их мифы и фальшивый оптимизм», попытки закрыть глаза на трагические стороны жизни³. Редакция влиятельной газеты «Монд» выражала те же чувства, отмечая, что не испытывает никакой симпатии к сталинскому режиму, но «еще сильнее ненавидит американскую цивилизацию»⁴.

Сыграл свою роль и чисто бытовой момент. После войны многие французы смогли лично познакомиться с представителями «американской цивилизации», и знакомство оказалось не из приятных. Французские газеты в 1945 г. были полны сообщений о преступлениях американских солдат, расквартированных во Франции⁵. Париж в прессе того времени называли «вторым Чикаго». Конечно, это не добавляло симпатий к «освободителям».

А. Верт анализирует причины антиамериканских настроений в своих трудах. По его мнению, повинна в них была политика США по отношению к Франции. Французам не нравилась, что Вашингтон настаивал на перевооружении Германии; их возмущало вмешательство США в дела французских колоний Марокко и Туниса (добавим от себя – и Индокитая), а так же «безрассудное поведение» американцев во время войны в Корее, которое снижало шансы на «урегулирование вопроса»: существовала опасность начала ядерной войны из-за Кореи. К тому же многие французы связывали мир в Корее с установлением мира в Индокитае, где шла колониальная война. Французов, добавляет А. Верт, оскорблял «раздраженный тон», часто применяемый правительством США в деловых переговорах с французским правительством; усиленное насаждение американских баз во Франции; взгляд американцев на Францию как на простой инструмент в руках Вашингтона в его «холодной войне» против Москвы⁶. Многие совре-

менники и историки считали, что для Франции 1948 - 1949 стали «ужасными годами зависимости и бессилия» под американским диктатом. К вышесказанному можно добавить, что многих французов раздражало тотальное влияние не только в политической, экономической, социальной, но и в культурной сфере, которое оказывали Штаты на Францию: так называемый «кокаколониализм», засилье комиксов, голливудских фильмов и других примеров массовой американской культуры. А по мере обострения политической борьбы в стране, США все больше ассоциировались с правой политикой и идеологией, а СССР, соответственно, с левой. Многие французы в определенной степени переносили свои внутренние политические противоречия на отношение к этим странам.

Попробуем подробнее рассмотреть отношение французской общественности к политике США. В декабре 1944 г. французская нация еще пребывала в победной эйфории – 64% населения надеялись, что Франция вернет себе былое могущество⁷. Но иллюзии на этот счет быстро рассеялись. Часть средств массовой информации считала успех своей страны на международной арене лишь номинальным: великие державы не воспринимали Францию как страну-победительницу; деятельность ООН целиком зависела от СССР и США; Вашингтон был против участия Франции в принятии решений о будущем Европы. Франция по-прежнему не играла существенной роли в мировой политике. Национальное достоинство было ущемлено, французы чувствовали себя униженными. Мнение о собственном бессилии и несостоятельности хорошо прослеживается в литературе того времени.

В этой ситуации Франция пошла на сближение с Советским Союзом, и при его поддержке интересы Франции были соблюдены: ей выделили зону оккупации в Германии, она получила постоянное место в Совете безопасности ООН и т.д. В 1944 г. престиж СССР во Франции был намного выше симпатий к США. В сентябре 1944 г., согласно опросам, 61% французов считали, что советская армия внесла наибольший вклад в разгром фашизма, и всего 29% высказались за США⁸.

С началом холодной войны ситуация изменилась в сторону ухудшения отношения к СССР. Франция стала ареной борьбы сторонников СССР и США за общественное мнение. Выразителями и, в определенной мере, создателями антиамериканских настроений стали левая интеллигенция и левая пресса. Среди левой некоммунистиче-

ской прессы особенно выделялись газета «Монд», журналы «Тан модерн» и «Эспри», а с 1950 г. – еженедельник «Обсерватор». Говоря об антиамериканизме этих изданий и левой некоммунистической интеллигенции вообще, следует отметить, что он касался только политики США, но ни в коем случае неприязнь не переносилась на простых американских граждан и на американскую культуру (например, у Сартра, директора «Тан модерн», было очень много друзей среди американцев, он часто посещал США).

Журнал «Тан модерн» являлся одним из тех изданий, которые формировали антиамериканские настроения во Франции. Материалы, посвященные США (по большей части критические), составляли значительную часть от общего объема публикаций на политические темы. Помимо внешней политики, журнал уделял внимание на своих страницах критике таких сторон американской жизни, как расизм, маккартизм, «охота на ведьм» и т.д. Но на первом плане стояли, конечно, проблемы противостояния двух блоков.

Сразу после окончания второй мировой войны французская пресса наводнилась прогнозами относительно скорой войны между СССР и США. Ощущение, что мир стоит на пороге новой войны, еще более страшной, чем все предыдущие, как будто витало в воздухе. В первой половине 1947 г. (как раз во время провозглашения доктрины Трумэна и плана Маршалла) в «Тан модерн» была опубликована работа Сартра «Что такое литература?», в которой он отмечал, что СССР не так силен, как США – слишком велики разрушения войны и слаба промышленность. Но вследствие страха перед США, Советы вынуждены вновь начать гонку вооружений, ужесточать диктатуру внутри страны и обеспечить себя союзниками. Москва не хочет войны, но готовится к ней. А Америка, «не боящаяся других наций..., катится к войне»⁹. Писательница Симона де Бовуар, путешествуя по США, отмечала в своих репортажах, что пропаганда войны там идет полным ходом и что идея превентивного удара особенно распространена среди молодежи¹⁰. Что же делать слабой Европе, оказавшейся между двух огней? Ответ для Сартра один – попытаться предотвратить новую войну. Для этого Европа не должна ни в коем случае присоединяться к какой-либо из держав, готовящих войну. Ведь победа любой из них ничего хорошего Европе не принесет. Необходимо найти иное решение – выбрать другой путь. Сартр объявил, что «необходимо на-

чать кампанию против веры в неизбежность русско-американской войны»¹¹.

К подобному же выводу пришла группа журналистов из других левых некоммунистических изданий – «Комба», «Фран-Тирер» и «Эспри». В октябре 1947 г. несколько видных и влиятельных журналистов, писателей и общественных деятелей, среди которых были Ж. Алтман, К. Бурде, А. Камю, Ж.-М. Доменак, Э. Мунье, Д. Руссе, Ж.-П. Сартр, С. де Бовуар, М. Мерло-Понти и другие, составили «Манифест за мир и социалистическую Европу». Подписавшиеся призывали все демократические силы мира сделать все возможное, дабы избежать третьей мировой войны. Даже если кто-то симпатизирует какому-либо из противоборствующих лагерей, нельзя надеяться на его победу. Для Европы, доказывалось в манифесте, война означает битвы на ее территории, а победа одного из блоков – оккупацию. Европа станет жертвой войны и добычей победителя. Война неминуемо парализует экономику всего мира и ограничит социальные свободы граждан. Чтобы предотвратить катастрофу, Европе необходимо экономически объединиться. «Разделенная Европа может стать источником войны; единая – источником мира». Но при этом Европа не должна стать третьим блоком, который начнет обрастать своей зоной влияния¹².

В 1947 – 1948 гг. во французской прессе активно обсуждалось принятие плана Маршалла. План подвергался серьезной критике: некоторые журналисты рассматривали план как первый этап вассализации Европы, как подготовку в «маршализованной» Европе плацдарма для будущей мировой войны с СССР. Многие высказывали опасение – не станет ли Франция американской колонией? Не придется ли ради кредитов отречься от своей национальной независимости? «Эспри» посвятил плану целый номер (апрель, 1947 г.) под общим названием «План Маршалла и будущее Франции». Главная идея редакторской статьи: Франция действительно нуждается в экономической помощи, но нельзя допустить военного и дипломатического давления американцев. Редакция «Эспри» справедливо полагала, что план Маршалла может стать средством, с помощью которого Европа будет втянута в атлантический блок, а Франция подпадет под военнополитическое влияние США. Экономические меры, предлагаемые Белым Домом, предупреждал «Эспри», подчинены внешнеполитическим интересам США¹³.

«Тан модерн» так же твердо выступил против плана Маршалла. По мнению редакции, экономическая помощь приведет к политической и военной гегемонии США. Опасность подвергнуться шантажу кредитами вполне реальна – США уже угрожали Италии лишить ее всех выгод плана, если результаты выборов в этой стране их не устроят. А раз уж план принят, считали в «Тан модерн», необходимо бороться уже не против самой американской помощи, а против использования ее империалистами в качестве объекта для шантажа¹⁴. Но, несмотря на волну критики, большинство французов тогда считали (и вполне справедливо), что только США могут помочь Франции укрепить экономически. В тот момент французы больше думали об экономических трудностях, которые испытывала их страна, а не о политических последствиях материальной помощи.

С началом холодной войны критика американской политики в левой прессе развернулась по всем направлениям. Политика Вашингтона квалифицировалась как агрессивная, практически все действия США рассматривались в контексте доктрины Трумэна как звенья политики холодной войны. Попытки установить «глобальное урегулирование» с помощью атомной политики однозначно осуждались левой интеллигенцией. Изучая материалы статей, мы убеждаемся, что их авторы не считали СССР единственным виновником развязывания холодной войны. Наоборот, Сартр и другие левые интеллектуалы склонялись к версии о том, что своя доля вины лежит на обеих сторонах. Но, тем не менее, большую часть ответственности они, бесспорно, возлагали на США. Внешняя политика Белого дома трактовалась как курс, направленный на «руководство миром», или то, что сами американцы называют «исторической миссией».

В начале 1950-х гг. ситуация во французской экономике стала постепенно выправляться. Уровень жизни несколько вырос по сравнению с концом 1940-х. В итоге внимание общественности все чаще переключалось с экономических проблем на политические. Сказывался не только рост экономики, но и атмосфера холодной войны. Пресса подогревала антиамериканские и антисоветские настроения. Европейцы боялись, что в случае ядерного удара, нанесенного США по Советскому Союзу, пострадают именно они – жители Западной Европы: они понимали, что американцы не смогут одним махом уничтожить весь советский военный потенциал, и тогда части Красной Армии, расквартированные в Германии и Восточной Европе, об-

рушатся на Запад. Эти убеждения хорошо прослеживаются по прессе первых послевоенных лет.

1949 - 1950 гг. стали для жителей Европы одними из самых напряженных лет в послевоенной истории. В 1949 г. была снята блокада Берлина, создан блок НАТО, в Китае победил Мао Цзэдун, а Москва объявила об успешном испытании своей атомной бомбы. Летом 1950 г. началась война в Корее. Никогда еще за послевоенные годы не возникало у европейцев такого сильного страха перед началом третьей мировой войны. Многие французы пребывали в стойком убеждении, что со дня на день советские войска пересекут французскую границу, а американцы начнут атомную войну. Пресса еще больше нагнетала обстановку, печатая устрашающие материалы, и устраивала опросы на тему: «Что вы будете делать, если Красная Армия оккупирует Францию?» Антиамериканские и антирусские настроения были сильны как никогда. «Эспри», который, после смерти своего основателя Э. Мунье, приобрел еще более выраженную антиамериканскую окраску, чем раньше, в июне 1949 г. дал специальный номер на тему «Американец в холодной войне», где утверждалось, что Америка несет огромную ответственность за напряженность во всех точках земного шара. И следствие ее авантюрной политики – Страх (с большой буквы) за мир во всем мире. Страх и непонимание стали неотъемлемой частью холодной войны. Именно они породили Атлантический пакт, с одной стороны, и расширение сферы влияния СССР – с другой. Членство Франции в НАТО для редакции «Эспри» означало, что Париж безоговорочно подчинился американскому влиянию. «Эспри» констатировал, что НАТО – это конец той политики, которую пыталась вести Франция после Освобождения. Теперь она уже не сможет исполнять роль арбитра между двумя блоками¹⁵. Профессор Э. Жильсон, один из «отцов» французского нейтрализма, считал, что, если начнется война, вина за ее развязывание будет лежать целиком на США и на Европе, которая из-за своей слабости вынуждена подчиняться Вашингтону¹⁶. Значительная часть левой интеллигенции считала, что СССР войны не желает и первым не нападет.

В это же время начинают набирать ход антивоенное и нейтралистское движения. Нейтралисты, среди которых было немало представителей интеллигенции, известных журналистов, ученых и писателей, группировались в основном вокруг нескольких влиятельных газет и

журналов – «Комба», «Эспри», «Обсерватор» и другие. Но главным выразителем идей нейтрализма считалась газета «Монд». В 1949 – 1950 гг. в «Монд» была напечатана серия статей Э. Жильсона, призывавшего прекратить тесное сотрудничество с США и перейти к политике нейтралитета, который является признаком силы и независимости государства. Жильсон доказывал, что СССР отнюдь не стремится к войне, а наоборот, заинтересован в стабильном мире. Другой видный нейтралист, Жак Нанте, отмечал, что одна Франция не может оставаться нейтральной. Необходимо, чтобы она встала во главе нейтральной Западной Европы: только объединенная Европа сможет противостоять диктату США и стать эффективной «третьей силой».

Недавно созданная организация «Борцов за мир» провела в ноябре 1948 г. первый национальный конгресс в Париже. И хотя основная задача антивоенного движения в то время состояла в борьбе против колониальной войны в Индокитае, 12 тысяч делегатов не прошли мимо атлантической ориентации своего правительства. Конгресс призвал протестовать против подписания Атлантического пакта, который вовлекает Францию в новую конфронтацию. Против ратификации пакта в Национальном собрании в 1949 г. развернулась широкая кампания с демонстрациями протеста, митингами и забастовками. Комитет «Борцов за мир» собрал более миллиона подписей под письмом президенту Трумэну, в котором отмечалось, что правительство Франции не имеет права подписываться под пактом от имени французского народа. А уже после ратификации, 5 августа 1949 г., во время визита в Париж американского генерала Брэдли, несмотря на запрет властей, состоялась массовая демонстрация¹⁷. В то время, и особенно с началом войны в Корее, антиамериканские настроения были весьма сильны, что очень раздражало Вашингтон. Согласно опросам 1952 г. 35% французов считало, что и СССР, и США своими «интригами» угрожают миру на земле¹⁸. С 1949 г. Франция представляла для Белого дома источник постоянных проблем в Европе.

Корейская война до предела обострила неприязнь французов как по отношению к США, так и по отношению к СССР и усилила позиции нейтралистов и борцов за мир. Если в 1949 г. многие нейтралисты еще склонялись на сторону США, то с началом войны в Корее движение приобретает явную антиамериканскую окраску. Левые журналисты считали, что конфликт между Северной и Южной Кореей изначально имел характер гражданской войны. Но с вмешательст-

вом Америки он тут же превратился в эпизод широкого азиатского конфликта, который противопоставил США и коммунистический Китай, что дало сторонникам интервенции возможность назвать эту войну борьбой против коммунизма. Политика нагнетания напряженности между американцами и китайцами, предупреждала левая пресса, угрожает миру во всем мире, и может привести к третьей мировой войне. В этой напряженности большую часть вины многие журналисты возлагали на американского генерала Макартура, который, по их мнению, «руководил политикой США» в 1950 - 1951 годах¹⁹: все действия Макартура сознательно направлены на открытый конфликт с Китаем. И если не остановить его, американская драма может стать драмой для всего мира. Дело в том, что сторонник жесткой линии генерал Макартур настаивал на ведении открытой войны с КНР, что означало, в частности, бомбардировки китайской территории, вплоть до атомной атаки. Подобные заявления не могли не вызвать тревоги в обществе: доктрина «массированного возмездия», разработанная Вашингтоном, объявляла о праве США применять ядерное оружие в ходе любого конфликта.

Деятельность Макартура вызвала шквал критики со стороны французской общественности – страх, что он может развязать атомную войну, был достаточно велик. А. Верт свидетельствует, что в первые месяцы корейской войны во Франции создавалась атмосфера паники: домашние хозяйки стали делать запасы продовольствия, а число подписей под Стокгольмским воззванием о запрещении атомной бомбы увеличилось за несколько недель с семи до одиннадцати миллионов²⁰.

В прессе стали появляться репортажи, свидетельствующие об огромных человеческих потерях с обеих сторон и описывающие такие ужасы войны, которые невозможно отразить в лаконичных военных сводках. Американский писатель И.Ф. Стоун, прославившийся своими материалами о Корее в еженедельнике «Обсерватер», дал в «Тан модерн» обширную статью под названием «Война как политика», в которой описывал страдания мирных жителей в Корее: американцы сжигали напалмом целые деревни по одному лишь подозрению, что там может находиться несколько солдат противника²¹. Подобные страшные материалы прошли в «Эспри» и «Монд». Описания разрушенных городов, окровавленных трупов и растерянных людей, чудом

оставшихся в живых после американских рейдов, не могли не оказывать сильного впечатления на читателя.

Отставка Макартура в апреле 1951 г. квалифицировалась многими во Франции не иначе как «спасение мира»²². В «Тан модерн» считали, что ни Москва, ни Пекин не хотят новой мировой войны, а вот фанатики, типа Макартура, вполне способны ее развязать. «Лагерь войны управляется непосредственно Пентагоном», – писали журналисты²³.

Корейская война была крайне непопулярна во Франции. Даже правые были ею недовольны: они полагали, что Корея оттягивает американское внимание от Европы и тем самым тормозит развитие обороны Запада. Даже «Фигаро» критически отзывалась о действиях США. Левые издания высказывались еще более жестко. Так, в «Эспри» американцев называли дикарями, расистами и сравнивали их с германскими нацистами.

Очередной всплеск антиамериканских настроений во Франции после корейской войны связан не с внешней политикой, а с «делом Розенбергов». Многие французы и раньше возмущались американскими чистками и расовой дискриминацией. Но подобного ажиотажа никогда еще не было: судебный процесс, казалось бы, ни в коей мере не затрагивающий французов, по свидетельству современников, «разделил Францию». Кампанию против несправедливого, по их мнению, осуждения подняли коммунисты. Постепенно к ним присоединялось все большее число людей, в том числе политиков, интеллектуалов, юристов, которые считали, что доказательства вины не убедительны. В адрес США сыпались обвинения в антисемитизме и варварстве. Движение в защиту американской супружеской четы приняло невиданный размах – даже некоторые антикоммунистические издания и французская церковь, после осуждения Розенбергов на смерть, выступали за их помилование. А. Верт свидетельствует, что кампания в защиту Этель и Джулиуса Розенбергов превратилась в «почти общенародное движение». Их казнь в 1953 г. восприняли во Франции не иначе как убийство²⁴. «Тан модерн» писал, что дело Розенбергов стало лишним подтверждением страха и паники перед коммунизмом, которые царят в американском обществе, страха, который заставлял сжигать деревушки в Корее. Журнал уже давно с иронией отзывался о претензиях США именоваться оплотом демократии и свободы. Да, Америка свободна; американский президент

свободен был помиловать Розенбергов; одно слово могло спасти им жизнь. Ж.-П. Сартр, автор редакционной статьи на эту тему, был, как никогда, эмоционален, описывая свои чувства по поводу казни. «Продолжайте теперь говорить... об «американском лидерстве в свободном мире», – писал Сартр. «Ваш *free world** не наш»²⁵. Аналитики отмечали, что кампания в защиту Розенбергов являлась для французов выражением протеста не только против маккартизма, но и против американской внешней политики²⁶.

К 1954 г. антивоенная пропаганда вылилась для «Тан модерн» в идею «мирного сосуществования» между Западной Европой и СССР: русские в некотором роде «скрытые союзники» европейских стран в том смысле, что само существование Советского Союза есть препятствие к мировому господству США. Именно существование СССР позволяет, по мысли журналистов, не стать западным державам в полной мере «сателлитами» Вашингтона и не дает втянуть все страны в орбиту так называемого «свободного мира» (похоже, это выражение в левых кругах Франции употребляли уже только с ироничным оттенком). Но в Штатах идея «нормальных отношений» с Советами, на взгляд «Тан модерн», не имеет сторонников – мирный характер просто не совместим с политикой республиканской администрации. Все инициативы, исходящие из Москвы, там воспринимались и будут восприниматься негативно. Поэтому, считали журналисты, истинную опасность для мира представляют именно американцы²⁷.

Страстная антиамериканская пропаганда таких изданий, как «Тан модерн» и «Эспри», бесспорно, не пропадала втуне. В 1953 г. на вопрос «Какую страну вы выберете, если придется покинуть Францию?», только 17% французов назвали богатые и благополучные Соединенные Штаты²⁸.

Мысль о возможном превращении Франции в сателлита была неприемлема для французов. Когда одни говорили об опасности американского диктата, а другие – о возможной советской оккупации, самым логичным выходом для многих был если не нейтрализм, то, по крайней мере, требование более независимой и активной позиции страны на международной арене.

Другим «больным местом» для французского общества в конце 1940-х – начале 1950-х гг. была война в Индокитае. Левая пресса тре-

* Свободный мир (англ.).

бовала переговоров с Хо Ши Мином, но французское правительство, надеясь победить, пыталась интернационализировать конфликт и привлечь на помощь США. Таким образом, Индокитайская война становилась частью холодной войны. После Кореи и победы Мао Цзэдуна, «защита свободного мира от интернационального коммунизма» стала основным аргументом в пользу продолжения войны в Индокитае. Левые журналисты опасались, что вовлечение в конфликт США приведет, в конце концов, к еще большей зависимости Франции от Вашингтона. К тому же это может сделать войну в Индокитае прелюдией для более масштабного конфликта – третьей мировой войны.

Необходимо отметить, что война в Индокитае стала еще одним вкладом во французский антиамериканизм. В общественном сознании именно американцы, настаивавшие на продолжении военных действий и консультировавшие французские власти относительно военных операций, несли большую часть ответственности за поражение. После Бермудской конференции 4 - 7 декабря 1953 г., где Эйзенхауэр и Черчилль пообещали помощь Франции в Индокитае, левая французская пресса отмечала, что США и Англия даже не упомянули о возможности перемирия. Наоборот, намеревались расширить военные действия посредством материальной и военной помощи и привлечения американских инструкторов, имеющих корейский опыт. Как писал «Обсерватер», французов пытались заставить продолжать войну в Индокитае, хотя они того или нет²⁹.

На последних этапах Индокитайской войны наблюдался очередной всплеск антиамериканских настроений. На США возлагалась ответственность за затягивание войны в Индокитае, за жертвы, которые французы понесли при Дьен Бьен Фу. В адрес Пентагона сыпались обвинения в желании применить там атомное оружие, что неминуемо повлечет за собой третью мировую войну. Эти настроения, бесспорно, повлияли на то, что французский парламент не ратифицировал в 1954 г. договор о Европейском оборонительном сообществе (ЕОС), предполагавшем перевооружение Германии.

Интересно, что французы, благодаря тому нажиму, который оказывали на Францию Соединенные Штаты по вопросу о перевооружении Германии, стали к 1954 г. воспринимать ЕОС не как часть политики их собственной страны, а как навязанный извне, в частности из Белого дома, внешнеполитический курс³⁰. Антиамериканские на-

строения сыграли в провале ЕОС немалую роль – в описываемый период они были, как никогда, сильны. Есть мнение, что именно всплеск антиамериканизма на волне обвинений Соединенных Штатов в падении Дьен Бьен Фу и желании использовать в Индокитае атомное оружие, привел к резкому неприятию договора о Европейском оборонительном сообществе. А как следствие – договор не был ратифицирован парламентом. Историк С. Амброз писал: «...Многие французы винили во всем Соединенные Штаты. Они имели возможность дать выход своим чувствам 30 августа, когда во французском парламенте состоялось голосование по вопросу ратификации договора о ЕОС»³¹.

Антиамериканские настроения, царившие среди части французов, сделали из Франции очень «неподатливого» союзника США в холодной войне. Эти настроения усиливались постепенно, по мере нарастания напряженности в мире, и их апогеем стали 1953 - 1954 гг. В то же время неприятие политики Вашингтона не означало автоматической симпатии к Москве. Сторонники атлантизма осуждали многие действия США, особенно когда интересы Белого дома пересекались с интересами Парижа (как это было, скажем, в Индокитае). В этом смысле большинство французов оставались националистами.

➤ Примечания

¹ Верт А. Франция 1940-1955. М., 1959. С. 314.

² Wall I. M. L'influence americaine sur la politique fraincaise. P., 1989. P. 20.

³ Полторацкая Н.И. Большое приключение благовоспитанной девицы. Книги воспоминаний Симоны де Бовуар. СПб., 1992. С. 151.

⁴ Chebel d'Appollonia A. Histoire politique des intellectuels en France. 1944-1954. Bruxelles, 1991. Т. 2. P. 128.

⁵ Верт А. Указ. соч. С. 244.

⁶ Там же. С. 488.

⁷ Berstein S., Milza P. Histoire de la France au XX siecle. P., 1995. P. 754.

⁸ Chebel d'Appollonia A. Op. cit. Т. 2. P. 12.

⁹ Сартр Ж.-П. Что такое литература? // Сартр Ж.-П. Ситуации... М., 1998. С. 211, 241.

¹⁰ Beauvoir de S. L'Amerique au jour le jour // Les Temps Modernes, 1948. № 30. P. 1737.

¹¹ Cohen-Solal A. Sartre. P.: Gallimard, 1985. P. 384.

¹² Esprit, nov. 1947.

¹³ См. об этом: Esprit, avr. 1947.

¹⁴ Complicite objective // Les Temps Modernes, 1948. № 34. P. 7-8.

¹⁵ См. об этом: Esprit, avr. 1948; mai-juin 1949.

¹⁶ См. об этом: Monde. 2 mars, 1949; 30 avr. 1950; 31 aout 1950.

- ¹⁷ Покровская С.А. Характер и особенности антивоенного движения во Франции // История антивоенного движения в капиталистических странах Европы. М., 1981. С. 56-57.
- ¹⁸ Chebel d'Appollonia A. Op. cit. Т. 2. Р. 123.
- ¹⁹ Dzelepy E.-N. Mac Arthur et l'affaire de Coree // Les Temps Modernes, 1950. № 62. Р. 1009.
- ²⁰ Верт А. Указ. соч. С. 399.
- ²¹ Ston J.F. La guerre comme politique // Les Temps Modernes, 1951. № 71. Р. 470.
- ²² Dzelepy E.-N. La Lecon de Coree. // Les Temps Modernes, 1952. № 79. Р. 1982.
- ²³ Naville P. Etats-Unis et contradiction capitalistes // Les Temps Modernes, 1952. № 86. Р. 899.
- ²⁴ Верт А. Указ. соч. С. 524-525.
- ²⁵ ТМ. American way of death // Les Temps Modernes, 1953. № 92. Р. 4.
- ²⁶ Верт А. Указ. соч. С. 525.
- ²⁷ Dzelepy E.-N. Realite de la coexistence // Les Temps Modernes, 1954. № 104. Р. 148.
- ²⁸ Sondages. 1953. №2.
- ²⁹ См. об этом: France-Observateur. 10 dec. 1953.
- ³⁰ Foreign Relations of the United States. 1952-1954. Vol. V. Pt. I. Wash., 1983. Р. 689.
- ³¹ Амброс С. Эйзенхауэр. М., 1993. С. 340.

Н.Ш. Каркозашвили

Английские писатели о политических партиях США первой половины XIX века

На протяжении почти всей первой половины XIX века одним из крупнейших очагов социальной нестабильности в Европе оставалась Англия: общественно-политическая ситуация здесь становилась все более взрывоопасной. Существенным фактором постоянно усиливавшейся в то время идейно-политической борьбы, напряженности во взаимоотношениях противостоящих друг другу сторон была во многом архаичная политическая система Великобритании – малоэффективная в новых исторических условиях, в связи с чем проблема реформирования устаревшего механизма государственного управления стояла здесь особенно остро.

Поэтому совершенно не случайно объектом растущего внимания со стороны обеспокоенных будущим своей страны британцев становились в первые десятилетия XIX века Соединенные Штаты Амери-

ки, все увереннее демонстрировавшие перспективность своего государственного устройства.

Знакомство с общественно-политическим опытом этой страны в Англии стало возможным, главным образом, благодаря многочисленным публикациям посещавших Америку английских писателей, публицистов, журналистов: в своих сочинениях они охотно делились впечатлениями об оказавшихся во многом новыми и неожиданными для них социально-политических реалиях американской республики. При этом ознакомление соотечественников с жизнью американского общества далеко не всегда носило рекомендательный характер. Если в конце XVIII и в самом начале XIX столетия многие отправлявшиеся за океан англичане действительно видели в следовании "американской модели" общественного устройства эффективное средство разрешения насущных социально-политических проблем Великобритании, то, начиная с 20-х годов, среди прибывавших в Америку британских путешественников уже заметно преобладали сторонники консервативных взглядов, пытавшиеся уберечь свою страну от "американского" пути развития, что, безусловно, отражалось на тональности и характере их оценок увиденного в США.

Однако, в любом случае, появлявшиеся на страницах британской печати сообщения об американском государстве независимо от воли их авторов способствовали популяризации "американского опыта" в английском обществе, внимательному его изучению и усвоению.

Для Англии первой половины XIX века особенно актуальными были сведения, касавшиеся организации политической жизни Соединенных Штатов, одним из важнейших элементов которой, по заключению многих британских наблюдателей, являлись политические партии. И это стало подлинным открытием для впервые посетивших Америку жителей Старого Света, где в течение длительного времени господствующей была крайне негативная оценка роли партий в жизни государства. О пагубных последствиях партийного размежевания в обществе говорили, например, многие европейские просветители. Так, Ж.-Ж. Руссо, критикуя этот социально-политический феномен с радикальных позиций, говорил о несовместимости существования партий с принципом единого и неделимого народного суверенитета. А мыслители либерального толка усматривали в деятельности партий прежде всего угрозу индивидуальной свободе отдельно взятой личности.

В первые годы существования американской республики и здесь весьма прочной была убежденность в абсолютной непригодности и даже опасности партийных группировок для демократически организованного сообщества. Отцы-основатели США, к примеру, в большинстве своем выступали убежденными противниками создания во вновь появившемся государстве в качестве основного инструмента политической практики партийной системы, как "раскалывающей нацию на непримиримые фракции и предопределяющей политиканство и никудышное руководство"¹.

Тем не менее процесс партийного строительства активно осуществлялся в Соединенных Штатах Америки уже в самом начале их истории. По замечанию американского исследователя Н. Каннигэма, "одним из парадоксов политического развития Америки было то, что создание политических партий здесь проходило в атмосфере недоверия к политическим партиям"². Более того, постепенно пресловутая партийная система становилось главным рычагом управления еще несовершенной политической машины молодой американской республики, все убедительнее доказывая свою необходимость.

Новые исторические реалии XIX века и, более всего, начавшаяся в ряде стран Западной Европы демократизация социально-политического устройства здесь также существенно скорректировали прежний взгляд на партии: в политических кругах и в общественном сознании росло понимание их немаловажной роли в организации и осуществлении политической деятельности.

Пересмотру традиционного в Старом Свете отношения к партиям как к исключительно дестабилизирующему фактору общественного развития в немалой степени способствовало ознакомление европейцев с партийно-политическим опытом американского государства посетившими в первой половине XIX века США иностранными наблюдателями, большинство из которых составляли англичане. В некоторых из опубликованных ими сочинений об Америке нередко встречаются рассуждения авторов о предназначении политических партий, об их месте в общественной жизни страны. Так, например, побывавший в Америке в 1857 г. известный поэт и журналист Ч. Маккей усматривал в наличии партийных группировок и определенного противостояния между ними одно из необходимых условий социально-политического прогресса: "Во всех цивилизованных государствах и особенно там, где присутствует хоть какая-то степень свободы, должна существовать

партия, которая желает двигать, и партия, которая стремится все оставить на своих местах..., партия, которая хотела бы устранить злоупотребления и недостатки, и партия, которая пытается сохранить Status-quo как можно дольше"³. В этом высказывании британский наблюдатель отразил свое видение принципов функционирования формировавшейся в Великобритании и уже действовавшей в Соединенных Штатах в середине XIX века двухпартийной политической системы.

Как известно, процесс становления и развития партийной системы США в конце XVIII – первой половине XIX в происходил в условиях острейшего соперничества и одновременно взаимодействия наиболее влиятельных партий страны, которые входили в состав последовательно сменявших друг друга "двухпартийных систем": федералисты – джефферсоновские республиканцы, демократы – виги, республиканцы – демократы. Каждая из этих партий внесла свой вклад в дело общегосударственного партийного строительства, создания отлаженного и действенного партийно-политического механизма. Кроме двух основных партий и ряда менее крупных общенациональных политических объединений в Америке существовали многочисленные мелкие политические образования, особенно активно функционировавшие на уровне штатов. В связи с этим наблюдатели из Англии отмечали "удивительную легкость", с которой здесь создавались самые разнообразные общественно-политические союзы и организации.

По свидетельству британской писательницы И. Бишоп, путешествовавшей по Америке в 1854 году, первопричиной зарождения и организационного оформления различных политических и социальных движений в США, как правило, являлось действительное или мнимое ущемление интересов определенной части граждан, которые "объединяются в общество и привлекают делегатов из других мест. С быстротой, которую едва можно было бы ожидать, выпускается декларация, в которой определяется позиция "партии защиты", устраиваются общественные митинги и таким образом полностью дооформляется организация, имеющая филиалы по всей стране..."⁴. Англичанка привела в пример патриотическую партию "ничегонеизвестных" – nothingknowns – главным направлением деятельности которой была борьба с неуклонно расширявшейся в Америку иммиграцией⁵.

"Невиданная" гражданская и политическая активность жителей США, широко вовлеченных в общественно-политическую деятель-

ность, убеждала британских наблюдателей в принципиально иной, нежели в европейских странах, роли партий в жизни американского общества. Так, по мнению Ч. Маккея, в Великобритании подавляющая часть населения страны оставалась вне активной политической деятельности, а в ходе и результатах партийной борьбы была заинтересована лишь социально-политическая верхушка⁶.

Действительно, в отличие от элитарных европейских партий, которые нередко формировались вокруг личности одного выдающегося деятеля или включали в себя представителей ограниченного круга людей – выходцев из определенного сословия, социальной группы, класса и действовали исключительно в их интересах, американские партии почти с самого начала своей истории создавались как массовые организации, ориентированные на широкие слои населения. А по мере дальнейшей демократизации общественно-политического устройства США и вовлечения в орбиту политической жизни все большего числа американских граждан, демократические начала в структуре и деятельности партий в Америке становились еще более ощутимыми.

Касаясь особенностей партийно-политической жизни американского государства, английские наблюдатели в своих сочинениях обратили внимание на некоторые важные новации партийной практики в США первых десятилетий XIX в. Одним из таких новшеств стало появление четко сформулированных и открыто провозглашаемых партийных программ - зафиксированного обязательства партии перед своими избирателями. Впервые с подобным нововведением выступили джефферсоновские республиканцы на выборах 1800 г., хотя выдвинутые ими тогда предвыборные лозунги представляли собой лишь прообраз официальной партийной платформы⁷. В дальнейшем разработка и утверждение программных документов, в которых отражалась официальная позиция партии по наиболее актуальным проблемам социально-политического развития страны, стало обязательным условием для всех сколь-нибудь заметных политических союзов и объединений Америки.

Говоря об идейно-теоретической основе деятельности американских партий, многие британские путешественники с удивлением констатировали "отсутствие существенных различий в платформах даже наиболее крупных и влиятельных из них", что, по словам Ч. Маккея, вводило в недоумение английских наблюдателей⁸.

В действительности, функционируя в обществе, где на конституционном уровне были закреплены демократические общественные порядки и система управления, каждая политическая партия США при разработке своих программных документов должна была исходить из соответствующих идейных установок и положений. Именно принципы демократизма и республиканизма четко очерчивали то идейно-политическое пространство, в котором "вынуждены" были существовать и за рамки которого не могли выйти партии в Америке. Этой своего рода «общностью происхождения» основополагающих принципов, зафиксированных в программах американских партий, можно объяснить и определенное единство трактовок в них ряда проблем общественно-политического развития страны, на что обратили внимание многие наблюдатели. Рассуждая о причинах "совпадений" в программных положениях различных политических партий Америки, английская писательница Г. Мартино, проживавшая в Соединенных Штатах с 1834 по 1836 г., обратила внимание на отсутствие здесь ярко выраженной социальной поляризации и, соответственно, острой, в традиционном для европейцев понимании, политической борьбы между непримиримыми общественными силами. В результате, по мысли Г. Мартино, и партии в США отличались от европейских гораздо более однородным социальным составом, благодаря чему между ними не возникало антагонистических противоречий, коренных идейных расхождений. Таким образом, по мнению писательницы, специфика социального устройства американского общества, его демократическая "усредненность" во многом обуславливали здесь совершенно иные, по сравнению с европейскими странами, принципы партийного водораздела. Не обнаружив в Америке традиционного деления партийных группировок на аристократические и демократические, Г. Мартино отметила, что основу идейных разногласий, к примеру, между двумя главными партиями страны следует искать исключительно в сфере государственно-политических отношений: одна партия выступала за сильную федеральную власть, другая – за преимущественные права штатов⁹.

Действительно, на всех трех этапах развития двухпартийной системы США одной из ключевых в межпартийных отношениях была проблема разграничения полномочий между центральным и местным правительствами (вследствие усиления борьбы вокруг тарифов и отмены рабства она особенно обострилась к середине XIX века). Как

известно, свои широкие права в рамках Союза особенно решительно отстаивали южные штаты, а Север традиционно оставался оплотом сильной федеральной власти. Этим настроениям соответствовало и утверждавшееся здесь партийное влияние.

Таким образом, возникавшие в программах соперничавших американских партий разночтения отражали не глубинные идеологические противоречия между ними или принципиальные отличия их социально-классового состава, как это было в европейских странах Европы, а были вызваны обстоятельствами более "внешнего" характера, в частности, несовпадением политических и экономических интересов регионов, в которых те или иные партии занимали наиболее прочные позиции.

О принципиально новой, "буржуазно-демократической" природе ведущих партий Америки говорило и то, какое место по отношению друг к другу занимали они в партийно-политическом пространстве американского государства, какую роль при этом играли. Уже отмеченное нами созвучие в программах двух основных партий США наиболее важных базовых принципов свидетельствовало о том, что при всех известных противоречиях их целей и задач в отношениях между этими партиями практически изначально действовал принцип "системности", который предполагает участие главных партий страны в жизни государства как взаимосвязанных элементов единого целого – единой системы, призванной поддерживать в обществе устойчивый политический баланс "на основе поиска и достижения определенного консенсуса между основными общественно-политическими силами: правящей и оппозиционной партиями"¹⁰. Этот «консенсус» и таким образом своего рода «сотрудничество» ведущих партий страны на политическом поприще оказывались возможными именно в силу признания ими обеими в качестве главных, системообразующих ряда ключевых идей, на основе которых разрабатывались программные положения, придававшие деятельности партий общенациональные масштабы и значение.

Однако большинству наблюдателей–англичан, настроенных, в основном, в духе исключительного предпочтения политических традиций прошлого, трудно было по-настоящему оценить характер и значение впервые сформировавшейся и апробированной в Америке буржуазной двухпартийной системы: принципы и цели ее функционирования, роль в жизни общества и государства. Гораздо более под-

робному рассмотрению в публикациях английских авторов подверглась организационная сторона деятельности американских партий.

Немалый интерес британцев вызывала многоступенчатая структура партийной системы США, неизвестная в то время в Англии.

Уже с 90-х гг. XVIII в. в отдельных американских штатах стали создаваться действовавшие на постоянной основе местные партийные комитеты, которые и положили начало оформившейся впоследствии многоуровневой, разветвленной системе партийной иерархии. Создание местных отделений общенациональных партий было необходимо в связи со значительными масштабами американского государства, федеративным принципом его устройства: филиалы партий на местах должны были поддерживать их постоянную связь с потенциальными избирателями по всей стране. Однако по мере расширения территории Соединенных Штатов и соответственно сети местных партийных организаций идейные разногласия и противоречия внутри общенациональных партий, и особенно в крупнейших из них, стали усиливаться, что обуславливалось прежде всего региональной спецификой политических интересов местных партийных структур. По наблюдению английского писателя Г. Хэмилтона, посетившего США в начале 30-х гг. XIX века, конфронтация во взаимоотношениях между центральными органами и местными отделениями некоторых американских партий нередко приводила к появлению весьма существенных расхождений в их программных документах¹¹.

Однако отмеченный многими британскими наблюдателями децентрализм американской партийной системы не препятствовал установлению жесточайшей дисциплины в локальных партийных образованиях: в низовых подразделениях общенациональных партий, возглавляемых "боссами", а также в замкнутых партийных организациях, действовавших на местном уровне. Именно здесь практиковались весьма жесткие методы партийного "руководства": неукоснительно реализовывался принцип безусловного подчинения меньшинства большинству, нижестоящих – вышестоящим членам партийных организаций, руководители которых часто выступали в роли настоящих "крестных отцов" по отношению к своим подчиненным, чья жизнь всесторонне регламентировалась партийным начальством¹².

Британский писатель и журналист А. Маккей, находившийся в Соединенных Штатах в 1846 - 1847 гг., в своей книге, посвященной социально-политическому устройству американского общества, при-

вел конкретные примеры партийного "наставничества", которые он наблюдал в Америке. Так, по словам писателя, "если некий мелкий чиновник не желал, к примеру, входить в состав местного органа управления и таким образом подниматься по политической лестнице, под давлением своей партии, если это ей было необходимо, он был бы вынужден это сделать"¹³.

Ничего похожего на столь суровые внутрипартийные порядки посещавшие Америку английские путешественники у себя на родине не встречали. Известно, например, что парламентские фракции вигов и тори в течение долгого времени представляли собой весьма аморфные политические образования, и не только были чужды строгой партийной дисциплине, но и не имели собственной программы, оформленного членства, регулярно избираемого лидера¹⁴. Поэтому неудивительно, что британские наблюдатели, в основном, крайне негативно оценивали жесткое организационное устройство американских партий: являясь, в большинстве своем, приверженцами классических либеральных идей, они полагали, что железная партийная дисциплина, исключавшая даже малейшую возможность инакомыслия в партийных рядах, вела к установлению в американском обществе подлинной партийной тирании. Вот что об этом писал Ч. Маккей: "Гражданину США не позволено реализовать право на собственное мнение, если оно противоречит позиции его партии... он должен быть со своей партией по всем вопросам, ... он обязан полностью принять "платформу" партии, независимо от того, нравится она ему или нет – иначе он подвергнет себя опасности"¹⁵.

«Неумолимая» партийная дисциплина призвана была прежде всего обеспечивать успех в борьбе с политическими противниками – этому отдавались все имевшиеся в распоряжении партий силы и средства. Так, с целью завоевания постоянно расширявшегося электората, американские партии применяли все более разнообразные методы предвыборной агитации: встречи партийных активистов с рядовыми избирателями, выступления в прессе, организацию на местах различных форм досуга для потенциальных избирателей и др.¹⁶

Однако наибольшее внимание в своих публикациях британские наблюдатели сосредоточили на неприглядных сторонах предвыборной борьбы, в которой участвовали политические партии в Америке. По их отзывам, стремясь любой ценой получить голоса избирателей, партийные деятели прибегали здесь к самым недостойным приемам:

пустой демагогии и лживым обещаниям, беззастенчивому клеветничеству и откровенным запугиваниям, насаждая тем самым в американском обществе крайне низкие стандарты поведения и мышления. Повсеместно довлевший дух партийности многие наблюдатели считали и одной из причин отсутствия в Америке подлинной свободы¹⁷. По словам американского исследователя М. Бергера, именно порочный "партийный дух" англичане считали главным злом американской демократии¹⁸. Вот что писал об этом А. Маккей: "Неистребимый партийный дух заполняет собой все поры общественного организма американской республики, проникая буквально во все сферы его деятельности"¹⁹.

Британские путешественники отмечали в своих сочинениях пагубные последствия активного участия американских партий в организации и проведении всевозможных выборов – основного механизма формирования государственных органов в США. Так, уже с конца XVIII века в Америке получила распространение весьма выгодная для участвовавших в избирательных кампаниях политических объединений система голосования по спискам. Переход к ней стал прямым следствием предвыборного соперничества различных политических партий и союзов: поскольку обычно одновременно избирался широкий круг должностных лиц, то принимавшие участие в выборах партии составляли для голосования общие списки своих кандидатов на все выборные должности. В результате избиратели фактически голосовали не за отдельных претендентов, а были вынуждены выбирать между соперничавшими политическими группировками.

Подобная выборная практика иногда приводила к довольно курьезным случаям. Путешествовавший по Америке в 1859 году Р. Кобден, присутствуя на муниципальных выборах в г. Лафайетт, оказался свидетелем того, что "вписанный в список кандидатов от демократической партии, в шутку, карандашом, неизвестно кем, некий штукатур-пьяница благодаря победе этой партии оказался избранным на должность эксперта-консультанта"²⁰. Однако негативные для американского общества последствия применения "списочной системы голосования", по мнению английских наблюдателей, не ограничивались такого рода недоразумениями, а были гораздо серьезнее. Закономерным результатом получавшей все более широкое распространение в США практики голосования по партийным спискам многие британцы считали окончательно закрепившийся в эпоху

"джексоновской демократии" поствыборный порядок, в соответствии с которым все государственные должности – и на федеральном и на местном уровнях – раздавались сторонникам победившей на выборах партии. Ключевую же роль в такого рода перестановках, безусловно, играли президентские выборы: "Когда президент уходит в отставку, оказывается ничего не стоящей должностью самого последнего служащего таможенной или почтового ведомства, которые были назначены при нем, если они не уйдут в отставку вместе с ним..."²¹.

Подобный порядок комплектования государственных органов, получивший название Spoil system, весьма неодобрительно воспринимался посещавшими Америку англичанами, которые считали недопустимым для цивилизованного общества принцип отбора кандидатов на официальные должности не по их профессиональным и личным качествам, а в зависимости от партийной принадлежности.

Однако, несмотря на преобладание критических оценок и замечаний в адрес американской партийной системы не только со стороны противников американской демократии, но и среди тех, кто ей симпатизировал (такowymi, например, были А. Маккей, Р. Кобден), большинство британских наблюдателей сходились во мнении о безусловной необходимости присутствия партий в общественно-политической жизни США.

Так, по словам Ч. Маккея, они нужны были в демократическом сообществе с его «слабыми» политическими структурами "для предотвращения полной дезинтеграции власти и сохранения государственности"²². А А. Маккей отметил весьма важную для территориально столь обширного, организованного на принципах федеративности американского государства "связующую, сохраняющую единство Союза роль разветвленной партийной системы США"²³.

Знакомство британского общества с партийно-политической жизнью Америки заметно ускорило и оптимизировало процесс партийного строительства и в самой Англии. Демократизация ее общественно-политического устройства, начавшаяся после парламентской реформы 1832 г., требовала все более активного использования партийного механизма в системе государственного управления. Этой задаче прежде всего отвечало окончательное организационное оформление в 60 - 70-е гг. консервативной и либеральной партий, постепенно превращавшихся в две тесно взаимосвязанные составляющие единой партийной системы Великобритании. Обе эти партии все чаще и ус-

пешнее применяли в своей практике многие "наработки" партийно-политического опыта США, разрабатывая, например, собственные программные положения, все более проникнутые демократическим духом и ориентированные на социальные проблемы, создавая регулярно действовавшие партийные комитеты на местах, проводя широкую агитационную работу среди населения, которая заметно стимулировала политическую активность рядовых британцев.

Новые формы и методы политической деятельности, утверждавшиеся в общественно-политической жизни Англии в том числе и благодаря популяризации здесь "американского опыта", в немалой степени способствовали смягчению социальной напряженности в британском обществе, более успешному разрешению накопившихся проблем.

➤ Примечания

¹ Маккарти Ю. Вновь посетив Америку... М., 1981. С. 184.

² Цит. по: Гаджиев К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М., 1990. С. 183.

³ Mackay Ch. Life and Liberty in America. N.-Y., 1859. P. 304.

⁴ Bishop I. The Englishwomen in America. Madison, 1966. P. 409.

⁵ Ibid. P. 390.

⁶ Mackay Ch. Op. cit. P. 305.

⁷ Маныкин А.С. История двухпартийной системы США (1789-1980). М., 1981. С. 14.

⁸ Mackay Ch. Op. cit. P. 304.

⁹ Martineau H. Society in America. P., 1837. Vol. 1. P. 209.

¹⁰ Маныкин А.С. Указ. соч. С. 69.

¹¹ Hamilton Th. Men and manners in America. L., 1968. Vol. 1. P. 296.

¹² Маныкин А.С. Указ. соч. С. 82.

¹³ Mackay A. The Western World, or Travels in the United States in 1846-1847 years. L., 1850. Vol. 2. P. 7.

¹⁴ Торопова С.Ю. Становление и эволюция двухпартийной системы викторианской Англии. Ярославль, 1998. С. 11.

¹⁵ Mackay Ch. Op. cit. P. 305.

¹⁶ Маныкин А.С. Указ. соч. С. 62.

¹⁷ Mackay Ch. Op. cit. P. 306.

¹⁸ Berger M. The British traveller in America, 1836-1860. N.-Y., 1964. P. 39.

¹⁹ Mackay A. Op. cit. P. 6.

²⁰ Cobden R. The Diary in America. L., 1952. P. 184.

²¹ Mackay Ch. Op. cit. P. 308.

²² Ibid. P. 305.

²³ Mackay A. Op. cit. P. 2.

Политика НАТО в сфере миротворчества: выработка теоретических подходов

Характерной чертой трансформации Североатлантического союза (НАТО), начало которой было положено в 1990 году, стало определение и обоснование новых миссий альянса, выходящих за пределы тех функций, которые были определены Вашингтонским договором. Особое место при этом уделялось переориентации альянса на решение задач кризисного регулирования и миротворчества. В течение нескольких последующих лет специалисты НАТО провели большую теоретическую работу по исследованию проблем поддержания и обеспечения мира и смогли наработать большое количество практических рекомендаций по этому вопросу.

Следует признать, что теоретическая разработка основ миротворческой деятельности, осуществленная в НАТО, осталась практически вне зоны внимания российских исследователей, более концентрировавшихся на практических аспектах политики альянса в 1990-е годы. Вместе с тем данная проблема представляет значительный научный интерес, в том числе и в силу того, что союзникам по НАТО удалось существенно обогатить современную теорию поддержания мира, предложить свой вариант ее адаптации к условиям «нового мирового порядка».

В настоящей статье на основе анализа целого ряда малоизученных документов Североатлантического союза сделана попытка показать процесс разработки миротворческой стратегии НАТО, определить заложенные в ней принципы и условия участия альянса в операциях по поддержанию мира и выявить, каким изменениям при этом были подвергнуты традиционные механизмы и нормы международной политики и международного права.

Впервые идея участия сил НАТО в урегулировании международных кризисов была зафиксирована в Стратегической концепции альянса, принятой на Римской сессии Североатлантического совета (высшего политического органа НАТО) в ноябре 1991 года. В ней провозглашался «широкий подход к безопасности», который, наряду с коллективной обороной союзников, развитием диалога и сотрудни-

чества с европейскими государствами, предусматривал также и разработку политики по преодолению кризисов и предотвращению конфликтов. В частности, здесь указывались принципы, на основании которых должна была строиться миротворческая стратегия альянса: возможность применения руководством НАТО целого ряда политических и иных мер (включая «меры военного характера») в целях преодоления кризиса на раннем его этапе (статья 33) и тесное сотрудничество с другими институтами, такими как Европейское сообщество, Западноевропейский союз, ООН, включая и поддержку процесса СБСЕ (статья 34)¹.

В ходе работы над положениями миротворческой стратегии НАТО союзники по альянсу выделили несколько ключевых проблем, решение которых имело принципиальное значение. Их можно определить следующим образом:

- выработка понятия «операция по поддержанию мира», определение форм и критериев миротворческой операции;
- разработка механизма сотрудничества различных институтов, ответственных за международную безопасность, в деле проведения миротворческих акций;
- определение принципов участия структур и сил НАТО в операциях по поддержанию мира;
- организационная подготовка союзников к такому участию, включая структурные изменения в вооруженных силах альянса, техническое обеспечение, подготовку кадров и т.д.

Постепенно эти рамочные принципы наполнялись более конкретным содержанием, что можно проследить по официальным документам, принятым руководящими органами НАТО на разных уровнях в течение 1992 - 1993 годов. Итогом работы экспертов стал доклад, представленный министрам иностранных дел стран-членов Совета североатлантического сотрудничества² на их встрече в июне 1993 года в Афинах. Доклад был подготовлен Специальной группой по развитию сотрудничества в сфере миротворчества, созданной при ССАС в декабре 1992 года. В задачи этой группы ставилось «развитие общего понимания политических принципов и инструментов миротворческой деятельности, обмен опытом и выработка общих практических подходов и принципов сотрудничества в ходе миротворческих операций под ответственностью ООН или СБСЕ»³.

В своем итоговом докладе члены Специальной группы подробно осветили каждую из ключевых проблем, поставленных перед ними, и выработали единую позицию участников евроатлантического диалога по принципиальным вопросам участия НАТО в процессе урегулирования конфликтов.

Определение понятия, форм и критериев миротворческих операций

Вопрос определения понятия миротворческой операции вызвал определенные затруднения у специалистов. Несмотря на довольно обширную практику применения сил по поддержанию мира в различных регионах планеты в течение предшествовавших десятилетий, нигде в международно-правовых документах не было зафиксировано четкого определения данных действий. «Как мы знаем, миротворчество даже в Уставе ООН непосредственно не определено и не прописано; единственная ссылка на возможность подобных действий ООН содержится в Главе VII ее Устава («Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии»), которая очень редко использовалась в миротворческих операциях», – констатировал Кофи Аннан, бывший в 1993 году заместителем Генерального секретаря ООН по вопросам миротворчества⁴. Такая неопределенность в понятиях и критериях негативно сказывалась на эффективности действий международных организаций, и в первую очередь самой ООН, по урегулированию конфликтов. По словам Бутроса Бутроса Гали, занимавшего в начале 90-х годов пост Генерального Секретаря ООН, «основатели Организации Объединенных Наций, разработавшие основные принципы международного порядка, не предусмотрели, а может быть, просто не смогли предложить методы борьбы с конфликтами, которые возникают в рамках одного государства и которые на первый взгляд могут и не представлять немедленной угрозы международному миру и безопасности»⁵. Самым показательным примером неудачи миротворческих усилий «в классических традициях» стал разгоравшийся все больше вооруженный конфликт на территории бывшей Югославской федерации.

Эксперты Специальной группы при ССАС, осознавая, что до сих пор в практике международных отношений не выработано единое, общепринятое определение миротворчества, пошли по пути наиболее общего его обозначения. Они предложили в самом общем виде пони-

мать под миротворчеством действия, основанные на положениях Главы VI и VII Устава ООН и осуществляемые по мандату ООН или СБСЕ⁶.

Вместе с тем следует отметить, что в практику ООН и НАТО вошло другое, более расширенное понимание миротворческих операций как «использование многонационального воинского контингента, вооруженного или без оружия, под руководством международного командования и с согласия сторон для оказания помощи в осуществлении контроля и разрешения конфликтов между враждующими государствами или отдельными частями государства»⁷.

Авторы доклада Специальной группы предложили выделить 5 различных форм операций по поддержанию мира в зависимости от степени вовлечения и полномочий миротворцев, а также от стадии конфликта, на которой принимается решение об их размещении⁸. Предложенная классификация в том или ином виде вошла в современную практику международных отношений.

- **Предотвращение конфликта** (conflict prevention) включает в себя широкий круг мер, от дипломатических инициатив до превентивного размещения войск и/или гражданских сил с целью не дать кризисной ситуации перерасти в вооруженный конфликт или распространиться на соседние территории. В рамках предотвращения конфликтов могут быть развернуты миссии по проверке фактов, контролируемые и наблюдательные инспекции, а также проводиться консультации и выносятся предупреждения.

- **Установление мира** (reasetaking) подразумевает любые дипломатические действия, направленные на мирное урегулирование уже начавшегося конфликта. Это может быть призыв к переговорам, посредничество, примирение, а также такие действия, как дипломатическая изоляция и применение санкций.

- **Поддержание мира** (reasekeeping) в узком смысле этого слова, определяется как сдерживание, замедление и/или завершение военных действий между сторонами конфликта при бесстрастном вмешательстве третьей стороны, организованной международным сообществом; использование военных и гражданских сил в дополнение к политическому процессу урегулирования конфликта и восстановления и поддержания мира. В докладе Специальной группы при ССАС выделяются традиционные функции международных миротворческих сил в зоне конфликта: наблюдение за демаркационными линиями, со-

блюдение прекращения огня и контроль за буферными зонами, разоружение и демобилизация враждующих сторон, соблюдение границ. Кроме того, здесь отмечается, что в последние годы в категорию «поддержание мира» включаются и такие действия, как обеспечение гуманитарной помощи и защиты беженцев, а также обеспечение гражданских элементов, как то: организация гражданской полиции, соблюдение гражданских и избирательных прав населения.

- **Принуждение к миру** (peace-enforcement) - действия, предпринимаемые в соответствии с Главой VII Устава ООН и направленные на восстановление мира в зоне конфликта. Данная форма не получила в докладе подробного уточнения, здесь указано лишь, что такие действия могут применяться в межгосударственных или внутригосударственных конфликтах, в случае, когда обнаруживается гуманитарная потребность или когда разрушены государственные институты.

- **Закрепление мира** (peace-building) предполагает действия по окончании конфликта, направленные на установление и поддержку тех структур, которые обеспечат соблюдение мира, возрождение чувства взаимного доверия и благополучия, будут способствовать экономическому восстановлению и могут потребовать при этом привлечения как гражданских, так и военных сил.

Разработка механизма сотрудничества международных институтов при проведении миротворческих акций

Одним из основополагающих принципов участия сил НАТО в операциях по поддержанию мира, заложенных еще в Стратегической концепции альянса 1991 года, стало тесное взаимодействие с другими институтами, ответственными за поддержание безопасности в европейском регионе, и в первую очередь с СБСЕ и ООН.

В частности, в мае 1992 года на совместной сессии Комитета военного планирования и Группы ядерного планирования (двух руководящих военных органов НАТО) в Брюсселе министры обороны стран-членов НАТО констатировали, что «в свете текущих дискуссий об усилении процесса СБСЕ посредством сотрудничества с существующими организациями, мы изменили свои взгляды на вклад, который НАТО может оказать в деле поддержки механизмов предотвращения конфликтов и урегулирования кризисов, развиваемых ныне СБСЕ... Мы будем готовы рассмотреть конкретные пути, согласно

которым опыт и ресурсы альянса могут, если такое решение будет принято, использоваться для миротворческой деятельности СБСЕ»⁹.

Месяцем позже, на июньской сессии Североатлантического совета в Осло, министры иностранных дел стран-членов альянса подтвердили, что они готовы предоставить в распоряжение СБСЕ ресурсы, инфраструктуру и опыт НАТО для выполнения разовых операций по поддержанию мира¹⁰.

Эта же тема стала предметом обсуждения на заседании Группы ядерного планирования НАТО в октябре того же года в местечке Глениглз в Шотландии. Военное руководство НАТО согласилось с тем, что необходимо усилить начавшуюся в рамках альянса практическую работу по подготовке к проведению миротворческих операций, с тем, чтобы незамедлительно откликнуться на призыв международного сообщества, когда это потребуется¹¹.

К декабрю 1992 года, когда были готовы первые предложения Комитета военного планирования, министры иностранных дел стран НАТО на Брюссельской сессии Североатлантического совета смогли подтвердить готовность альянса к участию в миротворческих операциях под эгидой Совета безопасности ООН. Министры отметили, что «Североатлантический союз готов положительно отнестись к инициативам генерального секретаря ООН при обращении к НАТО за помощью в деле выполнения решений Совета безопасности ООН». Более того, они просили генерального секретаря Североатлантического союза «поддерживать необходимые контакты с Генеральным секретарем ООН по вопросу о помощи, которую альянс мог бы оказать этой международной организации»¹².

Работа Специальной группы по развитию сотрудничества в сфере миротворчества, утвержденной тогда же, во многом и была направлена на разработку именно принципов совместных действий с СБСЕ и ООН. В докладе, подготовленном Группой, выделены следующие принципиальные моменты сотрудничества:

- признавалось верховное право Совета Безопасности ООН или СБСЕ организовывать акции по поддержанию мира;

- прерогативой ООН и СБСЕ признавалось их право в каждом конкретном случае определять, какие меры должны быть приняты, кто может привлекаться к участию в операции по поддержанию мира и какими полномочиями следует наделять миротворцев;

- при выдаче мандата на осуществление миротворческой операции ООН и СБСЕ наделялись правом принимать соответствующие предложения от государств или организаций, однако при принятии окончательного решения должны были руководствоваться соображениями взаимной культурной, исторической и политической толерантности;

- за ООН и СБСЕ признавалось также право обратиться к руководству Североатлантического союза с запросом о предоставлении ресурсов, инфраструктуры и опыта союзников в целях реализации соответствующего решения о начале миротворческой операции;

- председателю Специальной группы или другому представителю НАТО вменялось в обязанности проводить систематические консультации с руководством ООН и СБСЕ по данному вопросу;

- в вопросе финансирования миротворческих действий признавалась коллективная ответственность всех участников организации, предоставляющей мандат на эти действия, а соответственно, и распределение всех расходов на основании существующих в ней правил.

Особо отметим ту большую роль, которую официальные лица НАТО отводили в деле поддержания мира Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе. В начале 90-х годов, после принятия Парижской хартии для новой Европы, процесс СБСЕ получил новый толчок к своему развитию. В подписанном в январе 1992 года Пражском документе о дальнейшем развитии институтов и структур СБСЕ, в Декларации Хельсинской встречи СБСЕ на высшем уровне, принятой в июле того же года, тема предотвращения конфликтов и урегулирования кризисов получила особое внимание¹³. В то же время, на протяжении длительного времени этой европейской организации не хватало ресурсов, опыта и подкрепленного силой авторитета, чтобы эффективно проводить миротворческие операции.

Определение принципов участия союзников в миротворческих операциях по мандату ООН или СБСЕ

В прямой связи с предыдущим вопросом решалась и проблема выработки принципов участия сил НАТО в акциях ООН и СБСЕ по поддержанию мира. Союзники по НАТО, в особенности США, стремились не связывать себя чрезмерными обязательствами. Поэтому, наряду с заявлениями об обязательствах альянса перед мировым сообществом по участию в урегулировании международных конфлик-

тов, с самого начала следовали оговорки, жестко регламентирующие такое участие. Так, например, на уже упоминавшейся встрече Комитета военного планирования в декабре 1992 года провозглашался принцип участия сил НАТО в миротворческих операциях под эгидой СБ ООН «в соответствии с собственными процедурами и на разовом основании». Здесь же отдельно оговаривалось, что союзникам гарантируется право как индивидуального участия в таких операциях, так и коллективных действий¹⁴.

Эти же принципы получили закрепление в докладе Специальной группы. Помимо них эксперты выделили еще несколько условий, выполнение которых необходимо для привлечения сил НАТО (или какой-либо другой организации или государства) в качестве миротворческого контингента. Среди них: принцип добровольного участия в акциях по поддержанию мира, обязательства по обеспечению миротворцам необходимой защиты, включая их неотъемлемое право на самозащиту. Одним из ключевых условий стало провозглашение принципа единства командования, в том числе и с учетом специфики построения командных отношений и структур командования каждого конкретного участника¹⁵.

Как показывает анализ, приведенные положения из доклада Специальной группы во многом соответствуют традиционным американским принципам использования войск за пределами США. Как отмечают специалисты, миротворческая акция по всем канонам американской доктрины национальной безопасности соответствует конфликту низкой интенсивности, и участие солдат США в ней должно отвечать определенным принципам, как то: «учет зависимости характера выполняемых задач от изменений в политико-дипломатической сфере, единство предпринимаемых усилий, легитимность акций, настойчивость и последовательность в их осуществлении, выдержка и обеспечение собственной безопасности». Более того, по американским законам, вооруженные силы США могут участвовать в миротворческих акциях только при условии, что расходы на себя берет орган, выдавший мандат на проведение акции, что американцы сохраняют все полномочия по использованию собственных сил, а планирование этих операций остается прерогативой Пентагона и госдепартамента¹⁶.

Организационная подготовка структур НАТО к участию в миротворческих операциях

Решение целого комплекса вопросов, связанных с подготовкой и адаптацией структур и кадров альянса к новым задачам, с самого начала вменялось в обязанности разработчиков миротворческой стратегии НАТО. В докладе Специальной группы эти проблемы, во многом имеющие прикладной характер, получили подробное освещение¹⁷. Не останавливаясь на деталях, отметим, что здесь были указаны конкретные мероприятия, направленные на повышение эффективности командования и контроля, решались проблемы обеспечения инфраструктуры и доставки войск, обучения и тренировки персонала, участвующего в операциях по поддержанию мира, и т.д.

В то же время, когда специалисты занимались теоретическими изысканиями в сфере миротворчества, вооруженные силы НАТО принимали участие в конкретных акциях, проводившихся под эгидой Совета Безопасности ООН, по урегулированию конфликта в Боснии и в целом в Балканском регионе. В частности, в течение 1992 и 1993 годов корабли из состава постоянного соединения объединенных военно-морских сил НАТО в Средиземном море обеспечивали в Адриатическом море контроль за соблюдением эмбарго ООН на поставки вооружения во все республики бывшей Югославии (резолюция СБ ООН № 713) и за выполнением санкций против Союзной Республики Югославия (резолюция СБ ООН № 757), а позже, в соответствии с мандатом ООН, приступили к принудительному соблюдению этих санкций; самолеты дальнего обнаружения НАТО в соответствии с резолюцией № 781 СБ ООН обеспечивали, в том числе и в принудительном порядке, соблюдение в небе Боснии зоны, запретной для полетов. С лета 1993 года военно-воздушные силы альянса начали отработку задач по обеспечению защиты и поддержки с воздуха Сил ООН по охране (СООНО), а также готовились к нанесению воздушных ударов «по виновной стороне» в случае усиления блокады Сараево и попыток воспрепятствования доставке гуманитарной помощи. В рамках последнего направления работы в августе 1993 года Североатлантический совет утвердил «Оперативные варианты авиационных ударов в Боснии и Герцеговине», где, помимо прочего, разрабатывались принципы договоренности о командовании и управлении войсками между НАТО и ООН при нанесении таких ударов¹⁸.

Практический опыт участия сил НАТО в такого рода операциях, несомненно, оказал влияние на ход разработки миротворческой стратегии альянса. В то же время, он показал, что, в отличие от принципов, изложенных на бумаге, в реальности североатлантические союзники не стремились к скорейшему вовлечению своих войск в миротворческий процесс, предпочитая длительное время действовать «на расстоянии», путем патрулирования моря и воздуха и нанесения бомбовых авиаударов. Во многом, этому способствовала позиция США, избегавших прямого участия своих солдат в наземных боевых действиях на чужой территории. Лишь в конце 1995 года, сразу после подписания в Париже Мирного соглашения по Боснии, многонациональные силы НАТО по выполнению соглашения (ИФОР) вступили на югославскую землю с тем, чтобы на практике реализовать теоретические подходы, разработанные специалистами альянса.

Следует признать, что, несмотря на ограниченную востребованность разработок экспертов из состава Специальной группы по развитию сотрудничества в сфере миротворчества, их теоретические изыскания и практические рекомендации во многом предопределили успешное выполнение миссии натовских миротворцев в Боснии. Вместе с тем они закрепили некоторые новые принципиальные положения, характерные для операций по поддержанию мира в эру «нового мирового порядка» и сместившие традиционные нормы международного права. Эти положения сводятся к следующему:

Во-первых, была сделана попытка четко определить содержание понятия «миротворчество», обозначить принципы и формы миротворческих операций, что до начала 90-х годов не получило своего правового оформления.

Во-вторых, была зафиксирована возможность проведения на территории суверенных государств, с санкции Совета Безопасности ООН или СБСЕ, миротворческих акций, в том числе и силовых, как международными структурами, так и отдельными странами.

В-третьих, детальную проработку получили вопросы подготовки и использования существующей военной инфраструктуры, в частности стан НАТО, в целях урегулирования конфликтных и кризисных ситуаций.

Все это, безусловно, значительно повысило роль Североатлантического союза, ставшего фактически самым действенным гарантом безопасности по обе стороны Атлантического океана. Наличие в ру-

ках альянса мощных стратегических и тактических военных ресурсов сделало его главной опорой таких международных структур, как ООН и СБСЕ. В то же время фактор одностороннего укрепления НАТО, претензии альянса на статус региональной общеевропейской международной организации, усиление его полицейских функций не позволили полностью ликвидировать напряженность в межгосударственных отношениях на европейском континенте.

➤ Примечания

¹ North Atlantic Alliance's new strategic concept // NATO Review. Vol. 39. 1991. № 6. P. 26.

² Совет североатлантического сотрудничества (ССАС) – структура, организованная согласно Римской декларации сессии Совета НАТО о мире и сотрудничестве (7-8 ноября 1991 года), в которой были представлены как страны НАТО, так и большинство других европейских государств. ССАС служил форумом для развития диалога и взаимного сотрудничества между странами-участницами. В 1997 году был преобразован в Совет евроатлантического партнерства (СЕАП).

³ Report to Ministers by the NACC Ad Hoc Group on cooperation in peacekeeping, Athens, Greece, 11 June 1993 // NATO communiqués: Texts of statements, declarations and final communiqués. Brussels: Office of information and press, 1993. P. 27.

⁴ Kofi A. Annan. UN peacekeeping operations and cooperation with NATO // NATO Review. Vol. 41. 1993. № 5. P. 4.

⁵ Бутрос Гали Б. Непокоренная Организация Объединенных Наций. М.: ИД XXI век-Согласие, 2000. С. 61-62.

⁶ Report to Ministers by the NACC Ad Hoc Group on cooperation in peacekeeping... P. 27.

⁷ Kofi A. Annan. UN peacekeeping operations and cooperation with NATO. P. 4.

⁸ Report to Ministers by the NACC Ad Hoc Group on cooperation in peacekeeping... P. 27-28.

⁹ Final Communiqué, Defence Planning Committee And Nuclear Planning Group, NATO HQ, Brussels, 27 May 1992 // NATO communiqués... Brussels, 1992. P. 31.

¹⁰ Final Communiqué, Ministerial Meeting of the North Atlantic Council in Oslo, 4 June 1992 // NATO communiqués... 1992. P. 35.

¹¹ Final Communiqué, Nuclear Planning Group, Gleneagles, Scotland, 21 Oct. 1992 // NATO communiqués... Brussels, 1992. P. 46.

¹² Final Communiqué, M-NAC-2(92)106, Ministerial Meeting of the North Atlantic Council, NATO HQ, Brussels, 17 Dec. 1992 // NATO communiqués... Brussels, 1992. P. 61.

¹³ См., например, раздел VI Пражского документа о дальнейшем развитии институтов и структур СБСЕ // Действующее международное право: В 3 т. М.: Изд-во Моск. независ. института межд. права. Т. 2. С. 176-178.

¹⁴ Final Communiqué, Defence Planning Committee, NATO HQ, Brussels, 11 Dec. 1992 // NATO communiqués... Brussels, 1992. P. 55.

¹⁵ Report to Ministers by the NACC Ad Hoc Group on cooperation in peacekeeping... P. 29-31.

¹⁶ Жинкина И.Ю. Миротворческие акции: Некоторые вопросы теории и практика // США: экономика, политика, идеология. 1994. №10. С.19-20.

¹⁷ Report to Ministers by the NACC Ad Hoc Group on cooperation in peacekeeping... P.33-37.

¹⁸ Справочник НАТО: Юбилейное издание к пятидесятилетней годовщине НАТО. Брюссель: Отдел информации и прессы, 1998. С. 120-122.

М.В. Кольцов

«Предатели рабочего класса». Советская пропаганда о правительстве К. Эттли (1945 - 1951 гг.)

Завершение Второй мировой войны знаменовало начало процесса охлаждения отношений между СССР и его союзниками по антигитлеровской коалиции, вылившегося в противостояние холодной войны. Образование биполярного мира внесло свои жесткие коррективы в прежние представления о странах – партнерах по общей победе. Не стала в этом исключением и Великобритания, чей образ в Советском Союзе за достаточно короткий период послевоенной истории претерпел коренную трансформацию: из союзника по борьбе с нацизмом советская пропаганда сформировала устойчивый стереотип противника и врага номер два. Сложившееся подобным образом негативное представление о Соединенном Королевстве просуществовало практически без изменений до конца советской истории. Годы, когда у власти в Англии находилось лейбористское правительство Клементы Эттли, можно считать ключевыми для осознания причин и механизмов формирования укоренившегося в СССР на длительное время представления о Великобритании как о противнике на внешнеполитической арене. Подобный категоричный взгляд был непреложной истиной в любом советском исследовании, прямо или косвенно касавшемся Англии. Кроме того, негативной оценки в литературе удостоивалась и деятельность третьего лейбористского правительства. Отрадно, что современная отечественная наука отходит от прежних идеологических штампов и пытается объективно взглянуть на послевоенные советско-английские отношения¹.

Незначительное внимание в советской историографии уделялось и проблеме так называемых форм восприятия и их влиянии на внеш-

ную политику. Данная тематика, находящаяся на стыке нескольких наук, становилась объектом исследования скорее психологов, нежели историков. Среди исключений, прежде всего можно назвать труды Л. Зака, Н. Ерофеева, а также Е. Егоровой-Гантман и К. Плешакова². В последнее время со стороны отечественных специалистов наметился интерес к изучению проблемы «образов других». Заслуживают внимания работы С. Оболенской, В. Шестакова, а также сборник «Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в российском и советском обществах первой половины XX века»³. Стоит отметить, что авторы по-разному понимают такие понятия, как «образ», «стереотип» или «социальная установка», но все без исключения говорят о той важной роли, которую играют формы восприятия в международных отношениях. Положительный или отрицательный образ, стереотип страны или народа оказывает непосредственное влияние на отношения между государствами, способствует или затрудняет взаимопонимание политических субъектов. Кроме того, формы восприятия способны существовать вопреки логике исторического развития, заслоняя собой объективную действительность, и определять при этом внешнюю политику той или иной страны⁴.

Среди множества определений образа и стереотипа хочется остановиться на тех, которые дали в своей статье Е. Егорова-Гантман и К. Плешаков. Под образом авторы понимают, прежде всего, форму зафиксированного знания, отраженную субъектом международных отношений картину существующей реальности, а под стереотипом – упрощенное представление об объекте, имеющее ярко выраженную эмоциональную окраску. Образ и стереотип, являясь продуктами восприятия объекта, различаются по своим информационным и мотивирующим характеристикам: в образе знание превалирует над эмоциями, а в стереотипе – эмоции над знанием. Кроме того, если образ можно считать обладающим достаточной подвижностью, то стереотип, будучи примитивной формой сознания, наделен значительной жесткостью и с трудом изменяем⁵.

Особую роль в формировании внешнеполитических стереотипов играет пропаганда, с помощью которой руководство страны может целенаправленно корректировать оценочную окраску представлений населения страны о своих международных контрагентах. В Советском Союзе, являвшемся тоталитарным государством, пропаганда занимала исключительное место в процессе формирования необходи-

мых для правящей верхушки внешнеполитических форм восприятия. Следовательно, для понимания характера образа правительства К. Эттли как внешнеполитического контрагента, сложившегося в Советском Союзе после Второй мировой войны, необходимо обратиться к материалам периодической печати – ключевому элементу сталинской пропагандистской машины.

Во время Второй мировой войны межгосударственные отношения СССР и Великобритании определялись союзным договором от 26 мая 1942 года. Срок действия его второй части, регулировавшей послевоенные взаимоотношения двух держав, определялся в двадцать лет. Таким образом, договаривающиеся стороны надеялись, что «прочный союз» двух государств с антагонистическими системами возможен и после победы над Германией.

Союзнические отношения, существовавшие в годы войны, повлияли на характер представления советского общества о Великобритании, которую воспринимали как партнера по антигитлеровской коалиции, а англичан как соратников по общему делу борьбы с нацизмом. Стоит отметить также значительную информационную открытость в отношениях двух держав – союзниц во время войны. Частые контакты политических и военных руководителей различных уровней, взаимный обмен информацией о положениях на фронтах и в тылу, имевшие место, хоть и в ограниченных количествах, личные контакты простых англичан и советских граждан – все это не могло не способствовать формированию положительных внешнеполитических образов с обеих сторон. Однако, являясь скорее вынужденной мерой перед лицом общей угрозы, союзнические отношения не могли носить абсолютный характер. Подлинное чувство правящей верхушки Советского Союза к своему партнеру можно обнаружить в одном весьма нелестном высказывании Сталина. В разговоре с югославским коммунистом М. Джиласом, он заявил: «вы думаете если мы союзники англичан», то «забыли кто они, а кто Черчилль? У них нет большей радости, чем нагадить своим союзникам. А Черчилль? Черчилль, он такой, что если не побережешься, он у тебя копейку из кармана утянет»⁶.

Чем ближе ощущалась будущая победа, тем серьезней в Москве и Лондоне задумывались о своей роли в судьбе послевоенной Европы. Приведенная выше сталинская фраза относится к 1944 году, и именно

тогда в Советском Союзе становится заметной тенденция к сокращению информации о своем западном союзнике⁷.

Послевоенные отношения Советскому Союзу пришлось строить не с победителем Черчиллем, а с лейбористами, получившими большинство на парламентских выборах в июле 1945 года. В Москве положительно встретили приход к власти правительства К. Эттли, поскольку и возросшие симпатии англичан к СССР как союзнику в войне с Германией, и многократные предвыборные заявления лейбористов о своих намерениях поддерживать и укреплять дружественные отношения между двумя странами, позволили надеяться на более продуктивное сотрудничество именно с лейбористским правительством, чем с консерваторами. На страницах советской печати можно было найти оптимистические высказывания руководителей страны о том, что дружба между двумя народами, «выкованная в сражениях на фронтах и в трудовых подвигах в тылу» будет крепнуть и развиваться⁸. Сталин в своем послании к Эттли от 20 августа 1945 года выражал уверенность, что сотрудничество с Великобританией, испытанное в войне, «будет развиваться и крепнуть и в послевоенное время на благо обоих народов»⁹. Вождю вторил и министр иностранных дел В. Молотов, заявивший на приеме в английском обществе культурных связей с Советским Союзом, что, несмотря на всех «сеятелей лжи, интриг и клеветы», дружественные отношения между «двумя великими народами» будут укрепляться и в дальнейшем¹⁰. Победа Лейбористской партии на парламентских выборах оценивалась в советской прессе как закономерная. Газеты писали не только о жаркой предвыборной борьбе, в которой Рабочая партия выступала с принципиально иной, чем у консерваторов, избирательной платформой, но и называли главной причиной победы лейбористов их способность учесть коренной сдвиг, произошедший после войны в сознании англичан, повернувшихся лицом к проблемам внутренней политики¹¹.

Однако когда эйфория от победы над общим врагом прошла, и обе стороны встали перед необходимостью урегулирования послевоенного устройства Европы, выяснилось, что все прежние союзнические отношения и обоюдные оптимистические надежды на их продолжение отступили на второй план перед новыми, гораздо более серьезными противоречиями. На первых трех сессиях Совета министров иностранных дел (СМИД), которые должны были подготовить мирные договоры с Германией и ее сателлитами, советская сторона

встретила весьма жесткую оппозицию англо-американской дипломатии своим экспансионистским намерениям. Лейбористское правительство в лице главы Форин Оффис Э. Бевина ясно продемонстрировало, что, несмотря на свои предвыборные обещания развивать дружественные отношения с СССР, будет придерживаться исключительно национальных интересов, и выступать на международной арене союзником американской дипломатии. Это не могло не сказаться на отношении советского руководства к лейбористскому правительству. В выступлениях лидеров страны появились раздражительные нотки, заговорили об отступлении англо-американской стороной от Потсдамских договоренностей, но высказывались и надежды на временный характер возникших затруднений¹². Еще больше усугубили положение события в Греции и Северном Иране, когда стало очевидно, что внешнеполитические цели Великобритании и СССР диаметрально противоположны.

Не способствовала взаимопониманию двух стран и знаменитая речь У. Черчилля, произнесенная в марте 1946 года в Фултоне. Несмотря на то, что с программой противодействия советской угрозе выступил политик, не представляющий британский внешнеполитический департамент, в СССР на его заявление откликнулись жесткими газетными статьями, а самое главное – не менее программным интервью Сталина. Вождь расценил выступление Черчилля как опасный акт, рассчитанный на то, “чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество”¹³. Фултонская речь как нельзя лучше помогла советской пропаганде сформировать образ нового врага, чье место после окончания войны было вакантным. Сталин немедленно повесил на Черчилля и “его друзей в Англии” ярлык поджигателей новой войны и последователей дела Гитлера¹⁴. Под “английскими друзьями” вождь имел в виду, конечно, лейбористское правительство, которое в обострившемся противостоянии СССР и Запада на всех дипломатических уровнях неизменно выступало как сторонник внешнеполитической линии США. В. Молотов, вернувшись с Парижской сессии СМВД, назвал подобную тактику сговором, противоречащим “законным интересам других стран”¹⁵. Несомненно, что у советской и английской дипломатий были разные понятия о “законных интересах”. Например, когда встал вопрос о судьбе бывших итальянских колоний, Молотов на одном из заседаний СМВД озвучил пожелание Сталина заполучить военную

базу в Ливии. Это вызвало замешательство среди западных дипломатов, а особенно у английского представителя. Как позже вспоминал Вячеслав Михайлович, Бевин подскочил с криком: “Это шок, шок! Никогда вас там не было!” Советское требование о своем “законном интересе” так взволновало английского министра, что ему стало плохо¹⁶.

Постепенно в советской прессе запускался маховик антиимпериалистической кампании, в которой Великобритании и правительству “правых лейбористов” отводилось место врага номер два. Как только между СССР и Соединенным Королевством случались трения на дипломатическом уровне, так в печати появлялась масса статей, затрагивавших внешнеполитические отношения двух государств, а также внутреннюю ситуацию в Англии. Эта закономерность стала особенно четко видна в 1947 году, когда противоборствующие стороны предприняли ряд действий, вызвавших дальнейшую эскалацию холодной войны. Речь идет прежде всего о появлении “доктрины Трумэна”, “плана Маршалла”, объединении западных зон оккупации Германии и начале процесса сталинизации в странах “народной демократии”. Особо стоит отметить советско-английские переговоры о продлении срока союзного договора 1942 года с 20 до 50 лет, причем впервые это предложение прозвучало с английской стороны в декабре 1945 года. Советское руководство не продемонстрировало тогда желания идти на немедленные переговоры, всячески подчеркивая особый статус договора, который “должен стать прочной основой для развития англо-советской дружбы”¹⁷. Тем не менее, вялотекущие консультации между двумя правительствами продолжались весь 1946 год¹⁸. Наконец, в начале 1947 года Сталин высказал в послании к Бевину советское видение проблемы пролонгации договора: “раньше чем продлить этот договор, нужно его изменить, освободив его от оговорок, которые ослабляют этот договор”¹⁹. Вместе с тем английская сторона постоянно подвергалась обвинениям со стороны советской прессы в затягивании переговоров. Чего стоит, например, появление в “Правде” статьи “Бевин отрекается от англо-советского договора о взаимной помощи”, в которой нападки в адрес английского министра строились на вырванных из контекста фразах его выступления по радио²⁰.

Переговоры о новой редакции договора зашли в тупик из-за формулировки статьи VI советского проекта. Она гласила, что обе дого-

варивающиеся стороны не должны участвовать «ни в каких коалициях или действиях и мероприятиях, прямо или косвенно направленных против Другой Договаривающейся Стороны»²¹. Английскую дипломатию не устраивало наличие в статье фразы об участии «прямо или косвенно» в «действиях или мероприятиях», которая в силу множества вариантов своего толкования могла стать серьезным препятствием для ассоциирования Великобритании в будущую систему европейской безопасности. Таким образом, переговоры прекратились, а советское руководство не преминуло представить английскую сторону виновницей их срыва.

Прием одностороннего признания лейбористского правительства ответственным за ухудшение отношений между двумя странами был взят в СССР на вооружение и использовался неоднократно, в частности при срыве переговоров о расширении англо-советских торговых отношений. Советский Союз потребовал от Великобритании, переживавшей нелегкие времена в экономике, продления сроков выплаты и снижения процентной ставки по предоставленным во время войны британским кредитам. Правительство Эттли сочло эти требования необоснованными, что дало повод для советского руководства назвать главной причиной прекращения переговоров неприемлемую для Советского Союза позицию, занятую британской стороной²².

Дальнейшее развитие внешнеполитической ситуации в мире нашло отражение в известном докладе А. Жданова «О международном положении», сделанном на совещании компартий в октябре 1947 года. Великобритания в нем была названа активным участником «лагеря империализма», противостоящего «антиимпериалистическому лагерю»²³. Кроме того, лейбористское правительство именовалось Ждановым «предателями дела рабочего класса», которые во всех основных вопросах идут «в русле империалистической политики США в качестве их сателлитов»²⁴.

Этой безапелляционной характеристикой в советской печати был дан старт шумной кампании по «разоблачению сущности» правительства Эттли - Бевина. Газетные и журнальные страницы запестрели статьями об «очередных маневрах» «правосоциалистических предателей» и «лакеев Уолл-Стрита», как стали именовать лейбористское руководство. Советская пропаганда всеми силами старалась представить правительство суверенного государства полностью лишенным самостоятельности на международной арене. «Прав-

да», например, писала, что «правые лейбористы увлекли свою страну по пути вассальной зависимости от банкиров Уолл-Стрита», «пресмыкаются пред американским и английским капиталом» и готовятся к развязыванию новой войны²⁵.

Активное участие Великобритании в создании Североатлантического Союза было расценено в СССР как отказ от «антиагрессивной политики, принятой на Ялтинской и Потсдамской конференциях», а сам пакт был объявлен орудием «агрессивной политики правящих кругов США и Великобритании». В меморандуме, направленном странам-участницам блока, советское правительство квалифицировало его направленным против СССР, а участие в нем Великобритании объявлялось нарушением союзного договора 1942 года²⁶.

Подобным образом оценивалась и политика Англии в решении Германского вопроса. Правительство Эттли неоднократно обвинялось в непоследовательном претворении в жизнь Потсдамских решений об осуществлении политики «четырех Д» в отношении Германии. Советские газеты постоянно писали о сохранении в английской зоне оккупации крупных соединений вермахта, о недостаточной денацификации и засилии в местных органах бывших нацистов, а британские оккупационные власти обвинялись в покровительстве «реваншистов» и «сепаратистов». Советская сторона старалась сложить с себя ответственность за разразившийся в 1948 году Берлинский кризис, объявляя его главной причиной проводимую западными державами политику раскола Германии²⁷. Образование Западногерманского государства было встречено в СССР новыми обвинениями Великобритании в нарушении Потсдамских обязательств, что привело к «расколу Германии и срыву процесса демократизации и демилитаризации»²⁸.

Окончательное «похолодание» в отношениях между СССР и Великобританией, оказавшихся по разные стороны политико-идеологического фронта, сопровождалось дальнейшим усилением антибританской пропаганды в советской печати. Материалы, посвященные Соединенному Королевству, слились в сплошной поток безудержной критики «английского империализма», достигнув критической массы на рубеже 1950 - 1951 гг. Именно тогда между советским и британским правительствами произошел обмен несколькими жесткими нотами и посланиями, в которых затрагивались проблема демилитаризации Германии, судьба союзного договора и общее положение от-

ношений между двумя державами. Москва категорически протестовала против позиции лейбористского правительства по вопросу вхождения ФРГ в НАТО. «Вступая в военный союз... с правительством реваншиста Аденауэра, – говорилось в советской ноте от 20 января 1951 года, – правительство Великобритании подрывает основы и значение Англо-советского договора 1942». Вся ответственность за сложившуюся ситуацию во взаимоотношениях двух стран перекладывалась на английскую сторону²⁹. Сталин в беседе с корреспондентом «Правды» пошел еще дальше, обвинив лично премьера Эттли в раздувании клеветнической кампании против СССР, гонке вооружений и подготовке к развязыванию «новой мировой агрессивной войны»³⁰.

Поражение Лейбористской партии на досрочных выборах в 1951 году в СССР расценили как вполне ожидаемый результат потери ее влияния среди избирателей, вследствие неисполнения своих предвыборных обещаний проводить политику мира и дружественных отношений с другими странами. Вместо этого лейбористы безоговорочно поддерживали «агрессивные планы американских монополистов, все больше теряя самостоятельность и независимость Англии»³¹.

Советская пропагандистская машина на протяжении 1945 - 1951 гг. формировала негативный образ правительства Эттли как враждебного «мирной политике» СССР. «Правящая верхушка» Великобритании объявлялась главным виновником разрыва союзных отношений между двумя странами, вследствие проведения антисоветской внешней политики и отказа от выполнения двухсторонних обязательств.

➤ Примечания

¹ Кочкин Н. Англо-советский союзный договор 1942 года и начало холодной войны//Вопросы истории. 2000. № 1. С. 92-101; Он же. Эрнест Бевин // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 71-86.

² Зак Л. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М., 1976; Ерофеев Н. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских (1825-1853). М., 1982; Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях//Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12. С. 19-33.

³ Оболенская С. Немцы в глазах русских XIX в. // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 102-116; Шестаков В. Английский национальный характер и его восприятие в России//Россия и Запад: диалог или столкновение культур. М., 2000. С. 85-117; Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в российском и советском обществах первой половины XX в. М., 1998.

- ⁴ Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Указ. соч. С. 27.
- ⁵ Там же. С. 21-22.
- ⁶ Цит. по: Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 58.
- ⁷ Поздеева Л. Советская пропаганда на Англию в 1941 - 45 гг. // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 72.
- ⁸ Правда. 1945. 14 сент.
- ⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. М., 1989. Т. 1. С. 433.
- ¹⁰ Правда. 1945. 27 сент.
- ¹¹ Большевик. 1945. № 5. С. 54-58.
- ¹² Внешняя политика СССР: документы. М., 1947. Т. 6. С. 71.
- ¹³ Правда. 1946. 14 марта.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Молотов В. Вопросы внешней политики: речи и заявления. М., 1948. С. 39-40.
- ¹⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 103.
- ¹⁷ Правда. 1945. 27 сент.
- ¹⁸ См. подробнее: Кочкин Н. Англо-советский союзный договор... С. 93-94.
- ¹⁹ Правда. 1947. 19 апр.
- ²⁰ Там же. 15 янв.
- ²¹ Цит. по: Кочкин Н. Англо-советский союзный договор... С. 98.
- ²² Правда. 1947. 28 июля.
- ²³ Там же. 10 окт.
- ²⁴ Там же. 22 окт.
- ²⁵ Там же. 1948. 11 янв, 21 марта, 3 ноября.
- ²⁶ Там же. 1949. 1 апр.
- ²⁷ Там же. 1948. 3 окт.
- ²⁸ Там же. 1949. 3 окт.
- ²⁹ Там же. 1951. 21 янв.
- ³⁰ Там же. 17 февр.
- ³¹ Там же. 27 окт.

А.М. Лоханин

Американо-китайские отношения в 90-е: администрация Клинтона и проблема Тайваня

«Президентство Клинтона было исключительно успешным (сильная экономика, неслыханные бюджетные поступления, снижение бедности, международные успехи) и/или полностью провальным (затяжной кризис национального здравоохранения, якобы находящаяся в упадке армия, унижительный и грязный президентский импичмент)»¹. Эти слова, принадлежащие Рэнди Лайлстону, главному ре-

дактору сайта телекомпании CNN, очень хорошо отражают тот разноречивой оценок и мнений относительно политического наследия Вильяма Джеферсона Клинтона – одной из самых ярких и неоднозначных фигур новейшей истории США. Как пишет Лайлстон, он был «президентом, которого можно было или любить, или ненавидеть. Люди, глядя на него, видели то, что хотели видеть, и могли найти подтверждение абсолютно любой точки зрения»².

Споры о сущности «эры Клинтона» (термина, уже достаточно прочно сложившегося в западных публикациях) не стихают до сих пор. Многочисленные критики: ученые, политики, журналисты – обличали и обличают до сих пор президента и его администрацию в многочисленных просчетах и неудачах. С другой стороны, немалое количество защитников президента живописует годы его правления как новый «золотой век» глобализации и всемирной интеграции. Все эти дискуссии, так или иначе, имеют совершенно определенный политический подтекст и являются внешним проявлением ожесточенной борьбы между консервативным и прогрессивным блоками внутри американского общества.

Одной из самых спорных проблем внешней политики Клинтона является его китайская политика. Последняя всегда была предметом пристального внимания и ожесточенной критики оппозиции.

Кто КНР для Америки – партнер или соперник? Какова должна быть американская политика по отношению к Китаю – сдерживание или партнерство? Насколько решительно должна действовать администрация в своих попытках повлиять на КНР? Эти и другие вопросы широко дискутировались тогда и продолжают дискутироваться сейчас. Единственной общей посылкой, характерной для представителей обоих лагерей, является безусловное признание огромной роли Китая в контексте проблем региональной безопасности. Таким образом, мы подходим к вопросу о том, каковы были ключевые проблемы взаимоотношений США и КНР на протяжении президентства Клинтона и насколько успешной была его администрация при попытке их решения.

Центральной, наиболее дискутируемой проблемой остается проблема безопасности Тайваня. На протяжении 80-х годов и первой трети 90-х отношения между Пекином и Тайбеем были в целом достаточно спокойными и стабильными. Основой этой стабильности служила концепция «одного Китая» которая, с одной стороны, про-

возглашала формальное единство Тайваня с материком, а с другой стороны, постулировала невозможность фактического объединения страны кроме как мирным путем. Таким образом, с одной стороны, эта концепция гарантировала безопасность Тайваня от вторжения с материка, а с другой - давала КНР столь необходимые ей гарантии непровозглашения Тайванем независимости.

Однако с начала 90-х тайваньское руководство начало последовательно дрейфовать в сторону независимости. Причиной этому послужили демократические преобразования внутри тайваньского общества, ослабление влияния партии Гоминьдан как выразителя идеи единения с материком, приход к власти президента Ли Дэнхуэя, склонного к укреплению международного статуса Тайваня. Все это настораживало официальный Пекин, порождая подозрения о курсе Тайваня на независимость. Немало способствовала утверждению подобной оценки и заключенная в 1993 году сделка по продаже Тайваню истребителей F-16, вызвавшая у КНР большое недовольство и сильно пошатнувшая веру в беспристрастность США во внутрикитайском споре³. Впоследствии на всем протяжении 90-х годов китайская сторона много раз поднимала вопрос о поставках американских вооружений на Тайвань, напоминая администрации Клинтона об обязательстве США, данном еще президентом Рэйганом, постепенно снижать объемы военных поставок на Тайвань, причем при значительном качественном ограничении⁴.

Постепенно нарастающая напряженность в отношениях КНР и Тайваня воплотилась в кризисе 1995 - 1996 годов. Поводом к нему послужила поездка президента Тайваня Ли Дэнхуэя в США с целью посетить свою «альма матер» – Корнелльский университет. В этой акции власти КНР увидели попытку утвердить международный авторитет Тайваня как независимого государства. Многие исследователи отмечают, что администрация Клинтона в этом кризисе сыграла довольно неблагоприятную роль. Представители администрации до последнего момента уверяли китайскую сторону в неосуществимости подобного визита. Как заявил впоследствии китайский министр иностранных дел Квиан Квичен: «Я был заверен, что вопрос о предоставлении визы даже не стоит на повестке дня. Представьте, что я подумал и что подумали обо мне, когда виза была выдана»⁵. Учитывая то, что подобные заявления давались лично госсекретарем Уореном Кристофером, в глазах Пекина подобная позиция администрации могла и

была воспринята не иначе как прямое покровительство и помощь Ли Дэнхуэю в принятии курса на независимость. Министерство иностранных дел КНР предприняло серию демаршей с целью повлиять на позицию США и Тайваня. Были прекращены министерские визиты между КНР и США, отозван посол в США, была прекращена работа Ассоциации по развитию отношений между двумя берегами Тайваньского пролива (организации, выполняющей функции межгосударственной коммуникации между КНР и Тайванем в условиях отсутствия официального посольства). Однако эти действия были во многом запоздалыми и не повлекли за собой сколь-либо значимой реакции со стороны США и Тайваня.

Последней каплей для Пекина стала речь тайваньского президента в Корнелльском университете. Озаглавленное как «Народная воля всегда в моем сердце», это выступление превозносило ценности «Китайской республики на Тайване»⁶. Расцененное как прямая попытка положить начало курсу на независимость, это выступление вызвало всплеск негодования в государственной элите КНР и особенно в армии. Высокопоставленные представители НОАК и ряд сочувствующих им гражданских лидеров обрушились с критикой на министерство иностранных дел и лично на министра Квиан Квичена. Последний обвинялся в безволии и неспособности защищать интересы страны. В результате под давлением ряда военных, гражданских чинов, а также в известной степени общественного мнения было принято решение о проведении крупномасштабных учений в районе Тайваньского пролива, главной особенностью которых являлись учебные пуски новейших китайских ракет DF-15 в непосредственной близости от главных тайваньских портов и постоянных торговых путей. Все это сопровождалось угрожающей риторикой со стороны КНР, всячески подчеркивающей ее решимость добиться объединения страны тем или иным путем.

Подобная демонстрация силы вызвала к жизни алармистские настроения как на Тайване, так и в США. Администрация Клинтона по большому счету оказалась не готовой к подобному повороту событий, чем вызвала на себя яростную критику, тон которой задавали представители республиканского большинства в Конгрессе и средства массовой информации.

Ситуация повторилась на следующий год, в связи с проведением на Тайване первых в его истории всенародных выборов президента.

Лидером предвыборной гонки был Ли Дэнхуэй, и по большому счету именно ему и его сторонникам были адресованы новые ракетные пуски со стороны материка. Однако власти КНР, увлекшись демонстрацией силы, не учли фактора надвигавшихся президентских выборов в США. Президенту Клинтону было остро необходимо продемонстрировать политическую волю перед избирателями, чтобы отместить упреки в нерешительности и неспособности защитить союзников. Пожалуй, именно это стало причиной того, что в противоположность июлю 1995 года американская реакция в марте 1996 года была «избыточной» даже в глазах самих американцев⁷. В тайваньский пролив был введен авианосец «Индепенденс», и представители администрации всячески демонстрировали свою решимость защитить Тайвань от любой угрозы.

Каковы были последствия Тайваньского кризиса 1995 - 1996 годов?

Первое, что следовало бы отметить, – это усиление подозрительности в американском обществе относительно КНР. Эндрю Скобел в связи с этим отмечает, что на протяжении 90-х годов в США не раз раздавались голоса о китайском экспансионизме (наиболее нагнетавшей публикацией является книга Ричарда Бернштейна и Росса Мунро «Грядущий конфликт с Китаем»)⁸. Лишь несколько позже, во второй половине 90-х, стали появляться публикации о том, что военные возможности КНР были сильно раздуты (“overhyped”) авторами-алармистами, китайское руководство не имеет амбициозных экспансионистских планов, а НОАК достаточно ограничена по возможностям, которые в ближайшее время вряд ли существенно возрастут. Тем не менее, по мнению Скобеля, эта вторая школа, будучи более реалистичной, в оценке возможностей КНР склонна к недооценке важности Тайваня для КНР, а потому и готовности ее руководства рисковать. Также следует отметить, что представители алармистского направления продолжали вести активную пропаганду своих взглядов, в рамках научных форумов и через средства массовой информации, обличая своих оппонентов в наивности и непонимании диаметральной противоположности интересов КНР и США. Для характеристики последних алармистами было пущено в оборот даже специальное клише, активно используемое ими в публичных выступлениях, – «panda huggers», что можно перевести как «обниматели панд», «пандофилы», «пандолюбы»⁹.

Алармистские прогнозы после событий июля 1995 – марта 1996 получили в глазах сторонников «твердой линии» в отношении к КНР долгожданное подтверждение. К их числу относились многие влиятельные фигуры в Конгрессе, наиболее значительными из которых являлись председатель сенатского комитета по международным делам республиканец Джесси Хелмс, глава комитета по международным отношениям Палаты представителей Бен Гилман и председатель комитета по военным нуждам Палаты представителей Спенс Флойд. Такие фигуры, как сенаторы Хелмс и Коверделл, не раз ставили вопрос о четкой переориентации политики США с позиции арбитра, на позицию защитника Тайваня¹⁰.

В этой ситуации новой администрации Клинтона стало еще сложнее проводить действительно равноудаленную и прагматичную политику в отношении острова и материка. Противодействие республиканского конгресса официальному курсу вносило значительные коррективы в работу госдепартамента.

Тем не менее, несмотря на то, что свой второй срок президент Клинтон предварил внушительной демонстрацией силы в тайваньском проливе, это не наложило на его новый курс в отношении Китая отпечатка противостояния. Напротив, президент выступил инициатором политики «вовлечения». Согласно последней, главной целью американской политики в отношении Китая было «вовлечение» КНР в систему международных экономических и политических отношений в качестве преуспевающей, открытой и стабильной нации. Это предполагало всестороннее развитие экономических, политических и культурных связей между двумя странами, принятие КНР в основные международные организации. По мысли создателей этой концепции, китайская сторона, оценив по достоинству и привыкнув к плодам международного экономического и политического сотрудничества, во-первых, будет вынуждена принаравливаться к общепринятым правилам как в экономике (регулирование китайского экспорта посредством ВТО, открытие огромного китайского рынка для американских компаний), так и в политике, а во вторых, боясь потерять приобретенное таким образом благосостояние, китайское руководство будет вынуждено идти на дальнейшую либерализацию общественной жизни и улучшение положения с правами человека. Сам президент выразил главную идею своей политики в своей речи перед Национальным Географическим обществом от 11 июня 1998 года следующим обра-

зом: «Китай сам выберет свою судьбу. Но мы можем повлиять на его выбор, сделав правильный выбор для себя – сотрудничать с Китаем там, где мы можем, и работать непосредственно над нашими разногласиями там, где мы должны. Ввести Китай в сообщество наций, вместо того чтобы пытаться его туда не допустить – это лучший способ защитить наши собственные интересы»¹¹.

Таким образом, политика «вовлечения» стала краеугольным камнем китайской политики второй администрации Клинтона. В 1997 году председатель КНР Дзян Дземинь посетил с официальным визитом США, а на следующий 1998 год Китай посетил президент Клинтон. В ходе своего визита президент сделал программное заявление относительно статуса Тайваня. Им были провозглашены следующие три принципа, ставшие известными как политика «трех "нет"»: США не рассматривают Тайвань как независимое государство, не поддерживают политики «один Китай – один Тайвань» и выступают против участия Тайваня в любых международных организациях, предполагающих государственный статус для всех своих членов. Как справедливо отмечает Дэвид Бэчман, это была достаточно расплывчатая и неопределенная формулировка, причем сделано было это сознательно, с целью предоставления КНР и Тайваню необходимого простора для переговоров. Сам Бэчман остроумно характеризует подобную политику как «стратегическую неопределенность».

В то время как в КНР политика «вовлечения» и «трех "нет"» была расценена крайне положительно, на Тайване новые инициативы администрации Клинтона были встречены довольно холодно. Президент Тайваня Ли Дэньхуэй в своей книге «Точка зрения Тайваня» заявлял, что «Соединенные Штаты проводят политику сближения с КНР и ставят своей целью введение материкового Китая, независимо от его политической системы, в новый международный порядок. Эта политическая линия несовместима с идеей коллективной безопасности и защиты от потенциальных врагов»¹². Тайваньские средства массовой информации крайне негативно отреагировали на визит Клинтона в КНР. Так, например, в одном из периодических электронных изданий в сети Интернет автору попала тайваньская карикатура, представлявшая президента Клинтона и вице-президента Гора в образе китайских солдата и агитатора под партийным лозунгом времен 50-х: «Мы непременно освободим Тайвань». На наш взгляд, подобная реакция с тайваньской стороны весьма показательна и прекрасно от-

ражает то острое разочарование в американской политике, которое испытали сторонники независимости, еще недавно вдохновленные американской поддержкой.

Каковы же были просчеты и неудачи администрации Клинтона, мнимые и реальные, и насколько позитивным был вклад его двух администраций в поддержание мира и безопасности в районе тайваньского пролива?

Среди многочисленных упреков в адрес китайской политики президента Клинтона можно выделить следующие наиболее часто встречающиеся аргументы.

Многие, как например Дэвид Бэчман, отмечают что зачастую сам процесс «вовлечения» для администрации Клинтона становился важнее достижения конкретных результатов¹³. Исследователь отмечает, что администрация была достаточно ограничена по возможностям давления на Пекин, поскольку была слишком зависима от необходимости постоянно демонстрировать собственной общественности плоды, принесенные политикой «вовлечения». Таким образом, администрация не могла эффективно влиять на улучшение положения с правами человека в Китае, свободой вероисповедания, преследованием диссидентов. На наш взгляд, в данном вопросе ключевым моментом является вопрос о приоритете двух линий политики «вовлечения»: экономической и политической. И если по части политических успехов администрации можно спорить, то экономические успехи «вовлечения», безусловно, налицо: достаточно сказать что годовой оборот в двусторонней торговле США и КНР достиг 100 миллиардов долларов¹⁴. А если принимать во внимание потенциал китайского рынка для экономики США, то придется признать серьезные успехи администрации по налаживанию экономических отношений с КНР.

Следующей особенностью, которую выявил тайваньский кризис, явилось удручающее отсутствие механизмов коммуникации между тремя сторонами конфликта. Как отмечает в своей статье Дэвид Шамбах, учитывая потенциал возможных противоречий в Тайваньской проблеме, крайне необходимо создать некий формальный каркас для трехсторонних отношений по проблеме Тайваня¹⁵. Ему вторит известный аналитик, специалист по Китаю Курт Кэмпбелл, отмечая, что во время кризиса американская сторона не могла эффективно прогнозировать поведение не только КНР, но даже союзного им Тайваня¹⁶. Эта проблема, по нашему мнению, действительно дос-

таточно актуальна, особенно принимая во внимание конфликтный потенциал как китайско-тайваньских, так и китайско-американских отношений.

Также многие исследователи отмечают неспособность администрации Клинтона достигнуть межпартийного согласия по китайской проблеме. Достижение такого согласия, безусловно, сильно укрепило бы позиции администрации при проведении своей линии и сделало бы американскую политику более ясной и целостной в глазах Тайваня и КНР.

Шамбах также отмечает крайне слабую координацию американской политики по Китаю с Евросоюзом – за 9 лет президентства Клинтона помощник госсекретаря по Восточной Азии был в Европе с консультациями лишь дважды. Подобная «одиннадцатичасовая дипломатия», по мнению Шамбаха, приводит к тому, что США добровольно лишают себя сильного союзника, способного значительно усилить американское влияние на Китай. В Азии взаимодействие было налажено лучше, но все равно оставалось недостаточным, и оставались нередкими случаи, когда азиатские партнеры США узнавали о новых инициативах администрации Клинтона из газет.

Тезис о недостаточности усилий президента по обеспечению безопасности Тайваня, не раз высказываемый рядом сенаторов и конгрессменов, вызывает серьезные сомнения. Автор глубоко убежден, что в данный момент и в ближайшем будущем никакой реальной угрозы безопасности Тайваня со стороны КНР не существует. Прежде всего, это не в интересах самой КНР. Любая попытка реальной вооруженной агрессии против Тайваня, во-первых, обречена на провал, а во-вторых, вне зависимости от военной составляющей, будет равносильна экономическому самоубийству страны, ввиду ответных санкций со стороны международного сообщества и США.

Спекуляции вокруг проблемы безопасности выгодны прежде всего ряду тайваньских политиков, которые достижению консенсуса с КНР предпочитают курс на независимость, при этом прекрасно сознавая ту угрозу, которую он несет для региональной безопасности. Также безопасность Тайваня – излюбленный предмет для спекуляций ряда консервативных конгрессменов и сенаторов США, активно использующих стереотипы «холодной войны» для нагнетания напряженности в американо-китайских отношениях. Это дает им дополнительные рычаги давления на администрацию и прибавляет

политического веса в глазах американской общественности. Как показала практика, действия подобных лиц только дестабилизируют отношения с материком, добавляя головной боли представителям госдепартамента, причем не давая взамен никаких реальных дивидендов.

Несмотря на все просчеты, связанные с Тайваньским кризисом, администрация Клинтона достаточно эффективно урегулировала конфликт, еще раз недвусмысленно дав понять властям КНР недопустимость применения вооруженной силы. Как аргументированно, показал в своей статье Эндрю Скобел, китайская сторона с начала и до конца конфликта не имела намерения вступать в какие-либо боевые действия с тайваньской и тем более с американской стороной¹⁷. Политической целью акции была демонстрация США и Тайваню серьезности и важности тайваньского вопроса для КНР, устрашение Тайваня, но никоим образом не вооруженная акция. Результатом инцидента для КНР была потеря лица в глазах мировой общественности, осложнения в крайне важных для нее отношениях с США, обеспокоенность ее позицией стран АТР, усиление позиций сторонников независимости на Тайване. Все это, безусловно, нанесло немалый ущерб национальным интересам КНР. Не случайно Скобел отмечает, что многие военные, инициаторы решения о проведении маневров, были впоследствии сняты с занимаемых постов¹⁸.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на целый ряд серьезных ошибок и просчетов, в целом политика президента Клинтона в отношении Китая была взвешенной и стратегически оправданной. К сожалению, к плодам этой политики нельзя отнести достижение взаимного доверия – цели, достижению которой президент Клинтон на протяжении своего правления отдал много усилий. Без этого жизненно важного компонента вряд ли возможно реальное стратегическое партнерство между двумя странами.

➤ Примечания

¹ Lilleston R. We probably haven't seen the last of Clinton // <http://www.cnn.com/SPECIALS/2001/clinton/presidency/presidency.html>

² Ibid.

³ Scobell A. Show of Force: Chinese Soldiers, Statesman, and the 1995-1996 Taiwan Strait Crisis // *Political Science Quarterly*. 2000. № 2. P. 231.

⁴ Bachman D. The United States and China: Rhetoric and Reality // *Current history* Sep. 2001. P. 258.

⁵ Scobell A. Op. cit. P. 236.

⁶ Scobell A. Op. cit. P. 234.

⁷ Scobell A. Op. cit. P. 231

⁸ Scobell A. Op. cit. P. 227

⁹ Bachman D. Op. cit. P. 258 .

¹⁰ «Taiwan's accession to the WTO. Hearing before the committee on Foreign relations United States Senate. One hundred sixth congress, second session». Washington, U.S. government printing office, 2001. P. 3.

¹¹ Jefferson W. Clinton «U.S.-China Relations in the 21st Century. A Presidential Address to the National Geographic Society» // <http://www.uiowa.edu/~c030162/Common/Handouts/handouts.html>.

¹² Дэнхуэй Л. Точка зрения Тайваня. М., 2000. С. 166.

¹³ Bachman D. Op. cit. P. 257.

¹⁴ Shambaugh D. Facing Reality in China Policy // Foreign Affairs Jan. 2001. P. 56.

¹⁵ Ibid. C. 51.

¹⁶ Campbell K., Mitchell D.J. Crisis in the Taiwan Strait? // Foreign Affairs, July/August 2001. P. 22

¹⁷ Scobell A. Op. cit.

¹⁸ Ibid. C. 243.

Д.В. Брункевич

Европейская политика правительства Джона Мэйджера (1990 – 1992 гг.)

В 1997 году завершились 18 лет пребывания консерваторов у власти в Великобритании. На выборах тори потерпели сокрушительное поражение. Но неожиданным оказалось не само поражение, а его масштабы. Из 659 мест в палате общин они получили лишь 165. Тори заработали лишь 30,7% голосов избирателей в палате общин, потеряв тем самым общенациональный статус (ни один консерватор не был избран ни от Шотландии, ни от Уэльса). Такого разгрома они не переживали с 1909 года. Лейбористы же, напротив, вопреки репутации «партии прошлого» одержали блестящую победу за всю свою историю. На выборах они получили 43,3% голосов, 419 мест в парламенте. Это обеспечило им рекордное большинство в 174 мандата. Таким образом под периодом тетчеризма была подведена черта.

Почему проиграли консерваторы? Причин много. Одной из них стала политика правительства Мэйджера в отношении Европейского Союза. Тем не менее нельзя не заметить, что европейская политика британского премьера не была строго определенной на всем протяжении его правления. Вначале (до осени 1992 года, когда Великобри-

тания вышла из Европейского механизма обмена валют) она носила более или менее конструктивный характер.

В силу своего островного положения Британия всегда стояла особняком от остальной Европы. Поддерживая идею интеграции в целом, она долго не желала в ней участвовать¹. В 60-х британское правительство изменило свое мнение о перспективе вступления в ЕЭС и попыталась присоединиться к нему. Попытки Великобритании были остановлены тогдашним президентом Франции Шарлем де Голлем, который не одобрял отношения Великобритании с США (особенно по вопросам ядерного оружия), оспаривал принадлежность Великобритании к Европе и очевидно не хотел соперника в лице британского премьер-министра на пост главы ЕЭС. Де Голль ушел в отставку в 1969 году, и новые переговоры по вступлению Великобритании в ЕЭС начались в 1970 году про-европейским британским премьер-министром Эдвардом Хитом. В 1972 году парламент Соединенного Королевства проголосовал за вступление в союз, несмотря на растущие сомнения и неприятие этого решения оппозиционными политическими партиями. Великобритания, Ирландская Республика и Дания вступили в ЕЭС 1 января 1973 года, покинув ЕАСТ в 1972 году. В 1974 году новое правительство во главе с лейбористом Гарольдом Уилсоном решило дать право голоса народу и в 1975 году провело референдум, где обсуждался вопрос, стоит ли продолжать состоять в ЕЭС. 67,2% голосовавших отдали свои голоса за объединение с Европой

Как и в 70-х, в 90-е годы Мэйджер попытался сделать кардинальный переворот в отношениях Британии с Европейским Сообществом.

У самого 47-летнего премьера, который никогда не учился в университете, было много общего с простыми британцами. Некоторое время он был безработным, однажды его даже не приняли на должность кондуктора автобуса. Придя к власти, по традиции он часто обедал в закусочных. Но все это не «мешало» ему стать преуспевающим бизнесменом, а затем и политиком. В прошлом банкир, Мэйджер в 1979 году становится членом парламента от округа Хантингтошир, а в 1987 г. помощником канцлера Найжела Лосона в правительстве Тэтчер. В 1989 году Мэйджера назначают министром иностранных дел и через 6 месяцев после отставки Лосона канцлером. Будучи на этом посту, он приводит Великобританию в октябре 1990 года к Европейскому Механизму Обмена Валют (МОВ). В следующем месяце Мэйджер становится

премьер-министром, победив Майкла Хизелтайна и Дугласа Хурда на выборах лидера Консервативной партии после отставки Маргарет Тэтчер.

По мнению некоторых исследователей, наиболее трудные проблемы во внешней политике правительства Мэйджера были связаны с отношением с Европейским Экономическим Сообществом (ЕЭС), а затем и с Европейским Союзом (ЕС)². Как выразился бывший министр внутренних дел К.Бэйкер, ЕС стал «бермудским треугольником» для консервативной партии³. Расхождения в этом вопросе стоили отставок нескольким министрам правительства Тэтчер (Н. Лоусону, Дж. Хау и др.), да и ей самой.

Смена в ноябре 1990 г. премьер-министра Великобритании была встречена в европейских столицах с глубоким удовлетворением, т.к. в последние годы правления Тэтчер отношения Лондона с Европейским сообществом, по существу, зашли в тупик. Ожидали, что новый премьер займет более конструктивную позицию в отношении процессов углубления европейской интеграции. Тем более что с его именем было связано, как уже говорилось, трудное решение Великобритании присоединиться к МОВ в октябре 1990 г. Занявшему после неожиданной отставки Лоусона пост министра финансов Мэйджеру, в отличие от его предшественника, удалось убедить Тэтчер в необходимости этого шага. Сам он считал это решение своим главным достижением на посту канцлера казначейства. Вместе с тем выдвинутая им еще в июне 1990 года идея создания «крепкого экю» не получила поддержки Франции и Германии.

Со вступлением Джона Мэйджера в должность корректировка подходов к европейской интеграции была объявлена одной из первоочередных задач нового кабинета. Баланс сил в нем сменился в сторону проевропеистского курса, но критический подход при этом сохранился. Не отрекаясь от тэтчеризма, было решено отойти от его крайностей. Европа стала главным приоритетом британской внешней политики.

Об этом свидетельствовало выступление премьер-министра в марте 1991 года, а ранее в декабре 1990 года - заявление министра иностранных дел Хэрда о Западно-Европейском союзе (ЗЕС) как форуме европейской безопасности. Лондон повернулся лицом к Европе. Вопреки ожиданиям некоторых аналитиков, при отсутствии международного опыта Мэйджер проявил себя искусным дипломатом. Под-

держивая основные принципы европейского курса, Тэтчер и являясь противником федерализма, он в то же время был сторонником создания общеевропейского рынка. Как удачно заметил К. Бэйкер, разница между двумя премьерами состояла в том, что «Мэйджер хотел быть в сердце Европы, в то время как Тэтчер предпочитала быть у ее горла»⁴. Лидер британских консерваторов, не желая полностью интегрироваться в Европу, хотел иметь контроль и влияние на интеграционные процессы в ней. Чтобы добиться своей цели, он сделал ставку на Германию. Отношения с ФРГ заняли в европейской стратегии Мэйджера ключевое место. Стремясь «не допустить маргинализации Великобритании в сообществе и трансформировать франко-германскую ось в треугольник Лондон – Париж – Бонн»⁵, он стал налаживать взаимоотношения с этой страной. На встрече с канцлером Коелем британский премьер озвучил свое решение «быть в самом сердце Европы»⁶.

Стоит заметить, что его заявление, как выяснилось впоследствии, было неправильно истолковано в европейских странах. Лондон, как говорили там, вовсе не собирался менять свою позицию в отношении европейского федерализма, а лишь давал понять, что хотел бы играть более активную роль в маастрихтских переговорах. Вынужденный впоследствии маневрировать, чтобы избежать раскола собственной партии (чего, в конечном счете, он так и не смог предотвратить), Джон Мэйджер признался, что имел в виду нечто иное – «быть в центре дебатов относительно будущего Европы». Заявление о желании быть в сердце Европы было повторено им на очередной конференции консервативной партии в октябре 1991 года. Это намерение было объяснено стремлением защитить национальные интересы. Такой подход поначалу казался убедительным и еврооптимистам, и евроскептикам внутри консервативной партии, а также западноевропейским партнерам.

Одним из главных своих достижений на посту премьер-министра сам Мэйджер считал переговоры по поводу заключения Маастрихтского договора в декабре 1991 года. Он очень гордился тем, что с помощью жесткой позиции ему удалось отстоять интересы Великобритании, добиться для страны особого статуса в ЕС. Несмотря на давление со стороны партнеров, Великобритания не подписала социальную главу договора (она была вынесена в приложение). Выступая накануне подписания Маастрихта в палате общин, премьер указал на

вредность для Соединенного Королевства присоединения к Социальной Хартии ЕС, провозгласившей общие нормы трудовых отношений и социального обеспечения в странах Сообщества. По ней, в частности, был установлен общеевропейский потолок продолжительности рабочей недели в 48 часов. Доказывая свою позицию, Мэйджер приводил экономические показатели – самые низкие за 30 лет темпы инфляции, уменьшение безработицы, рост деловой активности, низкие банковские учетные ставки, стабилизация обменного курса фунта стерлингов. Все это, по его мнению, может быть поставлено под угрозу, если положения Социальной главы договора станут действовать в Великобритании, т.к. в этом случае страна будет вынуждена взять на себя высокие социальные издержки (против чего всегда выступали сторонники неоконсерватизма). Это, в свою очередь, может отрицательно сказаться на занятости, приведет к росту цен и нанесет непоправимый вред конкурентоспособности британских компаний на мировых рынках.

Великобритания зарезервировала за собой (и затем этим воспользовалась) право не участвовать в создании валютно-финансового союза. Он, с точки зрения необходимых для введения единой валюты условий – сближения показателей экономического развития стран ЕС, темпов инфляции и обменных курсов, – представлялся Лондону весьма проблематичным. Также по настоянию Мэйджера в тексте договора не употреблялось слово «федеральный», указывалось лишь на то, что подписание договора означает новый этап в процессе создания более тесного союза народов Европы.

Маастрихтский договор также предусматривал проведение странами-участниками общей внешней и оборонной политики, укрепление Европарламента и Европейского Суда, расширение компетенции ЕС в некоторых областях, принятие решений в Совете Министров Квалифицированным большинством, а также введение общего европейского гражданства. Благодаря усилиям Мэйджера в основу Маастрихта был положен и принцип «субсидарности» (subsidiarity), означавший делегирование части полномочий на более низкий уровень. Лондон трактовал его как закрепление такого положения, когда в вопросах, выходящих за компетенцию Евросоюза, его органы вступают в действие, только если страны-члены ЕС не могут добиться желаемых целей самостоятельно.

Тем не менее, Мэйджеру пришлось согласиться со всем тем, против чего категорически возражала Тэтчер. В целом, несмотря на введение общего гражданства, сообщество не стало федерацией, но ратификация договора странами-участниками представляла собой важный шаг на пути углубления интеграции.

Британское руководство расценило подписание договора как несомненный успех. По мнению внешнеполитического советника премьера П. Крэдока, Маастрихт позволил Великобритании остаться за столом главных игроков с правом голоса в отношении планов будущего развития ЕС. В то же время он предоставил Лондону некоторую свободу маневра. При этом в интересах сохранения единства правящей партии значение уступок, на которые вынужден был пойти Лондон, всячески преуменьшалось, напротив, на первый план ставились достижения премьера в обеспечении особого статуса для страны. Европейские же партнеры Великобритании указывали, что Маастрихтский договор о создании Европейского союза был намного более важным, чем Римский. Сам текст договора был скрыт от широкой общественности и опубликован только после парламентских выборов в 1992 году.

21 мая 1992 года Маастрихтский договор был одобрен палатой общин 336 голосами против 92 (недовольные исключением из основного текста Социальной главы, лейбористы воздержались при голосовании). При этом 22 консерватора и 59 лейбористов проголосовали против.

В целом можно сказать, что Маастрихтский договор стал политическим триумфом Мэйджера. Здесь он проявил себя как мастер компромисса. С одной стороны, в глазах европейских партнеров он зарекомендовал себя как прагматик, а с другой, добившись для страны особого статуса в ряде вопросов, сумел на некоторое время усыпить бдительность «евроскептиков» в партии. Сам он был чрезвычайно горд достигнутым результатом, заявив, что выиграл для Британии гейм, сет и матч. Высокая оценка Маастрихтского договора, согласно его заявлению, основывалась на том, что Великобритании якобы «впервые удалось изменить тенденцию, воспрепятствовав в дальнейшем централизации», подтверждением чему являлся зафиксированный в договоре принцип «субсидарности».

Но здесь, как нам думается, Мэйджер выдавал желаемое за действительное. Маастрихтский договор, как и Единый европейский акт,

подписанный в свое время, явился важным шагом на пути дальнейшего углубления европейской интеграции, что неизбежно вело к ущемлению британского суверенитета. В то же время Маастрихт мог оказаться катастрофой для Мэйджера, если бы европейские партнеры заняли на переговорах более жесткую позицию. В этом смысле хорошие отношения премьера с канцлером Колем, благодаря которому ФРГ в ряде вопросов пошло навстречу Великобритании, оказались полезными.

В предвыборном манифесте консервативной партии подчеркивалось, что «Маастрихтский договор был успехом как для Британии, так и для остальной Европы»⁷. Мэйджеру удалось на какое-то время успокоить «евроскептиков» в собственной партии, и серьезный раскол по поводу Маастрихтского договора был отодвинут – он произошел уже после парламентских выборов 1992 г. В ходе предвыборной кампании европейская проблематика с молчаливого согласия лейбористов, которые также опасались раскола собственной партии, вообще не возникала, что было на руку консерваторам. Рупор консерваторов «Дейли телеграф» признала в этой связи, что «Мэйджер заслуживает сердечной благодарности своей партии» за то, что спас ее от поражения на парламентских выборах⁸. В это время консерваторы, несмотря на имеющиеся разногласия, в целом поддерживали интеграцию Великобритании в Европу и членство страны в ЕС, исходя из того, что усиление конкуренции в мировой торговле и валютно-финансовой сфере со стороны Японии и США требовали тесного сотрудничества Великобритании с другими странами ЕС. Такое сотрудничество, по мнению официального Лондона, способствовало укреплению Западной Европы как одного из ведущих мировых центров, а также усилению конкурентоспособности Великобритании как члена ЕС.

➤ Примечания

¹ Более подробно см.: Канинская Г.Н., Наумова Н.Н. История Западноевропейской интеграции. Ярославль, 1998. С. 28.

² См., например: Капитонова Н.К. Приоритеты внешней политики Великобритании (1990-1997). М., 1994. С. 55.

³ Alderman K. Legislation on Maastricht // Contemporary Record. The Journal of Contemporary British History. Winter 1993. № 3. P. 499.

⁴ Beloff, Lord. Britain and European Union. Dialogue of the Deaf. L., 1996. P. 106.

⁵ The Guardian. 1991. March 12.

⁶ Op. cit.

⁷ The Best Future For Britain. The Conservative Manifesto 1992 // (www.conservative-party.org.uk.)

⁸ The Daily Telegraph. Dec. 12.

А.В. Шустов

Роль миграций в формировании этнонациональной структуры государств Центральной Азии в советский период

В отличие от коренных этносов Центральной Азии, динамика которых определялась главным образом различиями в уровне рождаемости и смертности, численность и состав некоренного населения региона в большей мере изменялись под воздействием миграционных потоков, неоднократно менявших на протяжении XX века свой объем и направленность. После присоединения региона к России, которое завершилось в конце XIX века, миграции между Центральной Азией и европейской частью страны ежегодно исчислялись десятками тысяч человек. Но отрицательным сальдо миграционного обмена становится лишь с конца 60-х годов, когда количество покинувшего Казахстан населения впервые превысило численность иммигрантов. Анализ истоков, факторов и последствий этих миграционных процессов и является задачей данной статьи.

Проникновение русских на территорию современного Казахстана началось еще в XVI веке, после присоединения Сибирского и Астраханского ханств. Первыми русскими поселенцами в Северном Казахстане стали яицкие (уральские) казаки, первоначально осваивавшие эти земли самостоятельно и подчиненные астраханскому губернатору лишь в 1720 г.¹ Колонизация территории Казахстана первое время происходила, таким образом, стихийно, и лишь на более поздних этапах в этот процесс включилось государство. В XVIII – первой половине XIX века стихийное проникновение в степь сменяется целенаправленной государственной колонизацией, в ходе которой к России были присоединены все три казахских жуза. Стабилизация военно-политической ситуации в регионе, освобождение крестьян и рост аграрного перенаселения в европейских губерниях России в середине XIX века привели, по словам В.Н. Алексеенко, к смене основного

субъекта колонизации, в результате которого место казаков заняли кретьяне-переселенцы².

После присоединения в 60 - 80-е годы XIX века Средней Азии русская колонизация распространилась и на эти территории, однако их освоение имело ряд особенностей. В отличие от огромных и слабо заселенных казахских степей Туркестан обладал довольно высокой плотностью населения, и пригодных для обработки земель здесь было не так уж и много. Кроме того, в Средней Азии русским пришлось столкнуться с древней земледельческой культурой, имевшей свои обычаи и традиции ведения хозяйства, которые приходилось учитывать в ходе создания здесь славянских поселений. В Южном Казахстане и Узбекистане, например, русские села появились только в 80-е годы XIX века, и в отличие от Северного Казахстана, где сформировались крупные территориальные анклавы славянского населения, были расположены довольно разрозненно³.

На слабозаселенных и располагавших более благоприятными климатическими условиями землях Северного Казахстана колонизация происходила более интенсивно. С 1870 по 1906 г. из европейской части империи и Сибири на эти территории в общей сложности переселилось 521 тыс. чел., а в ходе переселенческого движения 1906 - 1914 гг. – еще 714 тыс.⁴. Численность славянского населения Казахстана в 1887 - 1917 гг. выросла в три раза, с 633,4 до 1938,8 тыс. чел., а его удельный вес в 1914 г. составил 29,9%⁵. Проникновение русских на территорию Бухарского эмирата и Хивинского ханства было осложнено формальной самостоятельностью этих государственных образований. Но к 1917 г. в Бухаре помимо военнослужащих уже проживало 50 тыс. русских, а в самом Туркестане к началу первой мировой войны на долю русских приходилось 6% населения⁶. Активная иммиграция русских в конце XIX – начале XX века привела, таким образом, к значительному изменению этнической структуры Казахстана и появлению отдельных вкраплений русского населения в Средней Азии.

В советский период роль государства в формировании миграционных потоков значительно возрастает, а их характер нередко становится насильственным. В 1920-е гг. миграции еще сохраняли свою прежнюю направленность, сложившуюся в дореволюционный период. Сразу после окончания гражданской войны возобновилось переселенческое движение в Казахстан, в ходе которого только в течение

1925 г. здесь, по сведениям казахских авторов А. Кузембайдуллы и Е. Аманжолулы, осело 17,4 тыс. русских крестьян⁷. С началом коллективизации на рубеже 20-30-х гг. стихийные крестьянские миграции сменяются плановым переселением в республику сотен тысяч раскулаченных крестьян из западных регионов СССР. В результате к 1 апреля 1941 г. в Казахстане осели 180 115 крестьян, высланных сюда в качестве «кулаков». Источником пополнения некоренного населения Казахстана стал и проводившийся в 1931 - 1940 «оргнабор» в промышленность, в ходе которого в республику переселились 509 тыс. индустриальных рабочих из европейской части страны⁸. Огромное влияние на формирование населения Казахстана также оказал голод 30-х гг., вызвавший резкое – на 1/3 сокращение численности казахского этноса, место которого было быстро заполнено славянскими иммигрантами⁹.

В 30 – 40-е годы на территорию Средней Азии и Казахстана были депортированы многочисленные народы, подвергшиеся репрессиям по политическим мотивам: поляки, корейцы, немцы Поволжья, калмыки, карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, курды, азербайджанцы, турки, армяне, греки, хемшиды и более мелкие этнические группы. Общая численность спецпоселенцев в Казахстане к началу 1953 г. составила 988,3 тыс. чел., или 10% населения республики, зафиксированного переписью 1959 г. Если учесть, что во время Великой Отечественной войны в республику было эвакуировано 15 млн. чел. из оккупированных районов СССР и далеко не все из них вернулись на родину, картина насильственных и вынужденных миграций 30 - 40-х гг. станет еще более массовой. В Средней Азии миграционная ситуация в этот период складывалась аналогичным образом с той лишь разницей, что в силу удаленности от центра и отсутствия больших массивов свободных земель масштабы переселений на их территорию некоренного населения оказались несколько меньшими.

В Таджикистане миграционные процессы отличались преобладанием внутренних переселений над внешними. В 1925 г. в республике начались крупномасштабные перемещения населения с целью освоения земель под хлопок, в ходе которых до 1940 г. было переселено около 400 тыс. чел., или немногим менее трети всего населения Таджикистана¹⁰. Несколько сократившись в масштабах, переселения продолжались вплоть до 70-х годов, в результате чего многие этнические группы были вынуждены покинуть места своего традиционного

проживания и поселиться в непривычных условиях. Одним из негативных итогов этих переселений стало нарушение исторически сложившегося этнотерриториального деления республики, создавшее почву для будущих межэтнических конфликтов. Следствием насильственных миграций 30 - 40-х гг., таким образом, стало появление в Центральной Азии ранее не проживавших здесь народов, в результате чего этническая структура региона стала еще более мозаичной.

В 50-е годы насильственные переселения в Среднюю Азию и Казахстан сменились добровольными, которые, тем не менее, полностью контролировались государством. Стимулами для очередной иммиграционной волны послужило освоение целины и строительство многочисленных промышленных предприятий, потребовавших привлечения рабочих и специалистов из славянских республик СССР. В середине 50-х – первой половине 60-х гг. в Казахстан, по некоторым подсчетам, прибыло около 2,5 млн. чел. В 1959 - 1972 гг. в Казахстан иммигрировали 787 тыс., а в Среднюю Азию – 539 тыс. чел., что составило соответственно 19 и 7% прироста их населения за этот период¹¹. Приток иммигрантов в Казахстан, таким образом, был более интенсивным, что и обусловило численное преобладание некоренного населения республики вплоть до конца 80-х гг.

Смена миграционного тренда и начало возвращения славянского населения в Россию, Украину и Белоруссию, наметившееся на рубеже 60 - 70-х гг., были вызваны замедлением темпов экономического роста, обусловившего, в свою очередь, сужение современного сектора экономики и потенциальной сферы занятости некоренного населения. Если в 1951 - 1960 гг. среднегодовые темпы роста советской экономики составляли 7,8%, достигнув наивысшего за все время существования СССР уровня, то в 1961 - 1970 гг. они снизились до 3,6%, в 1971 - 1980 гг. – до 2,3%, а в 1981 - 1990 гг. опустились до 0,5%¹². На 50 - 60-е гг. – период экономического подъема и активного освоения национальных окраин - и пришелся наибольший приток в Центральную Азию «русскоязычного» населения, обеспечившего модернизацию экономики региона. В 70 - 80-е годы, когда экономический рост замедлился, а рабочие места все чаще стали заполняться представителями коренных этносов, вектор миграции повернулся в сторону России, имевшей с середины 70-х годов положительное сальдо миграционного обмена с союзными республиками¹³. В то же время изменение ситуации по отдельным республикам происходило асин-

хронно. Миграционный обмен Казахстана с Россией стал отрицательным уже в 1968 г.¹⁴, тогда как в Таджикистане это произошло лишь в конце 70-х годов¹⁵.

В 80-е гг. динамику миграционных потоков между Россией и Центральной Азией можно проследить на основе официальных статистических данных. Миграционная убыль в этот период была характерна для всех республик региона, но наибольшие потери понесли Казахстан (447 тыс.) и Узбекистан (113 тыс.), в то время как эмиграция из Кыргызстана (60 тыс.), Таджикистана (50 тыс.) и Туркменистана (44 тыс.) была не столь масштабной (см. табл. 1). Общие миграционные потери региона в обмене с Россией за это время составили 714 тыс. чел., или 1,4% населения.

Таблица 1

**Миграции между государствами Центральной Азии и Россией,
1980-1988 гг., тыс. чел.**

Страны	Эмиграция	Иммиграция	Нетто-миграция	% от всего населения**	Коэффициент нетто-миграции*
Казахстан	1602,0	1155,0	- 447,0	2,7	28,0
Кыргызстан	239,0	179,0	- 60,0	1,4	25,0
Таджикистан	171,0	121,0	- 50,0	1,0	29,0
Туркменистан	140,0	96,0	- 44,0	1,3	31,0
Узбекистан	531,0	418,0	- 113,0	0,6	21,0
СЦА	2683,0	1969,0	- 714,0	1,4	26,8

* Миграционные потери в расчете на 100 эмигрантов, выбывших в Россию.

** Рассчитано на основе данных Всесоюзной переписи 1989 г.

Источник: Население России 1999. М., 2000. С. 125.

Распределение миграционных потерь государств Центральной Азии относительно всего населения выглядит несколько по-иному. Наиболее высокой, так же, как и в случае с общей численностью эмигрантов, оказалась миграционная убыль населения Казахстана (2,7%), за которым следуют Кыргызстан (1,4%), Туркменистан (1,3%), Таджикистан (1%) и находящийся на втором месте по абсо-

лутным размерам нетто-миграции Узбекистан (0,6%). Примечательно, что коэффициент нетто-миграции, показывающий разницу между численностью эмигрантов и иммигрантов, также оказался наиболее высоким в Туркменистане (31) и Таджикистане (29), где доля русских была незначительной, а самым низким – в Узбекистане (21), который по численности русских занимал второе место в регионе. В границах всего советского пространства общий коэффициент нетто-миграции населения Центральной Азии (26,8) в 80-е годы уступал только Закавказью (40), значительно опережая остальные республики Союза¹⁶.

Среди эмигрантов, покинувших Центральную Азию в 80-е годы, преобладало славянское население, хотя в миграционных потоках были представлены практически все этносы региона. Согласно оценке Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, произведенной на основе сопоставления естественного и фактического прироста населения, общие миграционные потери русской общины Центральной Азии в 1979 - 1988 гг. составили 460 тыс. чел. На долю русских, таким образом, пришлось более половины миграционного оттока из Центральной Азии в 80-е годы.

Сочетание активной эмиграции, низкой рождаемости в среде некоренного и высокой – титульного населения региона привело к тому, что удельный вес русских на протяжении 80-х годов снизился во всех республиках Центральной Азии¹⁷.

В Туркменистане, Таджикистане и Узбекистане сократилась и абсолютная численность русских (см. табл. 2). В Кыргызстане эмиграция почти полностью поглотила, а в Казахстане лишь замедлила естественный прирост русского населения, что частично компенсировало его отток из Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, сделав общее сокращение численности русских в Центральной Азии незначительным (0,5%).

Снижение абсолютной численности русских в 80-е годы, таким образом, происходило в Узбекистане, Туркменистане и Таджикистане, располагавших небольшим удельным весом русского населения, тогда в Казахстане и Кыргызстане, где его доля была значительно выше, численность русских продолжала увеличиваться даже в условиях значительного миграционного оттока. Миграции коренных этносов в условиях, когда среднегодовые темпы прироста населения региона составляли 2,1%¹⁸, существенного влияния на динамику эт-

нонациональной структуры республик Центральной Азии не оказали, увеличив, тем не менее, отрицательное сальдо миграционного обмена с Россией.

Таблица 2

Миграции русских в государствах Центральной Азии

Страны	Нетто-миграция, 1979 - 1988 гг., тыс. чел.	Изменение численности русских, 1979 - 1989, %
Казахстан	- 190,0	103,9
Кыргызстан	- 60,0	100,5
Таджикистан	- 40,0	98,3
Туркменистан	- 40,0	95,6
Узбекистан	- 130,0	99,3
Центральная Азия	- 460,0	99,5

Источник: Население России 1999. М., 2000. С. 134.

Роль миграционных процессов в формировании этнической структуры советских республик Центральной Азии, определявшихся политикой государства и тенденциями экономического развития региона, на протяжении всего XX века, таким образом, оставалась высокой. Но если в 20 - 60-е годы численность некоренных этнических групп в результате миграций постоянно росла, то в 70 - 80-е годы миграционные тенденции обретают обратную направленность и удельный вес, а затем и численность некоренного населения начинают сокращаться. То есть в течение первого периода население государств Центральной Азии под воздействием миграций становился все более полиэтническим, а на протяжении второго – моноэтническим. Сложившиеся на последнем этапе миграционные потоки, резко увеличившись в объемах и во многом детерминируясь иными факторами, сохранили свою направленность и после распада СССР, создавая тем самым социальную базу для формирования в постсоветской Центральной Азии авторитарных политических режимов с элементами этнократии.

➤ Примечания

¹ Алексеенко В. Н. Этапы и источники формирования славянского населения Казахстана в XVIII – начале XX века // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Брусина О. И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX-конец XX века. М., 2001. С. 20.

⁴ Алексеенко А. Н. Этнодемографические процессы и эмиграция из суверенного Казахстана: причины и перспективы // Современная этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. М., 1998. (<http://pubs.carnegie.ru/books/1998/07gv/07alexeenko.asp>).

⁵ Алексеенко В. Н. Этапы и источники формирования славянского населения... С. 16-18.

⁶ Лурье С. Особенности русской колонизации в Средней Азии // Центральная Азия и Кавказ. 1997. №8.

⁷ Кузембайдуллы А., Аманжолулы Е. История Республики Казахстан. Астана, 1999. /http://web.host.kz.history/theme/t27_4html/

⁸ Там же.

⁹ Кузнецова С. И. Этносоциальные проблемы государств Центральной Азии (Обзор зарубежной литературы) // Россия и окружающий мир: контуры развития. Вторые Павловские чтения. М., 1996. С. 217.

¹⁰ Бушков В.И., Микульский Д. В. Анатомия гражданской войны в Таджикистане. М., 1996. С. 27-28.

¹¹ Котов В. И. Народы союзных республик СССР. 60-80-е годы. Этнодемографические процессы. М., 2001. С. 78, 83.

¹² Болотин Б. Мировая экономика за 100 лет // Мировая экономика и международные отношения. 2001. №9. С. 96.

¹³ Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 2001. С. 128.

¹⁴ Алексеенко А. Н. Этнодемографические процессы...

¹⁵ Бушков В.И., Микульский Д.В. Анатомия гражданской войны в Таджикистане... С. 32.

¹⁶ Население России 1999. М., 2000. С. 125.

¹⁷ См.: Национальный состав населения СССР / Госкомстат СССР. М., 1991. С. 13-14, 17-19.

¹⁸ World Development Report 2000/2001. World Bank. N.Y., Washington, D.C., 2001. P. 278-279.

А.В. Гаврилов

Эволюция представлений о социально-экономических правах личности на примере Европейской Социальной Хартии

После Второй Мировой войны мировое сообщество стало придавать защите основных прав человека первостепенное значение. Это подтверждается не только ростом общественного внимания к возникающим и не всегда разрешающимся проблемам политического и социально-экономического характера, но и появлением многочисленных документов в правовой сфере. Это Европейская конвенция о

правах человека (1950), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Хартия основных прав трудящихся Сообществ (1989, ЕС) и собственно Европейская Социальная Хартия. Хартия была открыта для подписания в Турине в 1961 году и вступила в силу в 1965 году. Она стала (как принято считать сейчас) одним из важнейших договоров Совета Европы, защищающих основные социальные и экономические права, тем самым дополняя Европейскую конвенцию о правах человека. Экономические и социальные права не были включены в Конвенцию о правах человека, поскольку на тот момент они были предметом острых дискуссий. Для СЕ главными были тогда другие ценности (гражданские и политические права). Поэтому Конвенция имела репутацию одного из основных достижений СЕ, а Хартия долгое время оставалась в тени.

Лишь в конце 1980-х гг. по инициативе Комитета Министров СЕ начался процесс так называемой «реанимации» Хартии. В 1988 году в первоначальный текст Хартии были внесены дополнения (Дополнительный протокол от 5 мая 1988 года), а в 1991 году был принят Протокол о поправках (Туринский протокол от 21 октября 1991 года), который предусматривает внесение большого числа изменений в систему контроля. Он расширил Хартию 1961, дополнив закреплённые в её 19 статьях права другими экономическими и социальными правами, объединёнными в четыре новые статьи. Договаривающаяся Сторона должна принять по крайней мере одно из нижеследующих положений (в дополнение к другим положениям Хартии):

- право всех трудящихся на равные возможности и равные условия в том, что касается занятости и профессии, без дискриминации по признаку пола;
- право на информацию и консультации;
- право принимать участие в определении и улучшении условий труда и производства на предприятии;
- право любых лиц преклонного возраста на социальную защиту¹.

В случае подписания Дополнительного протокола правительства государств обязаны разрабатывать конкретную политику и принимать необходимые для её проведения меры, чтобы гарантируемые статьями протокола права применялись на практике. Так, например, в отношении статьи 4 государствами должны приниматься меры, дающие пожилым людям:

- возможность как можно дольше оставаться полноценными членами общества;

- возможность свободно выбирать образ жизни и вести независимое существование в своей привычной среде так долго, как они этого пожелают и пока это возможно;

- гарантирующие пожилым людям, живущим в заведениях для престарелых, надлежащую помощь, оказываемую с соблюдением уважения к их личной жизни, и участие в определении условий жизни в этих заведениях.

Таким образом, дополнительный протокол 1988 года обязывает государства, подписавшие этот документ, создать все необходимые условия, обеспечивающие реальное осуществление вышеперечисленных прав.

Но наиболее значительным последствием «процесса реанимации» стало открытие для подписания в 1996 году Пересмотренной ЕСХ, содержащей более полный набор основных гарантий. Права, закреплённые в статьях Дополнительного протокола, были введены в Пересмотренную ЕСХ 1996 года. Подход, положенный в основу нового документа, коренным образом отличался от подхода, которому следовали составители Дополнительного протокола, включившие в него лишь небольшое число новых прав, не охваченных Хартией 1961 года. Пересмотренная Хартия полностью заменяет для тех государств, которые ратифицировали её, основные гарантии, предусмотренные Хартией 1961 года и Дополнительным Протоколом.

«Основными статьями», или статьями «ядра» Хартии, стали:

статья 1: Право на труд;

статья 5: Право на объединение;

статья 6: Право на заключение коллективных договоров;

статья 12: Право на социальное обеспечение;

статья 13: Право на социальную и медицинскую помощь;

статья 16: Право семьи на социальную, правовую
и экономическую защиту;

статья 19: Право трудящихся-мигрантов и их семей на защиту
и помощь.

В ЕСХ 1961 года защищались многие, однако далеко не все эти права. Из отсутствующих прав наиболее важным является право на образование. Согласно официальному объяснению право на образо-

вание не относится исключительно к сфере социальной политики, в отличие от других защищаемых прав (решение Совета Министров, принятое в феврале 1958 года). Среди других факторов следует перечислить «трудности, связанные с подготовкой проекта, гарантирующего бесплатное образование и охватывающего федеративные государства, в которых образование относится к компетенции местных властей». Отсутствие права на образование особо бросается в глаза, если учесть, что начальное, среднее и высшее образование гарантируется в статье 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года.

В пересмотренную ЕСХ включён пункт 2 статьи 17, согласно которому Стороны обязуются «обеспечивать детей и подростков бесплатным начальным и средним образованием, а также поощрять регулярное посещение школ», т.е. в Пересмотренной Хартии предусматривается право на бесплатное начальное и среднее образование, а также обязанность государств содействовать посещаемости занятий школьниками.

Право на образование неразрывно связано с правом на труд: первое является необходимой предпосылкой для полной реализации последнего. Эта связь уточнена в пункте 4 статьи 1, который обязывает государства «обеспечить или содействовать надлежащей профессиональной ориентации, подготовке кадров и реабилитации». В связи с этим в ЕСХ 1961 года есть ряд положений, косвенно направленных на частичное осуществление права на образование. В частности, запрет на труд детей моложе 15 лет, за исключением лёгких работ, не мешающих их образованию, является основополагающим для осуществления права на образование. Кроме того, в статье 9 Хартии предусматривается право на профессиональную ориентацию, касающуюся, в частности, молодёжи школьного возраста и взрослых. В пункте 1 статьи 10 Хартии предусматривается, с одной стороны, право на техническую и профессиональную подготовку всех лиц, включая инвалидов, а с другой – право доступа к высшему техническому и университетскому образованию на основании единственного критерия – индивидуальных способностей.

Ещё одним недостатком в Хартии 1961 года является отсутствие общей гарантии *права на жильё*. В статье 31 Пересмотренной Социальной Хартии, где оговаривается право на жильё всему населению:

«Для обеспечения эффективной реализации права на жильё Стороны обязуются принимать меры, направленные на:

1. Предоставление жилья на уровне адекватных стандартов;
2. Предотвращение бездомности и сокращение числа бездомных, имея в виду постепенную ликвидацию бездомности;
3. Сделать цену на жильё доступной для людей, не имеющих достаточных средств».

Не предусматривалась в Хартии 1961 года также и *защита от нищеты*. Предусматривая определённую степень защиты права на оплату труда, которая обеспечила бы «достойный уровень жизни» трудящимся и их семьям, и права на социальную медицинскую помощь, Хартия тем не менее не содержала общей гарантии «достойного уровня жизни» для всех лиц, зафиксированной в пункте 1 статьи 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Статья 4 Хартии предусматривала в отношении заработной платы и её защиты ряд гарантий. Так, например, в пункте 1 статьи 4 гарантировалось справедливое вознаграждение трудящимся. Заработная плата не должна была быть чрезмерно ниже средней заработной платы по стране. Кроме того, заработная плата должна быть в любом случае выше, чем порог бедности. Минимальный уровень, установленный в этом плане Европейским комитетом по социальным правам, составлял 60%.

Имеющийся в Хартии 1961 года пробел восполняется в Пересмотренной Хартии. Статья 30 этого документа гарантирует право на защиту от бедности и социального ostrакизма (отторжения). Для обеспечения эффективной реализации этого права Стороны обязуются «принять меры в рамках всеобъемлющей и скоординированной программы к приобщению лиц, живущих в условиях бедности и социального ostrакизма, к занятости, обеспечению их жильём, медицинской помощью, культурными ценностями, организации для них обучения».

Хартия 1961 года лишь отчасти защищает права инвалидов. В статье 15 упоминаются права на профессиональную подготовку, реабилитацию и социальное обустройство лиц, страдающих умственными и физическими недостатками, т.е. целью данной статьи является лишь осуществление равенства возможностей для инвалидов в области занятости. Таким образом, опять в первоначальном варианте Хартии не обеспечивается полная гарантия. В Пересмотренной Хартии

имеются дополнения по этому вопросу. В статье 15 защита инвалидов значительно расширена. Пересмотренная Хартия применяется не только к профессиональному обучению и переподготовке. В ней, помимо этого, предусмотрено право нетрудоспособных лиц на индивидуальную социальную интеграцию, личную независимость и на участие в общественной жизни.

В части 2 Хартии 1961 года также отсутствует положение, аналогичное статье 14 Европейской конвенции о защите прав человека (4 ноября 1950 года). Речь идёт об отсутствии запрещения дискриминации «по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или других взглядов, национальности или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, собственности, рождению или другого статуса». Конечно, преамбула и несколько положений Хартии содержат условия о недискриминации (см. п.3 ст.4, п.4 ст.12, п.4 ст.13), но этого мало для полного обеспечения права на равное обращение. Необходимо общее положение такого рода, применимое ко всей части 2 Хартии.

Надо также отметить, что существенные гарантии Хартии 1961 года распространялись только на граждан Договаривающихся Сторон. В Пересмотренной ЕСХ есть положение, согласно которому гарантии распространяются на всех иностранцев, законно проживающих или работающих на территории одной из Договаривающихся Сторон, независимо от национальной принадлежности. Это в значительной степени улучшает существовавшее с 1961 г. положение. В целом формулировки обязательств, содержащихся в Хартии 1961 года, относительно социальных прав носили чрезвычайно общий и достаточно консервативный характер.

Пересмотренная Социальная Хартия была открыта для подписания на заседании Комитета Министров СЕ 3 мая 1996 года и вступила в силу 1 июля 1999 года. Новые права, предусмотренные в Пересмотренной Хартии, включают в себя:

- Право на защиту в случае прекращения договора найма.

Статья защищает работников от любых необоснованных увольнений: работники имеют право не быть уволенными без уважительных причин. Это право должно сопровождаться средствами правовой защиты и выплатой компенсаций.

- Право работников на защиту их требований в случае неплатежеспособности предпринимателя.

- Право на защиту достоинства во время работы.

Пересмотренная Хартия предусматривает принятие разъяснительных информационных мер для защиты работников от любых сексуальных домогательств или любых иных враждебных и оскорбительных действий.

- Право работников, имеющих семейные обязанности, на равные возможности и равное обращение.

Статья направлена на то, чтобы семейные обязанности не понижали профессиональных возможностей работников. С этой целью в ней содержится требование о принятии конкретных мер, касающихся, в частности, сохранения работы и возвращения на работу после перерыва, вызванного необходимостью оставаться с детьми, или после отпуска по воспитанию детей. Также государства обязуются «развивать социальные службы, поощрять их деятельность, в частности, детские сады и другие подобные учреждения, берущие на себя заботу о детях». Также в статье фиксируется, что «семейные обязанности как таковые не должны рассматриваться как уважительные причины увольнения».

- право представителей работников на защиту и льготы на предприятиях;

- право на информацию и консультации при коллективных увольнениях, которое дополняет и расширяет статью 21 Пересмотренной ЕСХ;

- право на защиту от бедности и социального ostracизма (отторжения);

- право на жильё, которое является продолжением мер борьбы с бедностью и социальным отторжением, предусмотренных в статье 30.

О последних двух правах (статья 30 и статья 31) говорилось ранее – в подразделе 1.3.

Многочисленные поправки к положениям Хартии 1961 года включают, в частности:

- увеличение гарантированной продолжительности ежегодного оплачиваемого отпуска с двух недель до четырёх недель;

- включение в статью 2 нового пункта, защищающего права лиц, работающих по найму, на получение информации об основных аспектах их договора найма;

- увеличение с 12 до 14 недель продолжительности отпуска по беременности и родам;

- определение минимального возраста (18 лет) приёма на вредные и опасные работы; и множество более частных примеров.

Таким образом, мы видим на примере трёх разновременных редакций ЕСХ определённую эволюцию представлений о содержании основных прав личности. В период «холодной войны» вопрос о том, включают ли права человека в себя и экономические гарантии («третья корзина» в Хельсинки) был предметом спора двух систем. «Запад» давал отрицательный ответ на этот вопрос, «Восток» - положительный. Приблизительно с рубежа 1980/90-х, несмотря на победу над противником, один из оплотов классических западных ценностей: свободы, демократии, прав человека – Совет Европы фактически признаёт правильность позиций бывшего непримиримого врага, идейно дрейфует «на Восток». Это особенно интересно с учётом периодически возникающих дискуссий западных правозащитников с Китаем, в которых последний неуклонно выступает с позиций собственных представлений о содержании этих прав. В частности, указывается на то, что именно социально-экономические права составляют основу и обеспечиваются в первую очередь. В этой связи сформулированный в 1990-е годы вывод СЕ о том, что положение с соблюдением фундаментальных социально-экономических прав во многом определяет общую ситуацию с правами человека, звучит не только по-советски, но и по-китайски. И это является поводом для очень серьёзного, глубокого анализа.

➤ Примечания

¹ Эта и все последующие ссылки даны на издание: Европейская Социальная Хартия. М., 1998. Идентичными ему по содержанию являются также издания 2000 и 2001 г.

Е.Н. Савинская

Позиция Великобритании в Суэцком кризисе 1956 года

Объявление о национализации Суэцкого канала, сделанное президентом Египта полковником Насером 26 июля 1956 г. в Александрии, привело к серьёзному международному конфликту. Национали-

зация Суэцкого канала окончательно разрушила соотношение сил, сложившееся на Ближнем Востоке: правительства Англии и Франции опасались, что за этим последует отказ Египта от участия в трехсторонней декларации 1950 г., которая должна была предотвратить гонку вооружений на Ближнем Востоке, и соответственно начнутся переговоры о поставке оружия со странами советского блока¹.

Многие исследователи считают, что решение о вторжении англо-франко-израильских войск на территорию Египта было принято задолго до его начала: «Суэцкий кризис не имел прямого отношения к проблемам Суэцкого канала или ее компании. Этот кризис возник скорее из противостояния между западным и восточным национализмом, из надежд арабов на ликвидацию империи неверных и воцарение ислама и из намерений Запада сохранить Арабскую империю»².

Англия, как и Франция, всеми силами стремилась сохранить статус великой державы. Послевоенная колониальная империя Великобритании на Ближнем Востоке в основном базировалась на поддержке так называемого «консервативного династического национализма», который противопоставлялся попыткам арабов установить про-исламское националистическое правительство. Империалистические устремления Англии достигли пика после окончания второй мировой войны и начала распада колониальной империи и были нацелены на Египет. Однако планы правительства Насера и провозглашение 18 июня 1956 г. Днем независимости Египта стали серьезной помехой на пути к планам английского правительства, равно как и угрозой возникновения новой политически активной силы в арабском мире.

Помимо политического и стратегического значения канала для позиции Англии на Ближнем Востоке, ей нужен был канал и в экономическом отношении. Англия была главным клиентом компании Суэцкого канала, и в 1955 г. на ее долю пришелся 21% от общего числа танкерных тоннажных сборов, 45% сборов за нетанкерный тоннаж и 28% от чистой вместимости тоннажа зарегистрированных перевозок. В абсолютных цифрах на долю Великобритании приходилось от 9 до 10 млн. фунтов стерлингов от общих сборов пошлины (в тот год они равнялись 32,5 млн. фунтов стерлингов)³. Однако для самой Великобритании Суэцкий канал в качестве торгового пути, по мнению Г. Томаса, не имел принципиально важного значения: «Государственное казначейство не испытывало бы каких-либо серьезных неудобств и убытков, даже если бы канал оказался полностью заблоки-

рованным ... Конечно, канал [как торговый путь] был нужнее для Великобритании, чем для остальной Европы, но на его долю приходилось лишь 20,6% от общего числа морских перевозок грузов в британские порты и 15,4% из страны»⁴. И все же канал был нужен Великобритании, поскольку большинство ее военных судов проходило по нему, а 44% обычных акций компании приходились на долю именно Англии. Кроме того, с момента основания компании Суэцкого канала зона канала традиционно считалась английским владением⁵.

Ввиду этого неудивительна бурная реакция, высказанная премьер-министром Великобритании сэром Антони Иденом, и его желание «поставить Насера на место» и «обеспечить себе превосходство» в этом регионе⁶. В правительстве был образован комитет «министров по суэцкому вопросу» 27 июля 1956 г., обладавший статусом военного, однако начало военных действий против насеровского Египта Великобритания вынуждена была приостановить из-за отказа правительства США участвовать в этой кампании. 5 августа начались переговоры правительств Англии, Франции и Израиля о военных действиях против Египта, и вскоре, на Лондонской конференции, была достигнута договоренность о взаимодействии сторон и дате начала военной кампании, намеченной на 16 октября. Но в ходе этих переговоров Англия, по настоянию США, была вынуждена уступить роль лидера Израилю и Франции, вследствие чего суэцкая операция стала неизбежным последствием «полного взаимопонимания и взаимодействия» между Англией, Францией и Израилем, но Великобритания вынуждена была отказаться от совместных тактических действий с Израилем, чтобы сохранить свою репутацию в арабском мире. Вот почему «она лишилась всех преимуществ, которые могли принести военные действия, но подвергалась всем тем негативным политическим последствиям, которые принесло это сотрудничество»⁷.

Однако, несмотря на пристальный интерес общества к суэцкому вопросу и первоначальную поддержку парламентом и прессой военной кампании, начало военных действий, которое не было успешным для союзников, вызвало крайне отрицательную реакцию общества, прежде всего по поводу действий главы правительства. Так что 5 ноября, когда британское правительство под давлением США согласилось прекратить боевые действия, нарушив тем самым обязательства перед союзниками, разразился настоящий скандал. Оценка

такого шага английского правительства внутри страны была крайне резкой: большинство газет называли решение правительства о прекращении войны в одностороннем порядке «позором и унижением для армии» и указывали на то, что правительство «недопустимым образом подорвало свой авторитет» как внутри страны, так и за ее пределами⁸.

Внутри Англии критика политики торийского кабинета во главе с Антони Иденом исходила даже от таких традиционно консервативных институтов, какими являлись нефтяные компании, газета "The Times", министерство иностранных дел, главное казначейство, канал В.В.С., судебные органы, главы военных ведомств и англиканской церкви⁹. Но самую сильную оппозицию правительство приобрело в лице главы государства, заявившей о том, что премьер-министр начал эту военную кампанию «против воли своего соверена»¹⁰. Негативная реакция общества и политических деятелей на внезапный выход Великобритании из военной кампании против правительства полковника Насера в Египте, открытая критика ближневосточной политики правящего кабинета сторонниками консервативной партии свидетельствовали о небывалом падении авторитета тори и невозможности дальнейшего пребывания кабинета Идена у власти.

Политический кризис отразился также и на Содружестве. «Кризис оказался в равной степени культурным, как и политическим. Он был особенно сильным из-за того внутреннего напряжения у первого послевоенного поколения, которое повлек за собой распад английского военного союза»¹¹. Как отмечают многие английские исследователи, послевоенному поколению Великобритании пришлось наблюдать за тем, как их страна постепенно отказывается от роли великой державы, и «эта культурная трансформация сопровождалась растущей гуманизацией общественного мнения, которое настолько окрепло, что могло бы заставить правительство свести все военные действия на нет»¹².

Суэцкий кризис сильно повлиял на внутривнутриполитическую жизнь Великобритании. Те, кто выступал с критикой военных операций против Египта, считали, что внешняя политика кабинета Идена напоминает «партизанскую войну» и «тайный сговор с Израилем», что расценивалось как отступление «от либеральных традиций, конституции и моральных норм»¹³. Сторонники правительства во время заседаний парламента практически не выступали в защиту кабинета

Идена. Их основные действия сводились к тому, чтобы примирить оппозиционные парламентские группировки и напомнить о необходимости национального единства, следования национальным традициям, обретения нового национального самосознания и национального мира и согласия по суэцкому вопросу как внутри страны, так и за ее пределами¹⁴.

О степени недовольства официальной политикой правительства Антони Идена граждан Великобритании можно судить по тому потоку писем-протестов, который наводнил газету "The Times", равно как и либеральные издания, выпуску многочисленных памфлетов и карикатур, в которых выражались требования отставки правительства, всеобщей забастовки и даже содержались призывы к мятежу и привлечению к суду военных преступников¹⁵.

➤ Примечания

¹ Кальвокаресси П. Мировая политика после 1945 г.: В 2 кн. Кн. 1. М., 2002. С. 466-467.

² Childers E.B. The Road to Suez. L.: MacGibbon, 1962. P. 175.

³ Данные приведены по: Farnie D.A. East and West of Suez: The Suez Canal in History. 1854 – 1956. Oxford: Clarendon Press, 1969. P. 751 – 757; Chatham House Memoranda. Britain and Suez Canal / By D.C. Watt. Royal Institute of International Affairs. Oxford: University Press, 1956. P. 9-14.

⁴ Thomas H. The Suez Affair. L.: Weidenfield, 1967. P. 75.

⁵ Farnie D.A. East and West of Suez ... P. 463.

⁶ Hansard. Lord Debates. July 28, 1956. P. 1002-1003.

⁷ Price M.P. The Suez Crisis in Perspective // Contemporary Review. 1956. October. P. 197.

⁸ Keightley C. Dispatch. Operations in Egypt – November to December 1956 // Supplement to the "London Gazette", 1957. 10 September. P. 5331-5333.

⁹ См.: Price M.P. The Suez Crisis in Perspective ...; Childers E.B. The Road to Suez...; Thomas H. The Suez Affair. L.: Weidenfield, 1967; Flintham V. Suez 1956: a lesson in air power // Air Pictorial. 1965. August; Childers E.B. The Sinai War. 1959. Oxford, 1967, etc.

¹⁰ Цит. по: Farnie D.A. East and West of Suez... P. 730.

¹¹ Childers E.B. The Sinai War... P. 214.

¹² Ibid. P. 225.

¹³ Hansard. Commons Debates. November 24, 28, 1956. Vol. 561. P. 145, 152, 154.

¹⁴ Hansard. Commons Debates. November 24 - 26, 1956. Vol. 561. P. 137-139, 160-161, etc.

¹⁵ См.: Hansard. Commons Debates. November 1956. Vol. 561. P. 1745-1766; Keightley C. Dispatch. Operations in Egypt – November to December 1956 // Supplement to the "London Gazette", 1957. 10 September. P. 5336-5338.

Содержание

<i>М.Е. Ерин</i> 3	
<u>Российские и немецкие историки о судьбе военнопленных в СССР</u>	3
<i>Г.Н. Канинская</i>	
<u>Французские зеленые: в поисках единства (середина 70 – 80-х гг. XX в.)</u>	19
<i>Е.Г. Михайловский</i>	
<u>Политические взгляды Луи – Наполеона Бонапарта</u>	28
<i>С.Ю. Торопова</i>	
<u>Основные тенденции развития британской партийно-политической системы в поздневикторианский период и эпоху правления Эдуарда VII (1880 – 1900-е гг.)</u>	34
<i>Т.А. Федорова</i>	
<u>Политическая позиция Федерации индийских торгово-промышленных палат и конференция «круглого стола» в 1931 г.</u>	46
<i>О.Д. Куликова</i>	
<u>Антиамериканские настроения во Франции в начале холодной войны</u>	53
<i>Н.Ш. Каркозашвили</i>	
<u>Английские писатели о политических партиях США первой половины XIX века</u>	66
<i>С.Ю. Федоров</i>	
<u>Политика НАТО в сфере миротворчества: выработка теоретических подходов</u>	78
<i>М.В. Кольцов</i>	
<u>«Предатели рабочего класса». Советская пропаганда о правительстве К. Эттли (1945 - 1951 гг.)</u>	89

<i><u>А.М. Лоханин</u></i>	
<u>Американо-китайские отношения в 90-е: администрация Клинтона и проблема Тайваня</u>	98
<i><u>Д.В. Брунkevич</u></i>	
<u>Европейская политика правительства Джона Мэйджера (1990 – 1992 гг.)</u>	108
<i><u>А.В. Шустов</u></i>	
<u>Роль миграций в формировании этнонациональной структуры государств Центральной Азии в советский период</u>	115
<i><u>А.В. Гаврилов</u></i>	
<u>Эволюция представлений о социально-экономических правах личности на примере Европейской Социальной Хартии</u>	122
<i><u>Е.Н. Савинская</u></i>	
<u>Позиция Великобритании в Суэцком кризисе 1956 года</u>	129

Проблемы новой и новейшей истории

Вып. 4

Сборник научных трудов

Редактор, корректор А.А. Аладьева
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 15.11.02. Формат 60х84/16.
Бумага тип. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета.

Ярославский государственный университет
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.

Отпечатано
Издательство «Ремдер»
Ярославль, ул. Свободы, 91, оф. 33.